

Лауреат
Нобелевской премии
по литературе

Орхан Памук

Джевдет-бей и сыновья

PREMIUM

Азбука Premium

Орхан Памук

Джевдет-бей и сыновья

«Азбука-Аттикус»

1982, 1995

УДК 821.512.161
ББК 84(5Туц)-44

Памук О.

Джевдет-бей и сыновья / О. Памук — «Азбука-Аттикус», 1982, 1995 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-14728-7

Дебютный роман «Джевдет-бей и сыновья» занимает в творчестве Орхана Памука особое место. Отголоски событий, имена персонажей этой увлекательной семейной саги, охватывающей три поколения стамбульской семьи, можно найти во многих книгах писателя. В этом произведении, напоминающем «Сагу о Форсайтах» Голсуорси и «Будденброков» Томаса Манна, нашли свое отражение все любимые темы будущих романов Памука: стремление человека найти свое место в изменчивом мире, противостояние Востока и Запада, любовь к историям и загадкам, конфликт отцов и детей. И прежде всего, конечно, описания Стамбула, того, как менялся этот неповторимый город на протяжении XX века.

УДК 821.512.161

ББК 84(5Туц)-44

ISBN 978-5-389-14728-7

© Памук О., 1982, 1995
© Азбука-Аттикус, 1982, 1995

Содержание

Часть I. Предисловие	6
Глава 1. Утро	6
Глава 2. Коммерсант-мусульманин	11
Глава 3. Младотурок	16
Глава 4. В аптеке	19
Глава 5. В старом квартале	22
Глава 6. За обедом	27
Глава 7. В особняке паши	32
Глава 8. О времени, о семье, о жизни	37
Глава 9. Каменный дом в Нишанташи	43
Глава 10. Просьба больного	47
Глава 11. Умные и дураки	53
Глава 12. Ночь и жизнь	58
Часть II	60
Глава 1. Молодой завоеватель в Стамбуле	60
Глава 2. Праздничный обед	66
Глава 3. После обеда	70
Глава 4. Старые друзья	76
Глава 5. В другом доме	81
Глава 6. Что делать?	85
Глава 7. Перед тем как отправиться в путь	91
Глава 8. Дамы в Бейоглу	95
Глава 9. В конце дня	99
Глава 10. Письмо с Востока	102
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Орхан Памук

Джевдет-бей и сыновья

© М. Шаров, перевод, 2018

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Часть I. Предисловие

Глава 1. Утро

«И рукава, и спина... И весь класс... И простыни... Ай-ай-ай, вся кровать мокрая! Да, все промокло, я и проснулся», – бормотал Джевдет-бей. Все было мокрым, как в только что виденном сне. Ворча про себя, Джевдет-бей перевернулся на другой бок, вспомнил, что ему снилось, и вздрогнул. Во сне он снова был учеником начальной школы в Куле – сидел за партой, а напротив стоял учитель. Джевдет-бей приподнял голову с влажной подушки и сел в кровати. «Да, мы сидели, учитель стоял. Вся школа была по колено в воде, – сказал он вслух. – Почему? Потому что протекал потолок. С потолка лилась соленая вода, текла по моему лбу, по груди, растекалась вокруг. А учитель тыкал в меня указкой и говорил классу: „Все из-за этого Джевдета“». Вспомнив, как в него тыкали указкой, как все одноклассники, повернув голову, презрительно и осуждающе на него смотрели (взгляд старшего брата был самым презрительным и осуждающим), Джевдет-бей вздрогнул. Однако учитель, которому ничего не стоило в один присест избить весь класс на фалаке¹ и который одной пощечиной мог свалить ученика наземь, все-таки никак не наказывал его, Джевдета, за льющуюся с потолка воду. «Я был не похож на других – всегда один, все меня презирали, – размышлял Джевдет-бей. – Но никто не посмел меня и пальцем тронуть, хотя вода растеклась по всей школе!»

Страшный сон вдруг пробудил в нем приятные воспоминания. «Да, я был не как все, всегда один – но наказать меня не могли». Вспомнив, как однажды он забрался на крышу и побил черепицу, Джевдет-бей встал с кровати. «Побил черепицу. Сколько лет мне тогда было? Семь. А сейчас мне тридцать семь, я помолвлен и скоро женюсь». Вспомнив о своей невесте, Джевдет-бей испытал приятное волнение. «Да, скоро мы поженимся, и... Э, да что это я! Опоздал!» Чтобы узнать, который час, он сначала метнулся к окну, раздвинул шторы и выглянул на улицу. За окном был туман, исходящий странным призрачным сиянием. Солнце, стало быть, уже взошло. И тут, злясь на себя за то, что никак не может избавиться от старой привычки определять время по солнцу, он посмотрел на часы: полпервого². «Господи, как бы не опоздать!» И Джевдет-бей побежал в уборную.

Умывшись и приведя себя в порядок, Джевдет-бей еще больше взбодрился. За бритьем он снова размышлял о своем сне, потом, вспомнив, что сегодня предстоит идти в особняк Шюкрю-паши, решил надеть новый костюм, рубашку с накрахмаленным воротничком, галстук, который полагал самым элегантным, и феску, заказанную к церемонии помолвки. Посмотревшись в небольшое настольное зеркало, Джевдет-бей решил, что выглядит именно так, как надо, – и все-таки ему стало немного грустно. В том, что он с таким волнением наряжается, собираясь идти в дом своей невесты, было нечто смешное. Все еще ощущая легкую, безобидную грусть, Джевдет-бей снова раздвинул шторы. Туман окутал минареты мечети Шехзадебаша, но купол виднелся довольно отчетливо. Виноградные лозы, увившие решетку в соседнем саду, казались зеленее, чем обычно. «Жаркий будет денек!» – подумал Джевдет-бей. У решетки сидела кошка и лениво вылизывалась. Вспомнив о своей двухместной карете, Джевдет-бей высунулся из окна: так и есть, уже подана. Лошади помахивали хвостами, кучер в жи-

---

¹ *Фалака* – орудие наказания, применявшееся в школах Османской империи, – деревяшка, к которой привязывают ноги, чтобы потом бить палкой по пяткам. (Здесь и далее примеч. перев.)

² Здесь и далее в этой части книги время указывается в соответствии с применявшейся в Османской империи системой, в которой сутки начинались в шесть часов утра.

дании сидел у ворот и курил. Рассовав по карманам пачку сигарет, зажигалку и бумажник, Джевдет-бей еще раз взглянул на часы, тоже положил их в карман и вышел из комнаты.

По обыкновению громко топая, он спустился по лестнице, где его, опять-таки как обычно, поджидала, заслышав шум, улыбающаяся Зелиха-ханым с вестью о том, что завтрак уже готов.

Стараясь сохранять внушительный вид, Джевдет-бей сказал:

– Милая Зелиха-ханым, у меня совсем нет времени. Ухожу.

– Как же так, не перекусив-то? – расстроилась старушка. Однако, увидев решительное выражение на лице Джевдет-бея, она скрылась на кухне.

Джевдет-бей проводил ее печальным взглядом, но сразу на улицу не вышел. Он думал о том, что после свадьбы от Зелихи-ханым придется как-то избавиться. Она приходилась ему дальней родственницей – очень дальней, – но с тех пор, как они поселились под одной крышей, между ними установились отношения, похожие на отношения матери и сына. В Хасеки у него были и гораздо более близкие родственники, но девять лет назад, когда Джевдет-бей купил этот дом, он пригласил жить с ним именно Зелиху-ханым, поскольку решил, что она будет меньше вмешиваться в его дела. Старушка, у которой не было ни семьи, ни денег, поселилась на первом этаже маленького деревянного домика, в котором было всего четыре комнаты. За крышу над головой она прибиралась и готовила. Оглядывая обжитый Зелихой-ханым этаж, Джевдет-бей раздумывал, как бы уговорить ее с ним расстаться. После свадьбы она оставаться с ним не могла, поскольку продуманная Джевдет-беем модель семейной жизни не предусматривала наличия подобной персоны. Согласно этой модели, домашняя прислуга должна относиться к Джевдет-бею как к хозяину, а вовсе не как к сыну. Зелиха-ханым, видимо, догадывалась, что, женившись, продав дом и переехав на другой берег Золотого Рога, Джевдет-бей постарается от нее отделаться, и поэтому в последнее время стала еще более старательной и усердной. Вот она уже спешит из кухни с тарелкой в руках:

– Сыночек, я бы тебе кофе приготовила. Всего минутку...

– Нет у меня времени, совсем нет! – ответил Джевдет-бей и, улыбнувшись, взял с тарелки веселый, как начинающийся день, хлеб с вишневым вареньем.

Поблагодарив Зелиху-ханым, он снова улыбнулся, а выходя, понял, что улыбнулся не с любовью, а с жалостью, и ему стало не по себе. Ему захотелось что-нибудь сказать Зелихе-ханым, и он, вернувшись, сообщил, что, возможно, придет поздно, но на душе легче не стало.

Направляясь к карете, Джевдет-бей снова вспомнил свой сон: «Да, я не такой, как все, – но никто меня не наказывает!» От сердца немного было отлегло, но тут он увидел кучера – и настроение снова испортилось, поскольку тот, подобно всем кучерам, хорошо осведомленный о подробностях частной жизни своего клиента, смотрел на него с таким выражением, будто говорил про себя: «Ах ты такой-сякой, я про тебя все знаю – куда едешь, что делаешь, о чем думаешь!» Джевдет-бей весело ему улыбнулся, справился о здоровье, велел ехать к лавке в Сиркеджи³, сел в карету и впился зубами в хлеб с вареньем.

Карета, покачиваясь, ехала мимо деревянных домов, на фоне которых выглядела еще более роскошной, чем была на самом деле. Эту двухместную карету Джевдет-бей взял напрокат на три месяца, поскольку полагал, что при помолвке и во время свадебных церемоний она будет ему необходима. Двамя месяцами ранее, едва узнав, что Шюкрю-паша согласен выдать за него свою дочь, он отправился в Ферикей⁴, где находилась контора, выдававшая напрокат роскошные экипажи, и, поторговавшись, нанял на три месяца карету с кучером. Ему не хотелось подъезжать к особняку пашы в обычной наемной карете, а купить эту – хотя содержание ее и обходилось в немалую сумму – он не мог, поскольку приобретение кареты могло нарушить некоторые

---

³ *Сиркеджи* – район в европейской части Стамбула на южном берегу залива Золотой Рог.

⁴ *Ферикей* – район в европейской части Стамбула на северном берегу залива Золотой Рог.

задуманные им торговые сделки. Поедая хлеб с любимым вишневым вареньем, Джевдет-бей размышлял: «Однако держать эту карету больше трех месяцев просто глупо. Денег-то сколько уходит! Лучше бы я ее купил. Но если купить, то не останется денег на кое-какие расходы по лавке. Как быть? Свадьба мне дорого обойдется! Но без нее никак...» Подумав о свадьбе, о новой жизни, которую он столько лет представлял себе в мечтах, о новом доме, о будущей семье и о невесте, которую видел всего два раза, Джевдет-бей пришел в хорошее расположение духа. Промелькнула у него, правда, мысль о том, что кое-кто посмеялся бы над тем, кто держит столь роскошные кареты, но настроение было такое хорошее, что он эту мысль выбросил из головы. «Если бы я обращал внимание на подобные пустяки, – подумал он, – нечего мне было бы делать в коммерции! Собственно говоря, мусульмане потому и не решаются заняться торговлей, что боятся осрамиться, стесняются... А мне все равно! Ну желает госпожа карету – и что тут такого?» Ему очень нравилось называть свою невесту Ниган, виденную им два раза, госпожой. Карета меж тем, покачиваясь, спускалась по склону холма, и Джевдет-бей легонько покачивался в такт. «Милая моя, если дела в лавке и у компании пойдут хорошо, купим мы эту карету, тут же купим», – пробормотал он себе под нос и засунул в рот последний кусочек хлеба. Затем, словно ребенок, съевший конфету и грустно глядящий на руку, в которой она только что была, Джевдет-бей уставился на свои пальцы. «Но свадьба, похоже, лишит меня даже того, что есть», – подумал он и расстроился.

Карета спустилась по улице Бабы-Али и свернула в переулок. Туман рассеялся, и на смену странному сиянию пришел обычный яркий солнечный свет. Лучи летнего солнца быстро нагрели карету, и Джевдет-бей начал медленно поджариваться. «Ну и жаркий же денек будет! Какие у меня сегодня планы? Поскорее бы разделаться с делами в лавке! Потом, может быть, брата навещу». Но о старшем брате, который сейчас лежал больной в пансионе в Бейоглу⁵, Джевдет-бею думать не хотелось. «Потом обед с Фуат-беем. Он недавно вернулся из Салоник... А после обеда – в Нишанташи⁶, в особняк Шюкрю-паши!» При мысли о том, что, возможно, ему удастся в третий раз увидеть невесту, Джевдет-бей разволновался. «Потом надо будет еще разок взглянуть на тот дом, что подыскал посредник». Джевдет-бей давно решил, что, женившись, купит дом в Нишанташи или Шишли⁷. «Потом вернусь в лавку. Жаль, не смогу там сегодня долго пробыть. Какой у нас сегодня день? Понедельник!» Джевдет-бей посчитал на пальцах: три дня тому назад на султана Абдул-Хамида⁸ было совершено покушение во время пятничного следования в мечеть; ровно за две недели до этого состоялась помолвка. «Уже семнадцать дней, как я помолвлен!» Тут карета остановилась у дверей лавки.

Стоило Джевдет-бею завидеть свою лавку, как мысли о счетах, о доходах и расходах, убаюканные покачиванием кареты, с новой силой вспыхнули в его мозгу. «Надо написать заказ на краску. Кому бы продать те светильники, что оказались бракованными? Если Ашкенази не вернет сегодня долг, я ему скажу, что... – Между тем он уже переступал порог лавки. – Во имя Аллаха! Потребую у Ашкенази больше двух сотен лир. Если согласится, дам отсрочку еще на месяц». Войдя в лавку, Джевдет-бей сухо кивнул одному мальчику, а другому, работающему и скромному, улыбнулся.

– Эй, сынок, принеси-ка мне кофе! – бросил он первому мальчику. – Да купи еще булочку!

Как всегда по утрам, Джевдет-бей первым делом устремился к стоящему в глубине лавки столу, сел и оглянулся по сторонам, словно ища, к чему бы придраться. Затем, увидев, что на

⁵ *Бейоглу* – район в европейской части Стамбула на северном берегу Золотого Рога.

⁶ *Нишанташи* – район в европейской части Стамбула, севернее Бейоглу.

⁷ *Шишли* – район в европейской части Стамбула, неподалеку от Нишанташи.

⁸ *Абдул-Хамид II* (1842–1918) – турецкий султан (1876–1908). В начале правления ввел конституцию, но вскоре распустил созданный на ее основании парламент и установил деспотический режим.

столе, как всегда, лежит номер «Монитор Д'Ориент», успокоился и сел поудобнее. Джевдет-бей читал эту газету потому, что ее покупали все коммерсанты, потому, что она уделяла достаточно внимания коммерческой жизни, и еще потому, что он не хотел забывать французский. Сначала Джевдет-бей по привычке взглянул на дату: 24 июля 1905-го, или 11 теммуза 1321-го, понедельник, потом просмотрел заголовки. Прочитал последние новости, связанные с покушением на султана. Пробежал глазами сообщения о ходе Русско-японской войны – они его не очень заинтересовали. Потом перевернул страницу и углубился в биржевые сводки, среди которых нашел несколько весьма интересных для себя новостей. Кое-что любопытное было и на странице объявлений. Торговец железом Димитрий продавал свой склад, – должно быть, дела пошли совсем плохо. Панайот, который, как и Джевдет-бей, занимался электрическими приборами и скобяными изделиями, рекламировал новый товар. Джевдет-бей решил было тоже дать объявление, но передумал. Потом его взгляд упал на сообщение о том, что в «Одеоне» открывает новую программу какая-то театральная труппа. Тут ему вспомнился брат, и он вздрогнул. Тяжелобольной старший брат Джевдет-бея был влюблен в театральную актрису, армянку. Стараясь избавиться от мыслей о брате, Джевдет-бей съел принесенную мальчиком булочку, выпил кофе и начал неторопливо читать статью, привычно расстраиваясь при виде незнакомых французских слов. Потом, как это всегда с ним происходило, когда он читал по-французски, Джевдет-бей стал вспоминать, как упорно он старался выучить этот язык, как занимался с дорогим частным преподавателем, как читал вместе с ним простейшую книгу о жизни французской семьи. Как ему тогда хотелось, чтобы и у него была такая же замечательная семья и такой же дом, как в этой книге! Вспоминать об этом было очень приятно. Скоро, думал Джевдет-бей, и моя жизнь станет похожа на жизнь той французской семьи. Добравшись до середины статьи, он решил, что попусту теряет время, отложил газету и поднялся из-за стола. Булочку он съел, кофе выпил, сигарету выкурил, газету просмотрел. Теперь Джевдет-бей чувствовал себя в достаточной степени собранным, решительным и спокойным, чтобы приступить к делам. Расчеты и планы, связанные с торговлей, уже не лежали мертвым грузом на дне его сознания, как утром, и не полыхали пожаром, как только что. Теперь эти мысли напоминали сильное, но спокойное пламя – именно такими надлежит быть мыслям подлинного коммерсанта. «Что ж, первым делом еще раз взглянем с Садыком на счета», – подумал Джевдет-бей.

Счетовод Садык был молод, на десять лет моложе Джевдет-бея, но выглядел старше своих лет. Поднявшись на второй этаж, Джевдет-бей переговорил с ним, выяснил, что разница между предстоящими до четверга расходами и доходами будет совсем небольшой, и решил, что пойдет к Ашкенази и потребует выплаты долга.

Затем Джевдет-бей спустился к продавцам, поговорил со средних лет албанцем, который считался кем-то вроде главного продавца, показал ему на прилавок, заставленный банками с краской, светильниками и всякой мелочью, и сказал, что покупателям нравится, когда на прилавке порядок. Он имел в виду, что прилавок должен быть пуст, но албанец его не понял и попытался убедить, что это-то и есть порядок. В ответ Джевдет-бей сам зашел за прилавок и, то и дело кидая на продавцов суровые взгляды, расставил все по местам, а потом, дабы те смотрели и учились, обслужил зашедшего в лавку покупателя. Заметив, что его урок произвел на пристыженных продавцов должное впечатление, он вернулся за свой стол, откуда мог следить за всем, что происходит в лавке.

Усевшись за стол, Джевдет-бей решил составить заказ на краску. Быстро, привычной рукой написав заказ до середины, он подумал, что неплохо было бы нанять секретаря и поручать подобные дела ему. Однако новый служащий – это новые расходы. «Да к тому же сейчас, когда столько денег уходит на подготовку к свадьбе!» Тем временем со склада, находившегося в двух минутах ходьбы, пришел сторож и сообщил, что прибыли ящики со светильниками, однако они оказались такими большими, что носильщики никак не могут протащить их в дверь, и он, сторож, боится, как бы они чего-нибудь не разбили. Джевдет-бей нехотя встал из-

за стола и пошел улаживать это дело. Походив вокруг ящиков, он велел вскрыть их и перенести содержимое на склад. Что было довольно глупо, поскольку светильники предназначались для отправки поездом в Анатолию, но другого выхода все равно не было. Разобравшись с лампами, Джевдет-бей дописал заказ и погрузился в печальные размышления о нехватке денег и времени. Неразрешенным оставался и вопрос о том, как избавиться от бракованных светильников. Надо спросить у Фуата – на его смекалку и дружеские чувства вполне можно положиться. Тут Джевдет-бей беспокойно взглянул на часы. Почти половина третьего. Пора идти к Ашкенази.

Глава 2. Коммерсант-мусульманин

Едва Джевдет-бей вышел из лавки, как настроение у него улучшилось. С утренними заботами покончено легко и просто. Все шло замечательно – как всегда. Пройдя мимо своего кучера, который, сидя под деревом, точил лясы с другим кучером и его не заметил, Джевдет-бей направился в сторону Султанхамама⁹, по дороге размышляя, в каких выражениях будет требовать с Ашкенази денег и предлагать тому отсрочку в обмен на увеличение суммы долга. На ходу он здоровался со знакомыми – владельцами лавок в Сиркеджи, преимущественно евреями и греками. Те провожали затесавшегося в их ряды мусульманина любопытствующими взглядами. Джевдет-бей улыбался. Он понимал, что означают эти взгляды: «Ага, этот торговец в феске хочет стать одним из нас. Его смелость и решительность нам нравятся!» Взгляд Джевдет-бея в свою очередь говорил: «Знаю-знаю, что вы обо мне думаете! Знаю, что я на вас не похож!» Когда до лавки Ашкенази оставалась пара шагов, какой-то торговец прогудел из глубины своего магазинчика:

– Э, осветитель Джевдет-бей! Какой вы сегодня шикарный!

– А я всегда такой, – бросил в ответ Джевдет-бей, чтобы показать, что шутки понимает и ценит, но тут же вспомнил, что шикарно оделся по вполне определенной причине, и покраснел.

Едва войдя в лавку стройматериалов и предметов домашнего обихода, принадлежавшую Ашкенази, Джевдет-бей, к своему неудовольствию, понял, что хозяина нет на месте: в лавке царил непринужденная, расслабляющая атмосфера, мальчики бездельничали и перешучивались между собой. Один из них сказал, что пароход с островов¹⁰ задержался из-за утреннего тумана, и Джевдет-бей вспомнил, что летом Ашкенази переезжал на Большой остров. Внезапно ему стало грустно. Среди всех этих евреев, греков и армян он чувствовал себя очень одиноким.

Назад он решил вернуться другой дорогой – по проспекту, понадеявшись, что тамошняя многолюдная суэта развеет его грусть. По пути Джевдет-бей размышлял о своем одиночестве. «Сколько в Стамбуле таких, как я, – богатых торговцев и при этом мусульман? В Сиркеджи, Махмутпаше и Селяниклилере – лишь недавно открывший лавку Фуат-бей да аптекарь Этхем Пертев. Я богаче и того и другого. Один я, один...» Было жарко, и Джевдет-бей обливался потом в своем строгом костюме. На ум ему снова пришел давешний сон: «Тогда было то же самое. Все вместе, а я один. И пот по лбу тек». Порывшись в карманах, он понял, что забыл дома платок. «После свадьбы за этим будет следить госпожа», – сказал Джевдет-бей сам себе, но даже мысли о свадьбе и семейной жизни его не утешили. «А что я сделал, чтобы стать не таким, как все? Работал, трудился! Ни о чем не думал, кроме лавки и того, как расширить дело. Работал, не жалея сил!» Тут Джевдет-бей с радостью заметил на углу торговца прохладительными напитками. «И в конце концов успеха я добился...» Выпив стакан воды с вишневым сиропом, Джевдет-бей почувствовал, что на душе у него полегчало, и решил, что причиной тоски была ужасная летняя жара. В этот момент кто-то его окликнул:

– Никак Джевдет-бей? Как поживаешь?

Это был доктор Тарык, один из друзей брата по Военно-медицинской академии. Как обычно и бывало с приятелями Нусрета, он вначале обрадовался при виде Джевдет-бея, но потом, вспомнив, что это все-таки совсем другой человек, поскущнул. Подробно расспросив Джевдет-бея о здоровье брата и о многом другом, что с ним связано, доктор Тарык, даже не пытаясь скрыть пренебрежительной усмешки, сказал:

– Ну а ты, интересно, что поделываешь? Небось все торговля, торговля... – и, наспех попрощавшись, растворился в толпе.

⁹ Султанхамам – район в европейской части Стамбула на южном берегу Золотого Рога.

¹⁰ Имеются в виду Принцезы острова в Мраморном море, место летнего отдыха стамбульцев.

«Да, торговля. Торговля! – пробормотал Джевдет-бей и направился к своей лавке. – А чем мне надо было заниматься? Стать военным врачом, как некоторые, я не мог...» Ему вспомнились детство и первые годы юности. Его отец Осман-бей был мелким чиновником в городке Кула. Там Джевдет ходил в начальную школу, которую видел сегодня во сне. Потом отец получил повышение, и они переехали в Акхисар. Город этот был довольно богатый, поскольку через него проходила железная дорога. Там Джевдет пошел в рюштийе – среднюю школу. Летние дни он проводил, бродя в одиночестве среди окружавших Акхисар виноградников и инжирных садов. Учителя говорили, что и он, и его брат Нусрет очень способные ученики, а отец всегда добавлял, что это они в мать такие умные пошли. Потом их умная мама, которую отец безумно любил, заболела. Осман-бей попросил о переводе в Стамбул, где ее можно было бы положить в больницу, но получил отказ. Тогда он ушел в отставку, переехал с семьей в Стамбул, положил жену в больницу, а сам открыл в Хасеки дровяную лавку. Год спустя Нусрет поступил в Военно-медицинскую академию, а еще через полгода отец внезапно умер, оставив на руках у Джевдета больную мать и лавку. До двадцати лет Джевдет торговал в Хасеки дровами и пиломатериалами, затем перенес свой склад в Аксарай. Когда ему было двадцать пять, он открыл в Аксарай маленькую лавку скобяных изделий, а через несколько лет переехал в Сиркеджи. В том же году умерла мать. Нусрет оставил Джевдету все, что ему причиталось по наследству, и уехал в Париж. Через год Джевдет разорвал отношения с оставшимися в Хасеки родственниками и купил дом в районе Вефа¹¹. «Да, я не мог стать военным врачом, как этот Тарык! Мне оставалось только заняться торговлей – и по этому пути я пошел смело, безоглядно. Был бы чуть трусливее – до сих пор сидел бы в дровяной лавчонке в Хасеки!» Мысли о жизни в Хасеки, о тамошних родственниках и знакомых навевали на Джевдет-бея тоску. «Сбежал я от них. С ними о настоящей коммерции и думать нельзя было». Вдалеке показалась лавка; карета теперь стояла в тени под деревом. «Лавочка моя!» – промурлыкал Джевдет-бей себе под нос. Главным своим успехом, впрочем, он считал не переезд из Хасеки, а то, что пять лет назад добился исключительного права поставлять осветительные приборы муниципалитету и паровой компании «Хайрийе», после чего получил среди торговцев прозвище Осветитель. Воспоминания об этом успехе всегда доставляли Джевдет-бею удовольствие. С тех пор как он занялся осветительными приборами, оборот его компании увеличился в четыре раза. Конечно, пришлось раздать немало взяток в муниципалитете, и вспоминать об этом было не очень приятно, что сам успех, впрочем, нисколько не омрачало. Джевдет-бею снова вспомнился недавний сон: «Эх, что поделать! Но и это сошло мне с рук...» Вспомнилась ему и Зелиха-ханым, ее взгляд сегодня утром на лестничной площадке. «Что поделать, что поделать, такова жизнь!» – сказал Джевдет-бей вслух. Он чувствовал себя спокойным и неуязвимым, как будто на нем была невидимая броня, защищающая от всех невзгод.

Подойдя к лавке, Джевдет-бей в который раз прочитал надпись на вывеске:

ДЖЕВДЕТ-БЕЙ
И СЫНОВЬЯ
СКОБЯНЫЕ ТОВАРЫ – ИМПОРТ – ЭКСПОРТ

Экспортом, правда, Джевдет-бей еще не занялся, да и сыновей у него не было, но и то и другое значилось в планах. «Эх, не получилось с Ашкенази долг получить», – размышлял Джевдет-бей, входя в лавку. «Поговорю-ка еще разок с Садыком о счетах. Потом подумаю, что делать с бракованными светильниками... Кстати, который час? Э, совсем времени нет! Надо

---

¹¹ Вефа и Хасеки – районы в европейской части Стамбула на южном берегу Золотого Рога.

еще сходить на склад, посмотреть, как там дела. Как бы не побили все. А это что за мальчик, что ему от меня нужно?»

Маленький мальчик, поджидавший Джевдет-бея в лавке, протянул ему конверт:
– Эфенди, это от мадемуазель Чухаджиян!

Сначала Джевдет-бей никак не мог вспомнить, кто такая эта мадемуазель, и, сам не зная отчего, смутился и покраснел. Дал мальчику бакшиш и тут вспомнил, что так звали армянку, возлюбленную брата. Разволновавшись, Джевдет-бей вскрыл конверт и прочитал:

«Джевдет-бей, Ваш брат Нусрет очень плох. Вчера вечером потерял сознание. Утром как будто пришел в себя, но все равно очень, очень слаб. Если бы Вы пришли его навестить, ему было бы очень приятно. Пожалуйста, не говорите ему, что я написала Вам это письмо».

«Очень плох, видите ли, – пробормотал Джевдет-бей про себя, засовывая конверт в карман. – И с мамой так же было, но она ведь тогда не умерла! Снова хотят денег... А у меня и так ни на что нет времени!» Заметив, что мальчик по-прежнему стоит у него за спиной, ожидая ответа, Джевдет-бей внезапно устыдился своих мыслей. «А что, если он и вправду настолько плох? Боже, о чем я думаю! Что я за человек! У меня же брат умирает!» – думал он, нервно меряя лавку шагами.

Вручив мальчику еще монетку, Джевдет-бей отослал его прочь. Потом, не находя себе места от волнения, поговорил с продавцом-албанцем и счетоводом Садыком. Он понимал, что говорит ерунду, что и продавец, и счетовод дивятся на него, а в голове все крутилось одно: «Брат умирает!» Джевдет-бей сам не ожидал, что может так разволноваться. «Мне нужно успокоиться!» – сказал он сам себе, садясь в карету, и приказал кучеру ехать в Бейоглу.

Когда карета тронулась с места, Джевдет-бею удалось немножко успокоиться. «Может быть, он и не умирает вовсе. Может, это просто небольшой кризис... Вот и с мамой так было... А разволновался я, потому что, кроме брата, у меня близких людей нет! Никого у меня нет!» Когда карета поравнялась с лавкой Ашкенази, Джевдет-бей, пытаясь избавиться от тревожных мыслей, стал смотреть в окно.

Карета остановилась у Галатского моста, кучер платил за проезд. Продавец лимонада стоял на своем обычном месте, оглашая окрестности призывными криками. Мухи садились на персики, лежавшие на тележке торговца фруктами. Вдали, у верфи в Касымпаше¹², виднелись остовы судов, завалившиеся набок шхуны, проржавевшие баржи. Карета вновь тронулась с места. Утренний туман рассеялся, и над мостом распростерлось ярко-голубое небо, по которому плыло несколько облачков. Знакомый Джевдет-бею колесный пароход «Сухулет» шел из Золотого Рога в сторону Мраморного моря. Посредине моста у перил стоял и смотрел на волны высокий широкоплечий мужчина в большой шляпе, рядом с ним – женщина с незакрытым лицом. Дети, одетые в матросские костюмчики, держали их за руки. «Вот это семья!» – подумал Джевдет-бей. Впереди, у фонарного столба, стояли двое мужчин в фесках и галстуках и тоже наблюдали за семейством человека в шляпе. «Вот это семья!» Мимо мужчин в фесках пробежали носильщики с шестами, к которым была приторочена поклажа. К мосту приближался другой знакомый Джевдет-бею пароход – «Сахильбент»; приникшие к перилам дети смотрели на него во все глаза. В первые месяцы после переезда в Стамбул Джевдет-бей тоже приходил сюда, смотрел на море и на корабли, наблюдал за всей этой странной суетой, провожал взглядом роскошные кареты. В те времена набережную в Сиркеджи еще не построили. «В те времена... Да ведь двадцать лет прошло!» – подумал Джевдет-бей, вспомнил, как впервые пришел сюда с братом, и снова его охватил страх.

Он вытащил из кармана письмо и внимательно его перечитал. Написавшая письмо особа просила не говорить о нем Нусрету. Эта женщина очень любила брата, и если она в состоянии думать о подобных мелочах, значит его дела не так уж плохи. Джевдет-бей вспомнил, как счел

---

¹² Касымпаша – район в европейской части Стамбула на северном берегу Золотого Рога.

поначалу это письмо уловкой, чтобы выманить у него денег, и ему стало стыдно. «Ладно, но почему она не хочет, чтобы я ему сказал? Да потому, что брат был против того, чтобы я знал о состоянии его здоровья!» Брат всегда относился к нему пренебрежительно, ему не нравился ни образ жизни Джевдет-бея, ни образ его мыслей. Деньги, впрочем, Нусрет у него брал – поэтому и не хотел видеть брата, а когда они все-таки встречались, мучился от стыда, но старался побольнее уязвить Джевдет-бея. Понимая, что встречи не доставляют удовольствия ни ему, ни брату, Джевдет-бей навещал его крайне редко. При встречах Джевдет-бей каждый раз, поговорив с братом о том о сем, принимался уверять его, что необходимо лечь в больницу и избавиться наконец от этой проклятой болезни. Брат в ответ неизменно говорил, что больницы созданы исключительно для того, чтобы отправлять людей на кладбище, и уж кому-кому, а ему, врачу, это отлично известно. Потом наступало молчание. Посидев еще немного, Джевдет-бей доставал конверт с деньгами, клал его куда-нибудь в уголок и уходил. Прочитав еще раз присланное армянкой письмо, Джевдет-бей начал размышлять о болезни, подкосившей брата, и вспоминать о том, как болела мать. У обоих был туберкулез. Мать болела долгие годы, состояние ее то ухудшалось, то улучшалось. У брата первые признаки болезни проявились три года назад, в Париже. Мать, пока болела, постоянно ворчала, на все жаловалась и отравляла близким жизнь. С братом происходило то же самое. Мать была хрупкого телосложения, а от болезни исхудала еще больше. Брат тоже стал очень худым – таким худым, что Джевдет-бей, увидев его после возвращения из Парижа, испугался. Мать тщательно выполняла все указания врачей, делала все, что ей говорили. Брат же все время отпускал шуточки в адрес докторов, потому что сам был врачом. К тому же он любил приложиться к бутылке, да и вообще характер у него был прескверный. «Да, не следил он за собой», – пробормотал Джевдет-бей. Он вдруг понял: как бы брат ни издевался над ним, как бы ни оскорблял – он все равно любит Нусрета и не может на него сердиться. Ему вспомнилось детство: как играли они с братом и приятелями в орехи, в камешки, в осаду крепости; как в день Хызыр-Ильяса¹³ ездили за город, ели жареного барашка и халву. Девочки разбивались на две группы, играли в свадьбу, пели песни. Вокруг сады, виноградники... «Прошли те времена, прошли!» – пробормотал Джевдет-бей.

Карета въехала в район Туннеля и продвигалась в сторону Галатасарая. Внезапно она остановилась напротив оптики месье Верду. Джевдет-бей высунулся из окна: дорога впереди была перегорожена завалившимся набок ландо. Со скучающим видом он принялся осматриваться вокруг, читать вывески и наблюдать за людьми.

Из знаменитой парикмахерской Петро выходил человек в шляпе. У лавки Боттера, который, как говорили, был личным портным наследника престола Решата-эфенди, стояли две женщины-христианки и рассматривали выставленные в витрине товары. За стеклом ювелирной лавки Декюжи переливались драгоценные камни. Впереди виднелась кондитерская Лебона. Взгляд Джевдет-бея упал на вывеску бакалейной лавки Димитрокопуло, и вновь его, как утром, охватило чувство одиночества. Чтобы прогнать его, Джевдет-бей попытался уйти в воспоминания о детстве и о садах Акхисара. «И среди тех я чужой, и среди этих!» Карета снова тронулась с места. «Хоть бы брат ко мне по-человечески относился... Да что это со мной сегодня?» Снова он вспомнил давешний сон – только теперь он казался Джевдет-бею мрачным и страшным. Из всех ребят во сне наиболее осуждающе и презрительно на него смотрел Нусрет. «Почему он меня презирает? Потому что он, видите ли, младотурок!»

С младотурецкими идеями Нусрет впервые познакомился во время своей первой поездки в Париж. Окончив Военно-медицинскую академию в чине капитана, он прошел двухгодичную стажировку в больнице в Хайдарпаше¹⁴, а затем несколько лет служил в военных госпиталях Анатолии и Палестины. Нусрета постоянно переводили с места на место – должно быть, из-

---

¹³ День Хызыр-Ильяса – у мусульман первый день лета, 6 мая.

¹⁴ Хайдарпаша – район в азиатской части Стамбула.

за неуживчивого и вздорного нрава, – пока наконец не перевели в Стамбул (это было в том году, когда Джевдет-бей открыл лавку в Аксараяе). Родственники в Хасеки подыскали ему невесту, он женился, но через два года, бросив жену беременной, уехал в Париж. Родственники, с которыми с тех пор Джевдет-бей разорвал всякие отношения, полагали, что причиной отъезда были подозрительные журналы и газеты, которые Нусрет держал у себя дома. Говорили, что он читал, например, газету «Мизан», на страницах которой историк Мурат-бей восхищенно описывал события Французской революции. Сам Нусрет уверял, что отправил ся в Париж, чтобы продолжить медицинское образование, – якобы хотел изучать хирургию. По мнению же Джевдет-бея, который знал, что брат начинал нервничать, даже когда надо было зарезать курицу, он сбежал в Париж из-за неудовлетворенности своей жизнью. По той же причине, думал Джевдет-бей, четыре года спустя брат вернулся из Парижа, развелся с женой, начал пить, ополчился против султана и снова уехал в Париж, где примкнул к младотуркам (все они алкоголики!). А потом, оставшись без работы, без денег и оголодав, вернулся в Стамбул. Однако все-таки Джевдет-бей порой признавался себе, что в каком-то смысле Нусрет – личность более достойная, чем он сам; знал он и то, что в глазах многих Нусрет выглядит куда более приятным, душевным и внушающим доверие человеком, чем его брат. Причина такого отношения людей к брату, по мнению Джевдет-бея, заключалась в том, что на Нусрете не лежало никакой, даже самой мало-мальской, ответственности. Он же, Джевдет-бей, от ответственности не уклонялся – пусть это и была ответственность лишь перед самим собой и собственной жизнью. Такие мысли несколько смутили Джевдет-бея, но потом он снова сказал себе: «Я человек ответственный. У меня есть цели, которые я должен достичь, и я знаю, чего должен добиться. А этот строптивец только шуметь горазд».

Глава 3. Младотурок

Карета свернула в узкую улочку, на которой находился отель «Савой», и через несколько минут остановилась рядом со старым двухэтажным зданием. Хозяйка пансиона открыла Джевдет-бею дверь и почтительно отошла в сторонку, краем глаза поглядывая на карету. Потом, стараясь не упустить благоприятной возможности, она побежала вслед за ним по лестнице, на ходу жалуясь на поведение Нусрета: он-де все шумит, не дает покоя другим постояльцам и, хоть и больной, ведет себя безнравственно. Понимая кивая в ответ на угрозы хозяйки выставить беспокойного постояльца из пансиона, Джевдет-бей думал, что, должно быть, дела обстоят не так уж и безнадежно. Быстро взбежав по каменным ступеням, он постучал в дверь. Последний раз он был здесь две недели назад, сразу после помолвки.

Как он и ожидал, дверь открыла армянка. Увидев ее, Джевдет-бей, по обыкновению, покраснел. Чтобы скрыть смущение, напустил на себя задумчивый вид, точно пытался вспомнить что-то важное, и быстро прошел в комнату.

– Как Нусрет? – спросил Джевдет-бей и тут же увидел брата, лежащего в кровати, привалившись спиной к подушке. «Все с ним в порядке!» – подумал он.

– А, это ты? Каким ветром тебя сюда занесло? – поприветствовал Джевдет-бея брат.

Тот улыбнулся, пытаясь по голосу понять, каково состояние больного, потом подошел ближе и склонился к изголовью, чтобы обнять его и расцеловать в щеки.

– Туберкулезных не целуют! – сказал брат, но все же позволил себя поцеловать – с таким видом, будто оказывал Джевдет-бею благодеяние.

– Как ты? – спросил Джевдет-бей, усаживаясь на стул в углу комнаты.

Вместо ответа брат задумчиво протянул:

– Что это, интересно, надоумило тебя сегодня ко мне заглянуть? – Потом подозрительно взглянул на присевшую рядом женщину и спросил: – Мари, уж не ты ли его позвала?

– А зачем мне его звать? Ему самому захотелось тебя повидать, – ответила Мари. Голос у нее был нежный и мелодичный.

– Неужели, чтобы я тебя навестил, меня нужно обязательно звать? – спросил Джевдет-бей и покраснел, потому что, как всегда в присутствии брата, его стали мучить угрызения совести. – Как ты? Как самочувствие?

Нусрет раздраженно повернулся к армянке:

– Нет, это ты его позвала. Он уже второй раз справляется о моем здоровье. С чего бы это?

– Боже мой, Нусрет! – простонала Мари и подошла к кровати, чтобы успокоить его. Поправляя одеяло, обернулась к Джевдет-бею. – Вчера вашему брату было очень плохо, он терял сознание... Сегодня ему чуть лучше, но не нужно обманываться, положение тяжелое.

– Ничего подобного! Я в полном порядке! – выкрикнул Нусрет. Хотел было еще что-то сказать, но дыхания не хватило, и он смолк. Какое-то время он смотрел на них презрительным и обвиняющим взглядом.

– Доктора не вызывали? – спросил Джевдет-бей, повернувшись к Мари.

– Не нужно мне доктора! Я сам доктор... Медицина – враг человечества! – пробормотал Нусрет.

Мари беспомощно взглянула на Джевдет-бея, словно спрашивая: «Ну что я тут могу поделать?»

«Стало быть, доктора придется вызывать мне», – подумал Джевдет-бей. Его глаза встретились с глазами Мари, и он смутился. Красавицей ее назвать было нельзя, но все же она была очень симпатичной. Чем, интересно, мог такой женщине приглянуться пьяница Нусрет, не имеющий и гроша за душой? Джевдет-бей обвел взглядом комнату. На столе стояли тарелки, стаканы и кувшин – судя по всему, их часто использовали и часто мыли. В углу лежали свежее-

выстиранные, отутюженные простыни и рубашки. Все в комнате сияло чистотой: вещи, стены, окна; напоминала она не больничную палату, а только что прибранную перед приходом гостей залу в каком-нибудь богатом доме. Как же хотелось Джевдет-бею жить в таких чистых, прибранных комнатах с женой и детьми! Поймав себя на этих мыслях, он еще раз взглянул на Мари и снова покраснел. Потом повернулся к брату и заметил, как медленно и тяжело тот дышит. «Эти двое здесь на своем месте, а я – лишний», – подумал Джевдет-бей, и тут ему пришло в голову, что за всю жизнь он никогда не был любим такой женщиной – да что там, вообще никогда не был любим.

– Ты когда-нибудь видел Зийю? – спросил Нусрет. Он имел в виду своего сына, которому было уже девять лет. Жил он у родственников в Хасеки.

– Нет, – удивленно ответил Джевдет-бей.

Брат знал, что он никогда не бывает в Хасеки. Единственной ниточкой, которая еще связывала обоих братьев с жившими там родственниками, была Зелиха-ханым, но она в последнее время о Зийе ничего не рассказывала.

– Я думал, не отправить ли его в деревню, к матери, – сказал Нусрет. – Но передумал. Пусть лучше живет здесь. Хоть и среди идиотов, да все-таки в городе, а? – Он отдышался и продолжил: – Мы с тобой оба перестали общаться с родственниками, но, правда, по разным причинам. Я – потому что не хотел быть для них обузой, а ты – потому что не хотел, чтобы они были обузой для тебя! – Нусрет снова замолчал, восстанавливая дыхание. На лице у него появилось столь знакомое Джевдет-бею выражение обвинения. – В прошлый раз ты приезжал в карете. Твоя?

– Нет, не моя. Нанял.

– И что, нынче такие кареты стоят на каждом углу, ждут седоков?

– Нет, – смутившись, ответил Джевдет-бей. – Я ее взял на три месяца.

– А, чтобы пофорсить? Некоторые берут напрокат галстук или костюм, а ты, выходит, карету? – сказал Нусрет и, взглянув на Мари, улыбнулся.

Джевдет-бей почувствовал себя униженным и жалким.

– Как ты сегодня, однако, разоделся, – продолжал Нусрет все с той же презрительной усмешкой на губах и, не ожидая от брата ответа, повернулся к Мари. – Я тебе говорил, что он помолвлен с дочкой паши? – И снова Джевдету: – Что, хорошая девушка?

– Хорошая!

– А откуда ты знаешь? Сколько раз ты ее видел-то?

Джевдет-бей почувствовал, что по лбу и по шее у него течет пот, и встал. Пошарил по карманам, вспомнил, что забыл платок дома, и снова сел.

– Два, – сказал он слабым голосом.

– Ах, два? Два раза увидел и уже понял, что она за человек? Да ты хоть с ней поговорил?

Джевдет-бей нервно покачивался на стуле.

– Говорили вы с ней, спрашиваю? Как ты понял, что она хорошая девушка? О чем говорили-то?

– Так, о том о сем...

– Э, да не конфузься ты так! Ты ведь не виноват, что не говорил с ней. Эти дурные обычаи – следствие здешней грязной, убогой, скверной жизни. Понимаешь, о чем я говорю? Понимаешь, в каком месте мы живем? Не-е-ет, не понимаешь, не кивай! И с тобой такое может случиться! Хотя нет. Ты не из таких. У тебя будет семья... Но вот такая женщина тебя никогда не полюбит!

Они оба одновременно посмотрели на Мари. Джевдет-бей понял, что, пока он сидит рядом с братом, от смущения ему не избавиться и от пота не спастись.

– Да не красней ты, не красней! – бросил Нусрет и, снова кивнув в сторону Мари, спросил: – Она ведь тебе нравится, а? Ты ею восхищаешься, не так ли?

– Нусрет, пожалуйста! – вмешалась Мари, но не похоже было, чтобы она смутилась. Выглядела спокойной и гордой.

– Видишь, ты ему нравишься. Он тобой даже восхищается! – улыбнулся Нусрет Мари. – Это потому, что ты ему кажешься вполне европейской женщиной. Мой брат любит все европейское... Кроме... – он помолчал немного, будто подыскивая нужное слово, – кроме революции! Ты хоть знаешь, – спросил он, повернувшись к Джевдет-бею, – что такое революция? А? Когда льется кровь и гильотина работает без передышки? Хотя откуда тебе знать! Ты только об одном и думаешь, только одно и любишь... – Договорить он не смог или не захотел. Просто сделал пальцами знак, будто пересчитывает купюры.

Джевдет-бей не мог больше это переносить. Ему было сейчас хуже, чем ночью, во время того кошмара. Вскочив со стула, он сделал два неуверенных шага в сторону кровати и простонал:

– Нусрет, я же тебя люблю! Ну почему мы так... – Такого приступа искренности с ним не случалось уже многие годы. Смутившись, он криво улыбнулся и посмотрел на Мари. «Ну и зачем я это сделал? Господи, как же я вспотел! Хуже, чем во сне...»

Внезапно грудь Нусрета выгнулась, голова упала на подушку, и он зашелся в приступе хриплого, страшного кашля. Джевдет-бей с ужасом смотрел на конвульсии брата, не зная, что делать. Мари бросилась к Нусрету и обхватила его за плечи. Тут Джевдет-бею пришло в голову открыть окно. Пока он пытался справиться с защелкой, Нусрет немного пришел в себя и, увидев, что хочет сделать брат, заорал:

– Нет, нет, не открывай! Не хочу, чтобы эта гадость проникла в мою комнату! Эти грязь и убожество, пошлость, мерзость, деспотизм – прочь, прочь, не хочу этим дышать! Нам и так хорошо... – Казалось, он бредит. – Никому не позволю открывать окно! Здесь мое убежище, моя Франция, и пока не сгинет эта тьма, пока не сгинет Абдул-Хамид, пока не станет все светлым, чистым, хорошим – не позволю открывать окно! – И снова его начал сотрясать кашель.

Чтобы хоть что-нибудь сделать, Джевдет-бей попытался поправить подушку, на которую откинулся брат, поднял упавший на пол край одеяла и встретился глазами с отчаянным взглядом Мари.

– Доктора... Пожалуйста, приведите доктора! Я не могу. Он мне запретил...

– Хорошо, – пробормотал Джевдет-бей и, испуганно избегая взгляда брата, который все еще продолжал кашлять, выскочил за дверь.

Из-за захлопнутой двери было слышно, как брат кричит:

– Куда он пошел? За врачом? Да что он делает, этот врач? Не нужно...

Глава 4. В аптеке

«Умрет! – подумал Джевдет-бей, выйдя на улицу. – Не сегодня, так завтра умрет!» Испугавшись этих мыслей, он попытался себя успокоить: «А может, и ничего страшного.

Разве с мамой не так же было?» Кучер, покуривая, рассматривал Джевдет-бея с типичным кучерским выражением на лице. «Но Нусрет понимает, что скоро умрет. Поэтому и говорит такие ужасные вещи!» Не желая воскрешать в памяти сцену, только что разыгравшуюся в комнате брата, он решительно сказал себе: «Нужно срочно найти доктора!» Выйдя из переулка, задумался, где здесь может быть аптека. «Должно быть, ближайшая – „Канзук“. Та, где Клонаридис».

Проспект¹⁵, ведущий от Туннеля к Таксиму, несмотря на жару, был заполнен народом. Натыкаясь на прохожих, Джевдет-бей поспешно пробирался сквозь толпу, словно опасаясь, что, если он задержится, брат умрет и он, Джевдет, будет в этом виноват. Ему хотелось даже пуститься бежать, но он понимал, что это было бы глупо. Прохожие, люди степенные и неторопливые, расступались перед ним, с ленивым любопытством оглядывая куда-то спешащего в такую жару неучтливового господина.

Войдя в аптеку, Джевдет-бей увидел аптекаря Матковича и толстого аптечного мальчика:

– Доктор на месте?

– Занят, – бросил аптекарь, указав на дверь в глубине помещения.

– Но я не могу ждать! – жалобно сказал Джевдет-бей и, не обращая внимания на ждущих своей очереди пациентов, распахнул дверь кабинета и вошел.

В кабинете, кроме врача, сидела женщина с ребенком. Доктор, вооружившись ложкой, рассматривал его горло. Заметив незваного гостя, он нахмурился, вытащил ложку у ребенка изо рта и строгим голосом сказал:

– Будьте добры, подождите за дверью.

– Доктор, это очень срочно! – пробормотал Джевдет-бей.

Врач снова засунул ложку ребенку в рот и пробурчал:

– Я же сказал: подождите за дверью! – Потом, обращаясь к женщине, произнес что-то по-французски.

– Больному очень плохо, – пролепетал Джевдет-бей, но, взглянув на женщину и ее сына, вдруг поверил, что Нусрет не умрет. – Очень плохо... – сказал он снова, на этот раз потому, что не хотел надолго здесь оставаться.

– Хорошо, иду-иду, – сказал врач. – Но вам придется немного подождать.

Джевдет-бей вышел за дверь и хотел присесть на стул рядом со ждущими своей очереди пациентами, но передумал и принялся расхаживать по аптеке из угла в угол. Затем, отойдя в сторонку, закурил. Аптекарь, сидя за стойкой, смешивал какие-то порошки, заглядывая в рецепт; мальчик что-то взвешивал на маленьких весах. Закончив работу, аптекарь пересыпал смесь в пузырек и вручил его мужчине в шляпе. Потом в дверь ввалился рослый пузатый весельчак, потребовавший шампанского. Аптекарь узнал его, улыбнулся и показал рукой на угол, где стояли две пирамиды: одна из бутылок с шампанским, другая из бутылок с минеральной водой. Спокойно, не торопясь, как это свойственно людям, которые располагают и временем, и деньгами, толстяк начал рассматривать этикетки: «Эвиан», «Виттель», «Виши», «Аполлинарис»... Ни с того ни с сего Джевдет-бей подумал, что Ашкенази, опоздавший сегодня в лавку из-за тумана, тоже наверняка пьет эти вина, доставленные сюда из Франции. «И шоколад ест, – думал он, глядя на шоколадки „Тобле“, выложенные на столике рядом с бутылками. –

---

¹⁵ Ныне проспект Истикляль.

Как и все паши в своих особняках... А я? Я работаю, мне жениться нужно. Брат у меня болеет – да не умрет, не умрет, он крепкий... Армянка эта... У меня столько дел, что на любовь нет времени. Как утомительно сидеть здесь и ждать... Ну-ка, что написано на витрине? Наоборот тоже можно прочитать: „Готовые лекарства из Европы“. А пониже – „Лекарства местного изготовления“». Улыбчивый толстяк отобрал бутылки, поставил их на прилавок и сказал, что пришлет за ними слугу. «А потом он это шампанское у себя дома выпьет. Вместе с семьей сядет за стол, и они будут есть, пить, разговаривать, улыбаться друг другу... И у меня будет то же самое после свадьбы. „Эликсир бодрости Этхема Пертева“... „Крем Пертева“... Да что он там так долго копается, этот доктор? Как только дверь откроется, сразу зайду в кабинет. „Одеколоны Аткинсона“... „Микстура от кашля Катрана Хаккы Экрема“... „Слабительное Гунияди Яноша“... Помнится, когда я в детстве заболел дизентерией, думал, что умру. Но, кроме меня, никто так не думал. А что, если бы умер? Нет! О, вот и дверь открылась!»

Едва не налетев на женщину с ребенком, Джевдет-бей бросился в кабинет и, сам не веря своим словам, проговорил:

– Больному очень плохо. Умирает! Пожалуйста, быстрее!

– Кто умирает? Где? – спросил доктор, стоявший у раковины в углу и мывший руки.

– Да здесь, совсем близко, в пансионе. Пойдемте скорее, увидите. Совсем близко!

– А сюда больной не может прийти? – спросил доктор, неторопливо вытирая руки невероятно белым и чистым полотенцем.

– Нет, не может. Он умирает! Но может быть, есть надежда? В двух шагах, всего в двух шагах отсюда. Пойдемте быстрее, медлить нельзя!

– Ладно-ладно! – проворчал доктор. – С вашего позволения, я возьму свой чемоданчик.

Сказав ожидающим у двери кабинета пациентам, что придется немного подождать, доктор вышел на улицу вслед за Джевдет-беем и только тут спросил, что стряслось с больным. Джевдет-бей рассказал про приступ кашля и, поскольку не знал, что еще сказать, добавил, что у больного туберкулез. Доктор разочарованно нахмурился, но быстро пришел в хорошее расположение духа – должно быть, обрадовался возможности ненадолго покинуть свой кабинет и отвлечься от скучной рутины. По пути он смотрел на витрины и разглядывал прохожих. Потом, купив в табачной лавке сигареты, сообщил Джевдет-бею, что от туберкулеза сразу не умирают, и рассказал об одном своем пациенте, который умирал-умирал да и выздоровел. Проводив внимательным взглядом проходящую мимо женщину, спросил, чем занимается Джевдет-бей, и, узнав, что торговлей, не стал скрывать удивления. Когда они уже сворачивали в переулок, им встретился какой-то знакомый доктора. Они обнялись и начали быстро-быстро говорить на каком-то иностранном языке (Джевдет-бей решил, что это итальянский). На часах было уже четверть четвертого.

Когда они вошли наконец в пансион, доктор пожаловался на жару. Заслышав его голос, Мари открыла дверь.

– Не нужно мне доктора, закройте дверь! – послышался голос Нусрета. – Не пускайте сюда мрак!

Доктор прошел в комнату вслед за Мари. Бросил взгляд на больного, продолжавшего что-то бормотать, поставил чемоданчик на пол и, обернувшись к Мари, внимательно взгляделся в ее лицо.

– Je vous reconnais¹⁶, мадемуазель Чухаджиян! – сказал он и, неожиданно склонившись, поцеловал ей руку. Медленно поднимая голову, добавил, на этот раз почему-то по-турецки: – Я восхищаюсь вашей игрой в «Счастливом семействе»!

– Кто это? Что происходит? – спросил Нусрет. Заметив улыбающегося доктора, подошедшего к постели, бросил: – Ты не доктора привел, а какого-то шута горохового!

¹⁶ Я вас узнал (*фр.*).

Доктор, не обращая внимания на его слова, продолжал улыбаться:

– На что жалуетесь, эфенди?

– Туберкулез у меня! Умираю.

– Ну-ну, почему же вы так в этом уверены?

– Потому что я сам врач! Тут и осмотр не нужен – любой медик с первого взгляда поймет, что это туберкулез в последней стадии. Видишь, как щеки впали? Ты гражданское училище оканчивал?

– Стало быть, мы коллеги, – сказал доктор, продолжая благодушно улыбаться.

– Что из военной академии, что из гражданского училища – после выпуска умные идут в революционеры, а дураки – в доктора, – выкрикнул Нусрет.

Но благодушие доктора, казалось, не знало границ.

– А я никогда и не говорил, что я умный, – сказал он и улыбнулся Мари. Возможно, потому, что считал ее единственным человеком, способным оценить его терпение.

– Ты кто, еврей? – спросил Нусрет.

– Нет, итальянец, – ответил доктор и, склонившись к Нусрету, протянул руку к пуговицам на его рубашке. – Вы позволите?..

– Э, стой, стой! – встрепенулся Нусрет. – Не прикасайся ко мне! – Потом, заметив выражение лица Мари, махнул рукой. – Хорошо, хорошо, не сердись. Но я-то точно знаю, что толку от этого не будет.

Неожиданно он повернулся к Джевдет-бею:

– Я тебя попрошу кое о чем... Подойди сюда. Обещаешь, что выполнишь мою просьбу? Я хочу взглянуть на сына. Привези его сюда.

– Из Хасеки?

– Да, оттуда. Поезжай в Хасеки и привези Зийю. Он живет у своей тети, кем бишь она нам приходится... Найди эту Зейнеп-ханым и привези сюда моего сына.

– Прямо сейчас? – растерянно пробормотал Джевдет-бей.

– Да, сейчас. Немедленно! Я знаю, тебе туда ехать не хочется. Но уж сделай милость. Я прошу. Раз уж ты привел сюда доктора, то сделай для меня и это тоже. Последний раз увидеть сына...

– Да вы и не умираете вовсе, – перебил его доктор, открывая чемоданчик и доставая стетоскоп. – У вас очень сильные легкие!

– Ладно-ладно, со мной эти штучки не пройдут. Делай свое дело, бери деньги и уходи. Дай ему денег, Джевдет. Больше я у тебя уже ничего просить не буду.

Джевдет-бей, направлявшийся к двери, остановился, достал из кошелька два золотых и положил их на столик рядом с треснувшей пепельницей. Увидев, что Мари это заметила, обрадовался.

– Поскорее, поскорее! – крикнул ему в спину Нусрет. – С этой своей расфуфыренной каретой ты, должно быть, быстро обернешься!

Глава 5. В старом квартале

Чувствуя себя как будто в чем-то виноватым, Джевдет-бей спустился по лестнице и приказал кучеру ехать в Хасеки. Обливаясь потом, закурил. Когда карета тронулась в путь, мягко покачиваясь на гибких рессорах, и в окне начали проплывать дома и люди, Джевдет-бей – возможно, сигарета тоже сыграла здесь некоторую роль – немного пришел в себя. «Почему все так нелепо? Почему я такой?» – бормотал он себе под нос, вспоминая события этого дня. Потом подумал о брате. Умрет он или нет? Мать до последних дней твердила, что умирает, но за неделю до смерти вдруг стала уверять, что чувствует себя лучше, – а потом взяла и умерла. А брат все по-старому... Ну и дурной же характер! Вспомнив разговор, так его смутивший, Джевдет-бей снова покраснел. Нусрет спрашивал, сколько раз он видел свою невесту, а сам смотрел на Мари и улыбался. Говорил о наемной карете и опять улыбался. Должно быть, он и сейчас провожал его этой издевательской усмешкой. Не смеется ли с ним вместе и армянка? «Да, она, возможно, милая, интересная женщина, но сказать, что я ею восхищаюсь... Да как у него язык повернулся? Это, в конце концов, наглость! Я такой женщиной восхищаться не могу. С ней же семью не создашь, она актриса... Каждый вечер на нее смотрят сотни глаз. Как этот доктор мог поцеловать ей руку? Как они вообще это делают? Кланяются, берут руку женщины, целуют ее, а потом как ни в чем не бывало продолжают разговор – спокойно, весело! Это потому, что они не такие, как мы. Христиане!» Он задумался о том, почему никогда не мог сказать брату, что любит и понимает его. «Потому что времени нет! Торговля все время отнимает!» Он вспоминал слова, сказанные сегодня Нусретом. «Здесь ему все опротивело, и он уехал в Париж». Карета проезжала по мосту, его деревянный настил поскрипывал под колесами. Джевдет-бей смотрел на открывающийся с моста вид: старый Стамбул, купола, мертвенно-спокойный залив... «Не нравится ему здесь! Все здесь плохо, все здешнее он презирает! И меня презирает, но я его понимаю». На глаза ему попала вывеска: «Лучшие сигары и сигареты. Табачная лавка Ангелидиса». Джевдет-бей снова закурил и погрузился в размышления.

Увидев в окне кареты мечеть Бейазыт и прилегающее к ней медресе, Джевдет-бей вспомнил детство. Когда-то они с Нусретом ходили сюда гулять. Во время Рамазана во дворе мечети устраивали рынок, и там, среди толпы, можно было увидеть важных персон. Именно там Джевдет-бей впервые в жизни увидел министра. «Кажется, это был министр торговли Ахмет Фехми-паша... Сколько с тех пор лет прошло? Восемнадцать или девятнадцать. Нусрет уже поступил в академию, а отец еще был жив». При воспоминании о тех днях Джевдет-бею стало грустно. Он тогда помогал отцу: колоч дрова и перетаскивал пиломатериалы. К концу дня очень уставал и сразу после ужина засыпал. «Но мне вовсе не хотелось стать одним из тех дураков, которые работают руками! Я хотел выучиться и разбогатеть». Ему нравилось, что он вспоминает о тех временах без тоски. «Тогда все вокруг друг друга любили. И меня любили. А я от них сбежал!» Мысль о том, что сейчас ему придется снова встретиться с теми, от кого он сбежал, немного пугала Джевдет-бея. «Они, может, меня и не узнают. А узнают, так будут смотреть с презрением. Хотя нет! Будут восхищаться моим костюмом и каретой. Кто знает, что мне там придется испытать!» Джевдет-бей смутился, представив сцены, в которых скоро придется участвовать. «За глаза говорят про меня, что я добра не помню, называют неблагодарным. Почему так вышло? Почему?»

Карета тем временем проезжала мимо министерства финансов. Напротив находились лавки менял и ростовщиков, которых Джевдет-бей полагал бессовестными кровопийцами, зарабатывающими деньги несправедливым путем. «Все из-за денег! – внезапно пришла ему в голову мысль. – Из-за них я остался один. Все из-за денег! Они презирают мусульман, которые занимаются торговлей!» Он снова представил себе, что ждет его в Хасеки, и его бросило в пот.

Проехав через Аксарай, карета повернула налево, в переулки, однако до Хасеки было еще не близко. «Тут все по-прежнему. Все как было, – думал Джевдет-бей, глядя на улочки, по которым они проезжали. – Ничего здесь не меняется. Те же грязные стены, те же окна с облупившейся краской, поросшая мхом черепица. . . Ничего не меняется. Как жили двести лет назад, так и сейчас живут. . . Денег не зарабатывают, купить ничего не могут. Ничего у них в жизни нет, никаких стремлений! Как тут грязно! А навести чистоту никому и в голову не приходит. Нет, они идут в кофейню и сидят там, глаза на прохожих!» Рядом с кофейней под чинарой сидели несколько мужчин в халатах и внимательно смотрели на господина в роскошной карете. Джевдет-бей в свою очередь смотрел на них, пока карета медленно проезжала мимо.

– И чего смотрят?! – сердито сказал Джевдет-бей вслух. – На что тут смотреть? Едет карета, в ней сидит человек, а они смотрят!

Да, прав Нусрет, все здесь прогнило. «И я прав, что не стал одним из этих лентяев в халате, а занялся коммерцией!» Карета приближалась к Хасеки. Джевдет-бей, открыв переднее окошко, велел кучеру поворачивать налево через две улицы. Потом до него донеслись голоса мальчишек:

– . . .то ты продумешь!

– Я у этого простофили все орехи отыграл!

«Мы в свое время играли в орехи на интерес, – подумал Джевдет-бей. – А эти, похоже, на деньги играют. . . Неплохо, неплохо! Хоть что-то новое. Значит, новое поколение хочет зарабатывать!» Тем временем карета свернула в переулок. Устыдившись своих мыслей, Джевдет-бей стал боязливо разглядывать дома. Они ему были знакомы – тут тоже ничего не менялось. У дома Зейнеп-ханым велел кучеру остановиться.

Выйдя из кареты, Джевдет-бей посмотрел по сторонам. Вот в том соседнем доме они остановились, когда только приехали в Стамбул, и прожили десять лет. Смотреть на дом не хотелось, и он торопливо открыл калитку в сад Зейнеп-ханым. Привязанный к калитке старинный колокольчик легонько звякнул. «Если куплю тот дом в Нишанташи, тоже повешу на калитку колокольчик», – подумал Джевдет-бей. В саду все было по-прежнему, и старое сливовое дерево было все то же – слабое, обвисшее. Джевдет-бей постучал в дверь.

Открыла сама Зейнеп-ханым. Джевдет-бей не успел ничего сказать, как она воскликнула:

– Ах, Джевдет, сынок, откуда ты взялся? – и бросилась ему на шею.

Покрывшись от смущения потом, Джевдет-бей поцеловал ей руку, и в памяти его всплыли забытые запахи детства. Вспомнились предметы домашнего обихода, вышитая скатерть на столе. . .

– Заходи-ка в дом, – сказала Зейнеп-ханым. – Снимай ботинки. Ох, ну и шикарно же ты одет! Рассказывай, зачем пришел.

– Тетушка, Нусрет болен, – сказал Джевдет-бей.

– Ай-ай-ай!

Джевдет-бею послышалась в ее голосе скрытая насмешка. Он снял ботинки и сел, куда указала ему Зейнеп-ханым.

– Я надолго не задержусь.

– Братец-то Зийю, что ли, хочет повидать?

– Да.

– Очень плох?

– Да уж хуже некуда!

– Ты, стало быть, за Зийей приехал? Хотя зачем бы тебе еще сюда приезжать?..

– Ах, тетушка, у меня совсем нет времени! Я все о вас думаю, но времени, времени нет!

– Тогда подожди немного, я Зийю позову, – сказала Зейнеп-ханым и вышла.

«Ну вот, а я боялся, – подумал Джевдет-бей. – Как она меня хорошо встретила! Да, эти люди умеют любить. Что поделаться, раз уж я связался с торговлей... И они это понимают. А я сделал из мухи слона... Который, однако, час? Э, да так я опоздаю на обед с Фуатом!»

Немного погодя Зейнеп-ханым вернулась в комнату со стаканом на подносе.

– Вода с вишневым сиропом, – сказала она. – Как ты любишь.

Джевдет-бей покраснел от смущения, хотел что-то произнести, но, так и не решив, что именно, сказал просто «спасибо».

– Я послала за мальчиком, он скоро придет. Что, его отец действительно так серьезно болен?

Джевдет-бей кивнул. Воцарилось молчание.

– Как идут твои дела, сынок? – наконец спросила Зейнеп-ханым.

– Ох, плохо, тетушка, плохо! – с жалобным видом ответил Джевдет-бей и спрятал руку с кольцом в карман.

– Что поделаешь, авось наладятся. Нынче у всех дела плохи. Помоги нам Аллах!

И опять они погрузились в молчание.

Затем Джевдет-бей поднялся и сказал, что Нусрет хотел видеть своего сына как можно скорее. Зейнеп-ханым, недоумевая, где мог задержаться Зийя, тоже встала и выглянула в окно.

– А вот он и пришел! – сказала она. – Ты его, конечно, и назад привезешь? Когда?

Джевдет-бей пообещал, что привезет мальчика домой. Однако, добавил он, возможно, Зийя останется с отцом на несколько дней. Тетушка понимающе кивнула, но на лице ее промелькнуло ранившее Джевдет-бея сомнение. Вместе они вышли в сад, и Джевдет-бей заметил, что в нем все-таки появилось кое-что новое: курятник. По крыше курятника разгуливала курица. Колокольчик снова звякнул, напомнив Джевдет-бею о детстве. Мальчишки, собравшиеся вокруг кареты, обернулись, и лицо одного из них как будто показалось Джевдет-бею знакомым.

– Зийя, сынок, посмотри, кто приехал, – сказала тетя Зейнеп. – Дядя Джевдет приехал, ты его узнал?

Мальчик неуверенно шагнул вперед. Должно быть, вид шикарно одетого дяди внушал ему страх. Потом, бросая испуганные взгляды то на Джевдет-бея, то на тетю, он подошел поближе.

Последний раз Джевдет-бей видел Зийю шесть лет назад, во время Курбан-байрама. В то время ему было года четыре. Стараясь понравиться мальчику, он потрепал его по щеке и приветливо сказал:

– Ну, как дела, Зийя? Узнал меня?

Тот лишь испуганно кивнул.

– Сынок, дядя хочет с тобой прокатиться. А потом привезет тебя назад. Хочешь прокатиться? – сказала Зейнеп-ханым.

– На этой карете? – спросил Зийя, обернувшись.

Один из его приятелей о чем-то разговаривал с кучером.

– Да-да, на этой! – ответила тетушка. – Хочешь, дядя тебя на ней покатает?

Джевдет-бей тем временем, не слушая, краем глаза поглядывал на кучера.

– Хочу, – тихо сказал Зийя.

– Тогда иди переоденься. В подобном виде разве можно садиться в такую карету?

Зийя убежал в дом. Один из мальчишек крикнул ему вслед:

– Эй, Зийя, ты на карете, что ли, будешь кататься?

Тетушка обернулась к Джевдет-бею:

– Пожалуйста, привези его назад, там не оставляй!

Тем временем один из мальчишек залез под карету и принялся внимательно рассматривать колеса. А потом сказал подошедшему к нему другому мальчику:

– Видишь, какие рессоры? Стальные! Самые лучшие.

Улочка была залита солнцем. Мухи облепили лошадиные хвосты. Старик, высунувшийся из соседнего окна, разглядывал карету. Подул легкий ветерок, взметнул пыль – все привычно закрыли рот и зажмурились. Когда ветер стих и можно было снова открыть рот, тетушка спросила:

– Нусрет все еще настроен против нашего султана?

– Он сейчас очень болен, ему не до этого, – ответил Джевдет-бей, нахмурившись.

Увидев, что Зийя выбежал из дому, Джевдет-бей поцеловал руку Зейнеп-ханым.

– Смотри не шали! – сказала та Зийе. – Дядя тебя назад привезет, – и взглянула на Джевдет-бея.

Джевдет-бей взял мальчика за руку, и они сели в карету, окруженную ребятей.

– Зийя уезжает, Зийя уезжает!

Карета тронулась с места. Зийя, прильнув к окну, смотрел на тетушку, пока та не скрылась из виду, потом стал с опаской поглядывать на Джевдет-бея. Затем, немного освоившись, примостился в уголке сиденья и, не желая тратить впустую ни минуты этой поездки, принялся жадно смотреть в окно.

Джевдет-бей хотел что-то сказать, но, подумав, что его слова могут разволновать мальчика, решил пока обождать. Когда карета въехала в Аксарай, он стал показывать Зийе мечети и называть их. У мечети Бейазыт спросил, не ходил ли Зийя сюда во время Рамазана. Потом попытался объяснить, что такое военное министерство и чем оно занимается, но Зийя явно уделял больше внимания проплывающим за окном видам, нежели словам Джевдет-бея.

На мосту Джевдет-бей посмотрел на часы и с удивлением увидел, что уже почти шесть. А между тем на полседьмого у него была назначена встреча с Фуат-беем в «Серкльдорьяне». Он решил наконец сказать Зийе, что его отец болен, но опять промолчал. Во взгляде мальчика было нечто, лишавшее Джевдет-бея решимости. «Быстрее бы разделаться с этим утомительным поручением и оставить мальчика у отца!» – подумал он и погрузился в размышления о своих торговых делах, расчетах и планах.

Когда карета остановилась у пансиона, Джевдет-бей понял, что необходимо все-таки рассказать Зийе о том, что его отец серьезно болен. Пока они поднимались по лестнице, он торопливо говорил:

– Твой папа вчера вернулся из путешествия, сейчас лежит больной. Мы приехали к нему в гости. Он хочет тебя повидать. Сам он сейчас лежит. За ним ухаживает одна тетя.

Ты их увидишь. Не бойся. К тете Зейнеп отвезу тебя вечером, в крайнем случае завтра.

Мари открыла им дверь и, улыбнувшись Зийе, поздоровалась с ним. Потом, склонившись, поцеловала его и, прижав палец к губам, прошептала:

– Тише, он спит!

Зийя с опаской прошел в комнату вслед за Джевдет-беем. Нусрет спал, закутавшись в одеяло и повернувшись лицом к стене. Зийя испуганно посмотрел на него, а потом осторожно, словно боясь что-нибудь разбить, присел на стул.

Мари, подойдя к Джевдет-бею, прошептала ему на ухо:

– Доктор говорит, что положение очень тяжелое. Дал ему лекарства, сделал укол, чтобы облегчить боль. Нусрет сначала не хотел укола, но все-таки согласился. А потом уснул.

– Тогда я пойду, – прошептал в ответ Джевдет-бей. – Вечером снова заеду.

– Как вам будет угодно. И большое спасибо! Да, еще забыла кое о чем вас попросить. Пожалуйста, не упоминайте при нем о покушении на султана. Если он узнает, то разволнуется, будет горячиться, и ему хуже станет, – сказала Мари и, не дожидаясь, пока Джевдет-бей уйдет, присела рядом с Зийей и начала о чем-то с ним говорить.

Джевдет-бей заметил, что она говорит с мальчиком не как с ребенком, а серьезно, как со взрослым. Затем, испугавшись своих мыслей, сказал сам себе: «Да, но я ею вовсе не восхищаюсь. Она актриса! Семью с такой не создашь!» – и вышел из комнаты.

Глава 6. За обедом

Выйдя на улицу, Джевдет-бей подошел к кучеру, курившему вонючую сигарету, и сказал, чтобы тот подъезжал за ним к клубу «Серкльдорьян» в половине восьмого.

Часы показывали четверть седьмого, с Фуат-беем они договорились на полседьмого. Поскольку Джевдет-бей робел входить в здание клуба, членом которого не был, он решил сначала немного отвлечься и собраться с мыслями. Прошелся по проспекту, зашел на Халебский рынок. Посмотрел на афиши театра-варьете. Однажды он был в этом театре, на представлении приехавшей из Европы опереточной труппы. Скука была невероятная. Размышляя о том, какие только странные способы не выдумывают люди, чтобы провести время, Джевдет-бей смотрел на витрины, на прохожих, на проезжающие мимо кареты. Выкурил сигарету и стал думать о том, как отправится после обеда в Тешвикийе¹⁷, в особняк Шюкрю-паши. А потом вдруг увидел в толпе Фуат-бея.

Фуат и Джевдет были ровесниками. Оба занимались торговлей, это-то их и сблизило: едва познакомившись, они почувствовали друг к другу взаимный интерес, поскольку оба были одновременно и мусульманами, и коммерсантами. Кроме того, оба были холосты, оба торговали скобяными товарами, оба были рослыми и худыми. По мнению Джевдет-бея, на этом сходство заканчивалось, поскольку Фуат-бей про исходил из семьи перешедших в ислам евреев, которые многие поколения занимались торговлей в Салониках. Там у него было много родственников и знакомых. Кроме того, он был масоном. С Джевдет-беем Фуат-бей познакомился, когда приехал в Стамбул, чтобы открыть здесь лавку. Каждый раз, приезжая из Салоник, он посылал весточку Джевдет-бею, и они обедали в «Серкльдорьяне». За обедом они каждый раз рассказывали друг другу, что нового произошло, пока они не виделись, делились планами, обсуждали возможность создания совместной компании, потом просто весело болтали и пересказывали друг другу последние сплетни. Знакомство с Фуат-беем было полезно и поучительно для Джевдет-бея, поскольку позволяло лучше узнать жизнь тех богатых и привилегированных кругов, в которые ему никак не удавалось попасть, и давало возможность на время проникать в избранное общество. Взять хотя бы этот клуб: за один визит сюда Джевдет-бей узнавал больше, чем за несколько месяцев чтения газет и усердного изучения слухов. Здесь, в царстве мягких ковров, бархата, расшитых золотом кресел и хрустальных люстр, Джевдет-бею начинало казаться, что еще немного – и он разгадает все загадки, которые задает ему жизнь, и узнает все тайны непрестанно изменяющегося непостижимого мира цен и товаров.

Войдя в клуб, они поднялись по лестнице и попали в пространство, заполненное роскошными креслами, коврами, позолоченными зеркалами, хрустальными люстрами и шелковыми драпировками. Паши, дипломаты, богатые коммерсанты-евреи, левантинцы¹⁸, вышколенные и всегда готовые услужить официанты... Пройдя через залу, они сели на свое обычное место за столиком в углу. На пути от дверей до этого столика Джевдет-бей, как всегда с ним случалось, пришел в волнение и преисполнился радужных надежд. В голове роились самые разнообразные мысли. Подбородок он старался держать повыше, но румянец на щеках все равно выдавал волнение. Фуат-бей, как всегда, это заметил и ободряюще улыбнулся, а потом стал спрашивать приятеля о помолвке.

– Все было, как я тебе говорил, – ответил Джевдет-бей. – Спасибо Недим-паше! Если бы не он, ничего не было бы. Свадьба тоже будет в его особняке.

– А кстати, откуда ты знаешь Недим-пашу?

¹⁷ *Тешвикийе* – один из кварталов района Нишанташи.

¹⁸ *Левантинцы* – европейцы, родившиеся в странах Востока.

– Да ниоткуда. Просто он однажды зашел в мою лавку. Это единственный паша, с которым я знаком. Ты ведь знаешь, среди моих родственников таких людей нет. Я Недим-паше, должно быть, понравился. Если бы не он, я и девушку эту, свою невесту, не нашел бы. Ты же меня знаешь. Откуда бы я смог узнать, что у Шюкрю-паши есть дочь на выданье? И знакомых, сведущих в таких вопросах, у меня нет. – Джевдет-бей скромно потупился, словно младший брат, ожидающий утешения и ласки от старшего.

Тут к ним подошел официант с меню. Фуат-бей с видом старшего брата, опекающего младшего, заботливо спросил Джевдет-бея:

– Ты что возьмешь?

Каждый раз, приходя в этот ресторан, Джевдет-бей открывал для себя что-нибудь новенькое. Большинство блюд он уже попробовал и, подобно здешним завсегдатаям, успел выяснить, какие из них ему нравятся, очень нравятся, не нравятся или оставляют равнодушным. Сначала он заказал свое любимое мясо под соусом и *силькме*¹⁹ с баклажанами и оливковым маслом, потом осмелился на осторожный эксперимент и заказал на десерт нечто под названием супангле.

Когда официант отошел, Фуат-бей, кивнув в сторону столика у окна, рассказал Джевдет-бею, что за люди там сидят. Толстяк – Галип-паша, а бледный европеец – Гюгенен, директор компании «Анатолийские железные дороги». Между ними сидел худой переводчик в очках. Джевдет-бей постарался хорошенько запомнить, как они выглядят. Потом Фуат-бей стал рассказывать, как идут у него дела, и они еще раз с удовольствием обсудили планы совместной деятельности. Когда официант принес блюда, Фуат-бей оживился и завел речь о своих любимых кушаньях. Его мать делала очень вкусные манты, и он наставительно, словно школьный учитель, но в то же время весело и увлеченно принялся рассказывать, как именно следует их готовить. Потом, недоуменно подняв брови, сказал:

– Какой-то ты сегодня невеселый.

– Брат у меня серьезно болен.

– Ах вот оно как! Что с ним?

– Туберкулез. Не сегодня завтра может умереть.

– Очень жаль. Твой брат ведь из них, из младотурок, не так ли? Ты, помнится, говорил, что он жил в Париже. Как бы то ни было... Жаль, что он болен, но, друг мой, если он один из них, ты должен гордиться, что у тебя такой брат!

Джевдет-бей порылся в памяти, вспомнил, что никогда не говорил Фуату, будто Нусрет – «один из них», и бросил на приятеля подозрительный взгляд.

– Да не бойся ты! Кого боишься-то – меня, что ли? Тут и знать ничего не нужно, достаточно немного поразмыслить.

Твой брат десять лет жил в Париже, до этого окончил Военно-медицинскую академию, не так ли? К тому же характер резкий, неуживчивый... Как тут не быть младотурком? А тебе следовало бы им гордиться, серьезно говорю.

Слова приятеля так удивили Джевдет-бея, что он, не найдясь с ответом, повторил только:

– Он очень серьезно болен. Боюсь я за него.

– Вот если бы ты еще его понимал...

– Я понимаю, – с некоторой неуверенностью в голосе сказал Джевдет-бей. – Вот как раз сегодня подумал: понимаю, но не могу ему это объяснить!

– Правильно, это все из-за его характера. Ему не нравится твой образ жизни, а больше он ничего знать не желает. Эх, были бы вы оба чуть терпимее, смотрели бы на вещи чуть

---

¹⁹ *Силькме* – мясное блюдо с мелко нарезанными овощами.

шире – и замечательно уживались бы. Вы ведь друг другу замечательно подходите. Вижу, ты меня не понял. Вот подумай: чего хотят твой брат и такие, как он? Конституции, парламента, свободы, упразднения абсолютизма. Если потребуется, готовы свергнуть Абдул-Хамида. Тебя же подобные идеи путают, потому что кажутся непонятными и страшными, потому что ты не понимаешь, какая от них может быть польза, потому что боишься доносчиков, боишься, как бы не случилось с тобой беды!

– Никогда я не интересовался политикой, – вставил Джевдет-бей. – Я торговец и не понимаю, какая мне от нее может быть выгода.

– Знаю, знаю! Послушай: если свобода, которую они так хотят, все-таки наступит, какой тебе от этого будет вред? Ведь ровным счетом никакого!

– Не вижу я, какой в политике может быть прок, – стоял на своем Джевдет-бей.

– Конечно, так думать очень удобно. Но ты не прав. Жизнь сложнее, чем тебе кажется! Вот ты говоришь, что понимаешь своего брата, но на самом деле – не понимаешь. Чего он хочет? Свободы, прав. И вот подумай... Я же тебя ничего не прошу делать, ты только подумай немного – и поймешь. Ничего страшного тут нет. В конце концов, ради чего мы живем? Ведь не только же ради того, чтобы зарабатывать деньги. Нет! Семья, дом, дети... Вот ради чего! Но там, где нет политической свободы, свобода частной жизни тоже ограничена. Разве плохо было бы, если бы здесь была свобода, как там, в Европе? наших женщин, словно рабынь, тащат в суд, едва заметят, что они не соблюдают пост в Рамазан! Но хуже всего, хуже всего вот что: из-за всех этих проклятых запретов и обычаев торговлей занимаются не мусульмане, как мы с тобой, а только армяне, евреи да греки. Да и я не то чтобы совсем мусульманин. Один ты такой!

– Да, это так, – сказал Джевдет-бей. – Но мне о подобных вещах лучше не думать. Я против султана не пойду!

– Дорогой мой, да кто же тебя просит идти против султана? Но разве ты не желаешь своей стране блага? Пусть будут хоть какие-то реформы, самые умеренные, – или ты и на это не согласен?

– Не вижу я в этом прока... Хотя ладно. Допустим, что вижу. И что дальше?

– Как же так – не видишь прока? Или ты хочешь сказать, что в нашей стране, в нашем государстве дела обстоят замечательно и все устроено наилучшим образом? Что все должно остаться как есть? Ты это хочешь сказать, Джевдет?

– Этого я не говорил!

– А как же тогда? Послушай, дела у империи плохи. Свободы нет, государство в кризисе, все прогнило, неужели ты этого не видишь? А если видишь... Эй, почтеннейший, эти тарелки можешь уже убрать. Так вот, если ты это видишь, то должен понимать, что нам нужен прогресс, что нам нужно стать хотя бы немножко более похожими на европейцев! Но быть похожим на европейца – это не значит обедать здесь со всеми этими снобами, танцевать, говорить по-французски и носить шляпу. Нужно понимать важность прав и свобод. Что скажешь?

– Скажу, что мне, торговцу, лучше во все это не лезть, – улыбнувшись, проговорил Джевдет-бей.

– Ах, чтоб тебя! Экий ты упрямый, не прошибешь! Все ты понимаешь, притворяешься только. Ну хорошо, Джевдет, скажи, в чем для тебя смысл жизни? Заработать много денег и создать семью?

– Это уже немало, – снова улыбнулся Джевдет-бей.

Фуат-бей, глядя на него, тоже не смог сдержать улыбки:

– Как ты, однако, решительно настроен! Просто диво! Но, милый мой, ты совершаешь ошибку. Смотри не говори потом, что я тебя не предупреждал.

– Какую такую ошибку? – удивленно поднял брови Джевдет-бей.

Фуат-бей, наслаждаясь произведенным эффектом, не спеша закурил и только потом продолжил:

– Рано ты жениться надумал, вот что я тебе скажу.

– Ах вот ты о чем! Нет-нет, наоборот, затянул я с этим делом!

– Вот тут ты не прав. Тебе следовало бы еще немного обождать, и тогда ты смог бы найти пару получше. Повремени немного, постарайся понять младотурок, и все у тебя будет замечательно.

– Ты меня просто пугаешь. – усмехнулся Джевдет-бей. – Ты, должно быть, тоже младотурок. О чем ни заговоришь, везде у тебя они.

– Смейся-смейся. А я тебе точно говорю: поторопился ты. Послушай меня внимательно. Абдул-Хамид вскоре или умрет, или будет свергнут. После этого... – Фуат-бей замолчал, ожидая, пока официант не поставит на столик тарелки с десертом, – после этого влияние младотурок возрастет. Они придут к власти... Не гляди на меня так изумленно, я серьезно говорю. Это всем известно.

– Вот уж не знал, что у тебя такие мысли!

– Джевдет, милый, ты всегда в подобных вопросах разбирался лучше меня, а не знаешь! Знал бы, так понял, что продешевил. Что за человек Шюкрю-паша? Я специально навел о нем справки. Финансовые его дела из рук вон плохи. Он продал свои земли, а особняк в Чамлыдже²⁰ сдает постояльцам. Ему пришлось даже продать одну из своих карет. Да и должность у него так себе. Ты думал, что нашел невесту из хорошей семьи, но на самом деле эта женитьба выгодна им!

– Я вовсе не о выгоде думал, когда искал невесту!

– Ладно-ладно, не сердись. По крайней мере, тебе следует понимать, что происходит. Вот ты говоришь, что понимаешь своего брата, а на самом деле – не понимаешь.

– Ты меня все пытаешься втянуть в политику. Не знаю, как тебя, а меня она вовсе не интересует, – твердо сказал Джевдет-бей. – Политика – одно, а торговля – совсем другое. У меня отродясь никаких политических запросов не было. Я вообще не считаю, что это правильно – заниматься политикой!

– Вот опять этот твой принцип: или все, или ничего. Гибче надо быть, шире смотреть на вещи! У тебя к любому явлению лишь два подхода: или ты против, или уж всецело за, середины нет! И брат твой такой же. Он как раз против. Насколько я понимаю, он в своем отрицании дошел до того, что настроился против самой жизни. Я вовсе не шучу. Такой уж у вас характер. Ты думаешь только о торговле да о женитьбе, а все остальное считаешь пустым, ненужным. Но ведь это не так! – Фуат-бей положил нож и вилку на край тарелки. – Всегда можно найти компромисс. Компромисс, Джевдет! Вот чему вам с братом следовало бы поучиться. Вы ведь так друг на друга похожи, а сами этого не замечаете!

Джевдет-бей счел нужным поточнее сформулировать свою недавнюю мысль:

– Не понимаю, что ты хочешь этим сказать, но повторю еще раз: богат Шюкрю-паша или беден, значения не имеет. Я не из-за денег женюсь на его дочери.

– И все-таки ты женишься именно на дочери паши! Не смотри на меня так. Ничего плохого в этом нет, это даже правильно. Ты хочешь в жены хорошо воспитанную девушку. А такую девушку в наше время можно найти только в семьях пашей, придворных... Паше же хотелось найти для дочери богатого жениха, вот ты и пришелся ко двору.

– Я так не думаю! Я думаю, что... – начал Джевдет-бей и вдруг понял, что все то, о чем говорил сейчас Фуат, уже сотни раз приходило ему в голову, только он не решался открыто себе в этом признаться. – Я думаю, что... Мне нужна хорошая семья. И еще хочу, чтобы торговля шла хорошо. Хорошая жена, дети... Вот и все, что мне нужно!

– Ты все время говоришь одно и то же. Но разве политика этим твоим целям препятствует? Что ты вообще понимаешь под политикой? Если бы ты немного подумал...

---

²⁰ Чамлыджа – район в азиатской части Стамбула.

Тут Джевдет-бей, сделав вид, что ему наскучил этот разговор, перебил приятеля:

– Фуат, ты меня пугаешь. В заговор, что ли, какой-нибудь хочешь меня втянуть? Этими делами ты лучше занимайся со своими друзьями-масонами, а я в них ничего не смыслю.

– Ох и хитрец же ты, братец! – криво усмехнулся Фуат-бей. – Я тебе все пытаюсь втолковать: гибче надо быть, гибче! Откажись от этого своего «или все, или ничего»! Пойми, что жизнь состоит из маленьких компромиссов. Семья, лавка – все это хорошо, но разве в жизни ничего больше нет? Если нет, то такая жизнь ограничена, скучна и пресна. Измени взгляд на мир, стань более открытым – таков мой тебе совет. И твоему брату я бы то же самое посоветовал. Я с ним, конечно, не знаком, но, кажется, он тоже любитель крайностей.

– Вот-вот! Крайности! Я это тоже в нем заметил, только слова точного не мог подобрать. Это значит принять какое-то решение и всю жизнь ему следовать. Он решение принял – не знаю уж какое – и пытается его выполнить. И я это отлично понимаю! И уважаю! Но вот только объяснить ему это никак не могу, – выпалил Джевдет-бей и прибавил с раздражением: – Потому что времени нет!

– Вот видишь! Вы с братом не живете по-настоящему, что он, что ты. Не обижайся, но это так, – сказал Фуат-бей и приставил руки к глазам на манер лошадиных шор. – Только это вы и видите, а больше ничего как будто и нет! Но разве такова жизнь? Что вообще значит – жить по-настоящему? Это значит видеть мир во всех его красках, испытывать все, что он предлагает! Как по-твоему, Джевдет?

– Глупый вопрос! – отрезал Джевдет-бей. – Я жизнью вполне доволен.

– Ну вот, даже подумать боишься!

– Нет, подожди! – сказал Джевдет-бей и, подумав, заявил: – Жить по-настоящему – это значит жить хорошо. – Сказал и тут же понял, что этак он признает правоту Фуат-бея. – Нет-нет, не так! – и сердито зачастил: – Не знаю. Никогда об этом не думал. Глупый вопрос. И пожалуйста, Фуат, не заводи больше такие разговоры. И о военных в Салониках я не хочу ничего слышать. Пожалуйста, не втягивай меня в эти дела! Можешь считать, что я уже забыл все, что ты мне сегодня сказал.

– Какой же ты, милый мой Джевдет, упрямый! Истый турок! – сказал Фуат-бей, улыбаясь, велел официанту принести счет и все с той же улыбкой продолжил: – Не прошибешь тебя! И все же я рад, что у меня есть такой друг, как ты.

Джевдет-бей тоже улыбнулся. От сердца отлегло – разговор о страшных и неприятных вещах был закончен. Счета за совместные трапезы они с приятелем оплачивали по очереди, сейчас был черед Фуат-бея.

Когда вышли на лестницу, кто-то окликнул Джевдет-бея:

– О, Осветитель Джевдет-бей, приветствую! Каким это ветром вас сюда занесло?

Это был Моше, торговец табаком из Сиркеджи. Джевдет-бей попытался приветливо улыбнуться.

– А не вы ли бомбу-то подложили, Джевдет-бей? А? – Шутка явно понравилась Моше, и он сам над ней посмеялся. – Нет, в самом деле, что вы тут делаете?

Джевдет-бей тоже усмехнулся, словно это была удивительно милая и тонкая шутка. «Что же я здесь делаю?» – думал он, спускаясь по лестнице. Сейчас он казался себе усталым, слабым и смешным. Попрощался с Фуат-беем и подошел к своей карете. Вверху, прямо над головой, огромной пустой тарелкой висело солнце. «Ох, ну и жара! – простонал Джевдет-бей. – Так, куда я сейчас?»

Велев кучеру ехать в Тешвикийе, Джевдет-бей сел в раскаленную карету, которая снова, покачиваясь, пустилась в путь.

Глава 7, В особняке паши

Покачиваясь вместе с каретой, Джевдет-бей печалился о том, что не может вздремнуть после обеда, и размышлял о своей жизни. «Что значит для меня – жить? Ну и вопрос Фуат задал! А я ему – глупый, мол, вопрос! И действительно глупый. Не хочу об этом думать. Что такое жизнь? Где он таких вопросов-то понабрался? Поди, из европейских книг, от бог знает в каких заговорах замешанных людей! Что такое жизнь? Глупый, глупый вопрос! Я над ним даже смеюсь. Ха-ха-ха. Как Моше смеялся. Какую он, однако, дурацкую шутку отпустил! Не я ли подложил бомбу? Нет, я побил черепицу. Из-за этого протекла крыша, все на меня злобно смотрели, весь класс был по колени в воде. Ну и страшный же был сон! Я мог бы понять, что он предвещает такой скверный день. Кстати, сколько времени? Скоро восемь! Шюкрю-паша, должно быть, меня уже ждет».

Шюкрю-паша пригласил его в свой особняк, чтобы распросить о планах на будущее. Об этом Джевдет-бею сообщил посланный с приглашением слуга, однако он догадывался, что на самом деле паше просто хотелось перемолвиться с кем-нибудь словечком и пригласил он его исключительно от скуки. При мысли о Шюкрю-паше Джевдет-бей невольно вспомнил и то, что говорил о нем Фуат-бей. «Что земли он продал, я знал, и что особняк собирается продавать, тоже знал, а вот про карету не знал! Если уж он продает карету, значит дела у него совсем плохи. Может, Фуат прав и я совершаю ошибку? Нет-нет, нехорошо так думать. Мне нужна только Ниган, больше ничего не нужно».

Вспомнив о Ниган, Джевдет-бей пришел в хорошее расположение духа. «Да, я видел ее всего два раза, – сказал он сам себе, и в памяти вновь всплыла та ужасная сцена в пансионе. – Два раза увидел и понял, что она девушка хорошая. Ну и что тут такого? Неужели так сложно понять, что за человек перед тобой? К тому же мы ведь разговаривали...» Первый раз Джевдет-бей увидел Ниган, выглянув из окна селямлика²¹ особняка Шюкрю-паши. Второй раз – в том же особняке, во время глупой церемонии, именуемой помолвкой. Тогда они и поговорили. «Как поживаете, ханым-эфенди?» – спросил Джевдет-бей, а Ниган ответила: «Хорошо, эфенди, а вы?» При этом она старалась выглядеть спокойной и степенной, словно много повидавшая на своем веку старуха, но покраснела и, смутившись из-за этого, сразу же ушла. Видно было, что она девушка гордая, но вроде бы хорошая. С того самого дня она заняла прочное место в планах, которые Джевдет-бей строил относительно своей будущей семьи и дома. Красавицей ее назвать было нельзя, но представлениям Джевдет-бея о том, какой должна быть жена, Ниган вполне соответствовала, а это было самое главное.

В жаркой карете после сытного обеда Джевдет-бей начал клевать носом и пожалел, что не выпил кофе. Чтобы взбодриться, закурил и стал обдумывать, о чем можно поговорить с пашой. Карета доехала до казарм военной академии и свернула в сторону Нишанташи. «Надо сказать паше, что я собираюсь купить дом в этих местах», – подумал Джевдет-бей, и тут он вспомнил Зелиху-ханым, от которой собрался отделаться, а потом – Хасеки, тетушку Зейнеп и Зийю. Вспомнив, как оценивающе мальчик рассматривал его, Джевдет-бей почувствовал раздражение. «Станный ребенок. Как будто уже сейчас, в этом возрасте, что-то в уме прикидывает. Смотрит так, словно в чем-то тебя обвиняет!» Карета между тем свернула на площадь Нишанташи. Выглянув в окно, Джевдет-бей внимательно осмотрел каменный дом на углу. В этот дом он уже заходил и решил тогда, что он ему нравится и вполне соответствует его представлениям о жилище, необходимом для семейной жизни. Глядя на растущие в саду перед домом липы и каштаны, Джевдет-бей сказал сам себе: «Какое милое место!» – и решил еще раз осмотреть дом на обратном пути. Мысли о будущей семейной жизни привели его в благостное располо-

²¹ Селямлик – мужская половина дома.

жение духа, но, когда карета поравнялась с мечетью Тешвикийе, он снова разволно вался и стал думать о том, достаточно ли хорошо одет. Еще в карете он отметил, как заколотилось в груди сердце.

Выйдя из кареты, Джевдет-бей снова, как, впрочем, с ним бывало каждый раз, ощутил чувство вины. Обширный сад перед особняком был пуст и недвижим, только на краю небольшого мраморного бассейна сидел воробышек и пил воду. Подойдя к дверям, Джевдет-бей потянулся к круглой латунной ручке, но двери открылись сами, и возникший на пороге слуга сообщил, что паша ожидает гостя наверху. Опасаясь невзначай скрипнуть ступенькой, Джевдет-бей поднялся по лестнице. На площадке его встретил другой слуга, приветствовавший его теми же словами: паша ожидает гостя. «Вот это дом, вот это семья!» – пробормотал Джевдет-бей себе под нос. На лестничной площадке в углу тикали часы, размахивая огромным маятником; больше никаких звуков слышно не было. «Все здесь отлажено, как часы!»

Джевдет-бей вошел в просторную комнату, в которой, однако, никого не было, кроме безмолвных вещей: скамьи, диванов, кресел... В комнате было прохладно. Джевдет-бей прошелся туда-сюда, потом остановился перед висящей на стене картиной и подумал, что другие люди, глядя на картины, испытывают некое душевное волнение. Осмотрел расшитое золотом кресло с ножками, напоминающими кошачьи лапы. В углу стоял небольшой сундучок, инкрустированный перламутром. Размышляя, зачем нужен здесь этот сундучок, Джевдет-бей заметил на стуле рядом такую же инкрустацию. Обернувшись, он увидел, что и кресло, и диван тоже инкрустированы перламутром. И тут его прошиб холодный пот: на диване кто-то лежал. Шюкрю-паша собственной персоной. Джевдет-бей замер на месте, не в силах сообразить, что же ему теперь делать. Потом додумался выйти из комнаты. Постоял немного за дверью, прислушиваясь к тиканью часов, и, собравшись с духом, снова вошел. Стараясь не глядеть в сторону паши, громко кашлянул.

– А, как же, как же, наш зять пришел! – пробормотал паша и встал. – Проходи, сынок, проходи. Я не спал, так, думаю, прикорну немного.

– Почивать изволили? – спросил Джевдет-бей, подходя к старику.

– Нет, не спал. По правде говоря, осоловел немного. За обедом хватил лишнего, – ответил паша. Увидев, что Джевдет-бей тянется к его руке, чтобы поцеловать ее, проговорил: – Не надо, сынок, не надо, – но руку не убрал. – Пусть и тебе столько же раз будут руку целовать. Кстати, почему это ты не пришел к обеду?

– Не знал, что вы меня приглашали и к обеду, господин паша.

– Как так? Бекир тебе не сказал? – спросил Шюкрю-паша, и по нарочитому гневу в его голосе стало понятно: – он вспомнил, что и в самом деле не приглашал Джевдет-бея к обеду. – Ладно, я ему покажу! Гость без обеда остался! Ну да что поделаешь. В конце концов, главное-то – беседа, не так ли? А трапеза – предлог. – И паша махнул рукой, словно говоря, что все – пустое. – Кофе выпьем или коньяка? Или подожди, лучше кофе с ликером. Да ты садись, садись. – Паша потянулся и зевнул. – Ох, перебрал я за обедом!

Позвав слугу, паша велел принести кофе и ликер. Потом, повернувшись к Джевдет-бею, сказал:

– Жарко сегодня, не правда ли?

– Да, жарко, – ответил Джевдет-бей.

– В такую жару на улицу не выйдешь, – сказал паша и тут же уточнил: – Я, по крайней мере, не выхожу. А ты, интересно, чем сегодня занимался?

Джевдет-бей рассказал о событиях первой половины дня, не заостряя внимание на болезни брата, зато подробно остановившись на обеде в клубе. О поездке в Хасеки он не обмолвился ни словом.

– Молодец! – сказал паша, но потом прибавил: – Хотя ты, конечно, еще молод. В твоём возрасте все шустрые. – На его лице вдруг появилось какое-то ребячливое выражение. – Тебе сколько лет?

– Тридцать семь.

– Я в твоём возрасте – или, может, будучи лет на пять постарше – дослужился уже, хвала Аллаху, до министерской должности. Но тогда было совсем другое время. Теперь, чтобы продвигаться по службе, надо из кожи вон лезть, других топить... Да к тому же мне везло... К чему это я? – Паша все с тем же ребячливым выражением на лице улыбнулся и пригладил бороду. – Иди-ка сюда, сядь со мной рядом. А то сел так, что мне лица твоего не видно.

Вспотевший Джевдет-бей пересел к паше, на диван, где тот только что дремал. Слуга принес кофе и ликер в маленьких хрустальных рюмках.

– Любишь клубничный ликер? – спросил паша и крикнул вслед уходящему слуге: – Принеси нам еще ликера! А еще лучше всю бутылку!

Свою рюмку паша осушил одним глотком и поглядел на Джевдет-бея. Ему явно хотелось, чтобы тот развлекал его каким-нибудь рассказом.

– А еще чем-нибудь ты занимался сегодня? – спросил он.

– Нет, господин паша, лавка очень много времени отнимает, – виновато ответил Джевдет-бей.

– А-а, лавка! Ну да. А с кем встречаешься, общаешься? Друзья твои кто?

– Коммерсанты... Фуат-бей, про которого я вам рассказывал, например.

– Этот Фуат-бей из Салоник?

– Да, господин паша.

– Гм... И что он говорит? О покушении на султана что говорит?

– Да он ничего не знает, паша. Мы с ним об этом не говорили.

– Не знает или не говорили?

– Не говорили, господин паша!

– А если не говорили, почему ты думаешь, будто он ничего не знает?

Увидев растерянное выражение на лице Джевдет-бея, паша усмехнулся, очевидно гордясь тем, какой он, паша, сообразительный, и осушил еще одну рюмку. Растерянность будущего зятя, должно быть, немало его позабавила – он снова усмехнулся и похлопал Джевдет-бея по спине:

– Молодец, молодец, правильно. Таким и надо быть – аккуратным и осторожным.

Джевдет-бей покраснел.

– Да, таким и надо быть. Твоя осторожность мне очень нравится. Торговец в особенности должен быть осторожным. А ты мало того что торговец, так еще и мусульманин. Тебе труднее всех приходится. И ведь дела у тебя хорошо идут! Раньше деньги кому в руки плыли? Гяурам и бессовестным казнокрадам-чиновникам. А теперь пришло время таких, как ты, – трудолюбивых, осторожных, умеренных. – Паша взглянул на свою пустую рюмку и улыбнулся. – Какие они маленькие! Не замечаешь, как выпил. Да, твоя умеренность – важное качество. У нас все постоянно бросаются в крайности. Кроме того, нужно уметь держать язык за зубами – что в торговле, что в политике. – Паша снова наполнил свою рюмку и разом осушил ее. – Да, держать язык за зубами. Раз уж я нынче столько выпил, я тебе расскажу кое-что... Я себе всю жизнь испортил из-за того, что не сумел промолчать в нужный момент. Сейчас расскажу.

Разволновавшийся паша поменял позу, снова налил в свою рюмку ликер и начал рассказ:

– Покойный Рюшту-паша составил мне протекцию, и я стал министром. Как его бишь... Да, министром по делам общинных имуществ. Не прошло и полугода – разразился мятеж Али Суави²². Когда мы узнали, что случилось, скорее побежали с садразамом²³ из Бабы-Али²⁴ во

²² Али Суави (1838–1878) – турецкий писатель и общественный деятель, в мае 1878-го поднял мятеж против султана

дворец. Меня тоже пригласили в покои его величества. Султан разговаривает с садразамом, я слушаю, ни жив ни мертв. Его величество говорит: эти мерзавцы, мол, хотят меня с трона скинуть и министры тут наверняка тоже замешаны. Ошибочное мнение! Ну ошибся султан так ошибся, тебе-то что, Шюкрю? А я по молодости лет не сдержался и говорю: «Помилуйте, ваше величество, если бы в этом деле были замешаны министры, разве бы так все было? Разве с такой ничтожной кучкой людей большие дела делаются?» Его величество испугался: этот молокосос, стало быть, думал о том, как можно свергнуть султана, знает, как такие дела делаются, – опасно это! Тут же отправил садразама в отставку. И в новом кабинете для меня должности не нашлось. Двадцать семь лет прошло, а должности в кабинете для меня по-прежнему нет. За это время побывал я губернатором в Эрзуруме, в Конье... Был послом во Франции... Ждал-ждал, так приличной должности и не дождался. А почему? Потому что не держал язык за зубами. – Паша внезапно усмехнулся и тут же снова погрузился. – А я всего-то и хотел, что услужить его величеству!

Воцарилось молчание. Потом паша спросил:

– Стало быть, ты не знаешь, что говорят о покушении?

– Не знаю, – сказал Джевдет-бей.

– Ну и хорошо. А если и знаешь, то никому не рассказывай. Ты мой будущий зять, ты мне нравишься, и я тебе дам один совет: никому не доверяй! А в особенности тем, кто болтает попусту. Времена нынче странные. Молодежь через одного революционеры. Знаю, ты человек осторожный, не позволишь втянуть себя в эти дела – и все-таки будь осторожен! Если увидишь или услышишь что-нибудь такое – знай, рано или поздно они тебя тоже захотят втянуть. Не поддавайся! Как увидишь, что у них дурное на уме, что они и тебя погубить хотят, – беги прочь и расскажи кому надо. Мне кажется, мой младший сын увлекся этими революционными бреднями. Он учится в Военно-медицинской академии. По четвергам и пятницам приводит сюда своих однокашников. Запрутся в комнате, курят и часами о чем-то говорят. Если я внезапно к ним захожу, тут же замолкают, а некоторые еще и глядят на меня волками. Понятно, конечно, – люди молодые, горячие, восторженные. Но всякий ли захочет понять? Наш мальчик – чистая душа, не интриган, не заговорщик. Но разве это будут брать в рассуждение? Так что я на всякий случай, чтобы не подумали чего плохого, пишу во дворец об этих сборищах, сообщаю. Он ведь наивный, жизни не знает, того и гляди попадет в беду! Прав я?

– Правы, господин паша!

– Э, да ты и первую рюмку все никак не допьешь! Допивай, я тебе еще налью. Так вот, мой младший сын – простая душа. Что скрывать – мать моих сыновей хоть и была в молодости красавицей, умом похвастаться не могла. Вот мать моих дочерей – та умница. Весь дом на ней держится. А младший сын – мальчик простодушный, да... Собственно, я больше-то старшего люблю – только тсс, кроме тебя, я никому этого не говорил. Этот пойдет в гору! Весь в отца! Пока он еще на скромной должности в канцелярии Министерства иностранных дел, но знает, что к чему в этой жизни. Вот его я люблю! Шалун! Выезжает в Чамлыджу, бывает в Кагытхане, развлекается... В Бейоглу завсегда... А сколько у него знакомых! Всех знает, и все его знают и любят, но, заметь, никакого панибратства ни с кем. Все у него в меру! Да будет тебе известно: для того чтобы сделать хорошую карьеру на государственной службе, знакомства и связи не менее важны – а может, и более, – чем прилежание и способности. Гляжу я на него и вспоминаю, каким сам был в юности. Интересно, какой паша его возьмет под крыло? Без этого ведь никак нельзя. В торговле, вероятно, и можно быть самому по себе, а в политике, в нашей-то стране – ни за что! От меня толку уже не будет – тридцать лет обо мне не вспоминали, теперь

Абдул-Хамида II с целью восстановления на троне Мурада V. В мятеже участвовали студенты, солдаты и крестьяне.

²³ Садразам – в Османской империи – высшее должностное лицо, великий визирь.

²⁴ Бабы-Али – здание, в котором находились канцелярия садразама, министерства внутренних и внешних дел и Государственный совет.

и подавно не вспомнят. Хоть бы, думаю, попал он под покровительство к дельному паше, – тут Шюкрю-паша издал короткий смешок и снова наполнил свою рюмку, – потому что у плохого паши придется затягивать пояс потуже. А наш-то – жизнелюб! – Паша вспомнил о чем-то, и на его лице появилось озабоченное выражение. – Была у нас карета, он ее заказал по своему вкусу. Запрягал в нее лошадей разной масти: чалую и вороную. Жаль, продал я эту карету – слишком много на нее уходило денег. И я вот еще что скажу: этот дом весьма недешево мне обходится. А Ниган в такой обстановке выросла, привыкла. Тебе придется это учитывать... Карету мы продали, теперь и особняк в Чамлыдже продаем... Не знаю, понимаешь ли ты, о чем я говорю?

– Понимаю, господин паша!

– Молодец. Значит, мы друг друга понимаем, – сказал паша и улыбнулся. – Наше время уходит. На Абдул-Хамида покушаются, молодежь сплошь революционеры. Все чем-то недовольны. Кто бы мог подумать, что на Абдул-Хамида могут совершить покушение? Скинут его, вот увидишь. Он обо мне за двадцать семь лет ни разу не вспомнил, но я зла не держу. Вся моя служба на годы его правления пришлась. Министром был, пашой, губернатором, послом... За своих детей я, в общем, спокоен. Когда я губернаторствовал в Эрзуруме, подыскал дешевый участок земли. Дай, думаю, куплю. Там у меня есть управляющий – и себя не обижает, и нам отсылает кое-что. Но может, и эти земли придется продать. Уж больно дорого обходится особняк! Как тут тебя не ценить? За будущее Ниган я спокоен.

– Спасибо, паша, – сказал Джевдет-бей и покраснел.

– А что ты не из знатной семьи, так это пустяки! Что это ты, однако, никак рюмку не допьешь? Уж больно ты осторожен, – сказал паша, качая головой.

Джевдет-бей, смутившись, допил сладкий, вязкий ликер.

– Вот молодец! Не умер ведь? То-то, дай-ка я тебе еще налью. Не робей! Понял, ты при мне не хочешь пить из уважения. Ценю, ценю. Но ты эти церемонии оставь, мы ведь с тобой теперь друзья! Вот скажи-ка мне, ты в свободное время чем себя развлекаешь? Гуляешь, повесничаешь?

– Так ведь, господин паша, не остается у меня свободного-то времени!

– Ну-ну, меня стесняться нечего!

– Я серьезно говорю! Раньше, бывало, ездил в Шехзаде-баши, а теперь и на это времени нет.

Паша снова покачал головой:

– А что же ты тогда так улыбаешься? Блудливая улыбочка, меня не проведешь!

Джевдет-бей впервые почувствовал некоторую неприязнь к старику; мысль о том, что он может перестать уважать пашу, его испугала.

– Все молчишь! И чего молчишь, спрашивается? Это уж чересчур! – сказал паша. – Я, слава Аллаху, пожил, земных благ вкусил. А ты? Нет-нет, ты тоже, должно быть, малый не промах, только... – Увидев застывшее выражение на лице Джевдет-бея, паша осекся. – Ладно-ладно, не будем об этом. С тобой, однако, не поговоришь. Я все говорил, а ты только слушал. Раз уж ты такой молчун, давай тогда хотя бы в нарды сыграем. Рука у тебя сильная?

– Не знаю, – сказал Джевдет-бей с тем же застывшим выражением на лице.

Сели играть в нарды.

Глава 8. О времени, о семье, о жизни

Джевдет-бей не любил нарды. Две первые партии вчистую проиграл. «Мой брат борется за жизнь, а я тут в нарды играю», – крутилось у него в голове. Потом кости стали падать удачно, он несколько раз выиграл, и паша уже было расстроился, но тут Джевдет-бей опять начал проигрывать. Когда паша один раз вышел из комнаты, Джевдет-бей взглянул в проем открытой двери на часы, что стояли на лестнице, и с удивлением увидел, что время приближается к одиннадцати, понял, что в лавку уже не успеть, и разозлился. Страсть паши к нардам и его болтливость теперь казались ему отвратительными. Паша между тем не замолкал: рассказывал о каком-то парижском театре, который ему случалось посещать в бытность послом, о неблагодарности какого-то своего секретаря, об источнике, который он распорядился устроить в Конье, о похождениях молодых лет и о взятке, которую отказался принять, будучи министром. Когда Джевдет-бей проиграл очередную партию, в комнату вошел слуга и обратился к паше:

– Госпожа собираются в Шишли к Наиме-ханым, изволят просить карету.

– Пусть берет. Куда мне ехать в такую жару? – сказал паша, но потом вдруг поднялся на ноги. – Хотя подожди. Поздно уже! Иди спроси, когда она собирается выезжать. Я, может быть, в клуб поеду.

Паша снова уселся на стул и улыбнулся Джевдет-бею, стараясь, чтобы улыбка выглядела добродушной. Потом ему два раза подряд выпали две шестерки, но пашу, казалось, это уже не обрадовало. Он сложил нарды и снова встал.

– Поехать, что ли, в клуб, поболтать с кем-нибудь? – пробормотал паша, обращаясь сам к себе. Потом обернулся к Джевдет-бею. – Что скажешь? Не хочешь ли поехать со мной в клуб?

– Боюсь, господин паша, что буду вам в тягость, – ответил Джевдет-бей. На какое-то мгновение ему показалось, что старик и в самом деле хочет взять его с собой, но потом он понял, что не оправдал ожиданий паши и на сегодня ему уже наскучил.

– Да нет, сынок, какая такая тягость, – неискренне сказал паша. Потом голос его погрузнел: – Люди, дожив до моего возраста, живут впустую. Не знают, чем день занять. Вот я все вспоминаю, вспоминаю... Но ведь нужно же этими воспоминаниями с кем-то поделиться. Я был в Европе, знаю: там люди пишут мемуары, печатают их в газетах, издают книги. А здесь? Да попробуй я хоть слово написать – беды не оберешься. Хе-хе. Свободы здесь нет, сынок, свободы! Да здравствуют младотурки. – Последние слова он произнес вполголоса. – Молодец мой младшенький! Хм... Вот скажи, ты знаешь, как надо жить? Смог ты это понять? Хотя непохоже, чтобы ты много книг прочел... Не обижаешься?

– Что вы, господин паша! – сказал Джевдет-бей. Его бросило в пот.

– Да-да, ты у нас вежливый, знаю! – сказал паша немного раздраженно и принялся ходить по комнате, чуть покачиваясь. – Вот ты, поди, думаешь, напился я! Видел ты когда-нибудь пьяного пашу? Собственно, ты пашей вблизи много видывал? Со сколькими разговаривал? Недим-пашу ты откуда знаешь, а?

– Он однажды в мою лавку зашел, – пробормотал Джевдет-бей.

Паша замер посреди комнаты и, глядя на Джевдет-бея так, словно увидел таракана, прошептал:

– Торговец... Я раньше как-то не задумывался, что отдаю дочь за торговца... Да еще и доволен этим! Сынок, я тебя ценю, пойми меня правильно: если я и скажу грубое слово, так это оттого, что ты мне не чужой уже человек! – Паша все стоял на месте, лицо его застыло, словно он напряженно пытался вспомнить забытую молитву. – Как до такого дошло? Почему? Зачем бомбы? Все на султана ополчились! – То ли оттого, что ноги больше его не держали, то ли от огорчения паша тяжело осел на диван и взглянул на Джевдет-бея. – Ты мне понравился. Понравился, потому что я подумал, что ты похож на меня.

Джевдет-бей попытался улыбнуться и сделать вид, что все идет именно так, как должно идти. Нужно было что-нибудь сказать, но слова никак не приходили в голову, поэтому он только молчал, чувствуя, как пот струйками течет под одеждой.

Вернулся слуга и доложил, что госпожа уже собралась ехать к Наиме-ханым и намерена взять с собой дочерей.

– Ладно, пусть едут! – сказал паша и прикрикнул: – Но скажи, чтобы допоздна не задерживались, а то пожалеют у меня!

По безмятежному выражению на лице слуги было понятно, что он давно привык к пьяным выходкам паши. Понимающе улыбнувшись, словно был не слугой, а старым приятелем паши, он осведомился:

– Эфенди, не подать ли чая?

– Подать, конечно, что стоишь? – буркнул паша. – Впрочем, принеси сначала кофе. Сынок, выпьешь со мной кофе?

– Я, пожалуй, уже пойду, господин паша, – сказал Джевдет-бей. – Не буду больше вас беспокоить.

– Что? Уходишь? Нет уж, я тебя так просто не отпущу! Постой, ты на меня обиделся, что ли?

Джевдет-бей, не отвечая, уставился в пол.

– А ну, сиди, где сидишь! – велел Шюкрю-паша. – Я тебя ценю, имей это в виду. Не ты первый к Ниган сватаешься. – Паша поднялся с дивана и тут заметил слугу, который по-прежнему стоял рядом. – Что ты стоишь?! Два кофе нам, да сахар клади умеренно! Ты ведь не очень сладкий пьешь? – спросил он, обернувшись к Джевдет-бею, и снова принялся мерить комнату шагами. – Наверное, не стоило мне столько пить. Дай, думаю, развею немного скуку... Подождем, когда женщины с каретой вернутся, и поедем в клуб! Куда они бишь едут? К Наиме-ханым! Зачем? Будут там пересмеиваться, чай пить, ляды точить, перебирать последние сплетни... Книжки читают, о прочитанном говорят да о платьях. Приехала тут из Франции портниха. Ходит по особнякам, платья шьет. Жена хочет ее позвать, сегодня утром говорила мне об этом... Будет с ней по-французски говорить, вспоминать те времена, когда мы жили в Париже... Девочки будут читать стихи. Я все дивлюсь, какие они у меня нежные, утонченные, будто француженки. Иногда думаю: вот бы моя вторая жена была дурой, зато красавицей! Или молодую жену взять? Но нет, только хуже будет. Радость уйдет из дома. Начнутся раздоры, ссоры... Лучше уж так. Жена у меня умная, и дочери в нее пошли. Они меня считают грубым, неотесанным. А кто им образование дал, кто их в Париж возил – об этом не думают. Захотелось вот им фортепиано – купил. Играют на нем, веселятся, читают, перешучиваются, передразнивают всех, словно мартышки, – я этого не понимаю, но пускай развлекаются! Мне это даже нравится, даром что я сердитым кажусь. Такой уж я человек. Да, нравится мне, потому что в доме должно быть шумно, весело! Это ж не кладбище. Да и потом, нужно усваивать европейские обычаи. Бывал я в Европе, видел, каких они там дел наворотили. А мы все ни с места. Огромные заводы, вокзалы, отели...

Там и работать умеют, и развлекаться. Даже я – старик уже, а хожу в клуб. Слово-то какое: клуб! Нам заводы нужны! Кто их будет строить? Такие вот, как ты, коммерсанты. Ха! Где там... Вы все только продаете да покупаете, покупаете да продаете... Вот построили железную дорогу. Вагоны с хлопком и табаком отправляете, вагоны с люстрами и тканями принимаете – и знай себе подсчитываете прибыль! Нет-нет, ты мне нравишься, и на сердце у меня спокойно, потому что я Ниган за тебя выдаю. – Паша, все расхаживавший по комнате, внезапно остановился перед окном. – Смотри, карету подали. Сейчас они будут садиться. – И с игривой интонацией, словно разговаривая с приятелем по холостяцким шалостям, добавил: – Если хочешь посмотреть на свою невесту, иди сюда!

Джевдет-бею очень хотелось встать и посмотреть, но от смущения он так и остался сидеть.

– Что, разве не хочешь посмотреть? – спросил паша. – Знаю, хочешь, но стесняешься. Это я виноват. И почему я ее сюда не позвал? Небо, что ли, на землю упало бы, если бы она сюда пришла? Я ведь не какой-нибудь замшелый ретроград. Да она, собственно, всегда сидит за обедом с гостями. Эх, надо было тебя к обеду пригласить! Я и пригласил, только Бекир забыл передать. Иди сюда, сынок, сейчас они будут садиться.

Джевдет-бей встал со стула, изнывая от смущения и при этом улыбаясь, словно услышал хорошую шутку. Неуверенными шагами, будто пьяный, подошел к окну.

– Ну вот, – сказал паша. – Разве может так быть, чтобы жених не хотел взглянуть на свою невесту? А знаешь ли ты, что она за человек? Я тебе скажу. Наша Ниган – умная девушка. Не из дурочек. Правда, первой красавицей ее не назовешь, ты сам видел. Изящная, утонченная, милая... Но, опять-таки между нами, не скажу, чтобы она была моей любимой дочерью. Тюркан симпатичнее, а Шюкран на меня похожа. Ниган – девушка скрытная, себе на уме. Ее можно развлечь какими-нибудь маленькими подарками, – например, очень она любит фарфоровые чашечки. Обожает кататься в карете. О жизни-то она не так уж много знает. Я говорил, что она читает книги – стихи и французские романы, но не думай, что она так уж увлечена литературой. Читает, просто чтобы время занять, подобно тому как его величество слушает полицейские романы, которые ему читают вслух. Европейские обычаи любит, но до определенной степени – все у нее в меру, прямо как у тебя. Не сказать, что нетребовательна, но и привередливой не назовешь. Мы, по крайней мере, такого за ней не замечали. Все, что в этом доме есть хорошего или плохого, она видела. Надеюсь, плохого не усвоила. Да, одну дурную привычку я за ней знаю – вечно глаза щурит. Ну вот, выходят.

Карета стояла в маленьком дворике, затененном кроной чинары. Вначале Джевдет-бей увидел, как во дворике появилась высокая женщина в белом платье. По смеху за своей спиной он понял, что это жена паша. Затем, разговаривая между собой и глядя по сторонам, во дворик вышли дочери. «Они, должно быть, и не знают, что я здесь», – подумал Джевдет-бей, и снова его охватило странное чувство вины. Девушки выглядели оживленными и веселыми. Кто из них Ниган, Джевдет-бей не смог разобрать. «Семья!» – пробормотал он себе под нос. Тут в голове у него словно затикали часы, а чувство вины стало сильнее.

«Одна из них, – испуганно сказал он сам себе. – Семья».

Он попытался представить одну из этих тонких, легких, как тень, девушек в своей семейной жизни, которую так тщательно заранее продумал. Ощутил, как часто забилося сердце, и снова стало стыдно.

– Что я за человек? – сказал он вслух.

За спиной продолжал жужжать голос паша, но Джевдет-бей его не слушал: смотрел и смотрел, потел и испытывая отвращение к самому себе и своим влажным рукам. Там, внизу, двигалось, улыбалось существо, появления которого в своей жизни он так долго ждал, о котором столько лет мечтал. Такое далекое, такое неопределенно-непонятное! Раньше это существо жило только в его голове – в мыслях, но не в чувствах; чувства – это штука такая же тяжелая и неповоротливая, как совесть. Чем больше он потел, тем больше пропитывался чувством вины. Смотреть больше не хотелось. Хотелось одного: чтобы затих наконец хриплый голос паша, чтобы перестал он ходить туда-сюда. «У меня брат умирает», – пробормотал Джевдет-бей. Смутный, далекий образ в его голове вдруг приобрел более строгие очертания и стал понятен. «Я все продумал!» Вдруг на ум ему пришли лавка и должник Ашкенази. Он испугался. Кучер внизу открыл двери кареты.

Вдруг в саду началось какое-то движение, послышался скрип колес, заржала лошадь.

– А-а, это Сейфи-паша приехал! – обрадовался Шюкрю-паша. – Вот молодец!

Из подъехавшей кареты проворно выбрался слегка сгорбленный высокий человек с черной бородой, горделиво откинул голову и посмотрел на женщин. Тут произошло нечто такое, чего Джевдет-бей не ожидал увидеть: девушки стали по очереди подходить к паше и целовать ему руку.

– Bravo! – сказал Шюкрю-паша. – Видишь, какие они у меня? А вот как раз Ниган.

Джевдет-бей снова бросило в пот. Образ, который только что обрел очертания, снова стал далеким и расплывчатым. Она целовала руку Сейфи-паше. Осознать происходящее Джевдет-бею было нелегко. «Кто он? Чего хочет? Как?» – в страхе шептал он, думая о том, что с этим двигающимся внизу существом, целующим, склонившись, руку паше, он, Джевдет, проведет всю свою жизнь. «Может... может быть...» – пробормотал он, а потом попытался представить это шустрое нечто в своей дальнейшей жизни.

– Сейфи, верный друг! – прочувствованно сказал Шюкрю-паша.

Девушки быстро забрались в карету. Джевдет-бей стоял у окна, глядя удаляющейся карете вслед.

В комнату вошел слуга:

– Сейфи-паша изволили нанести визит!

– Знаю, знаю! Зови его сюда! – сказал Шюкрю-паша. Потом обернулся к Джевдет-бею. – Я ему когда-то оказывал покровительство, но он умнее меня оказался. Сумел понравиться его величеству. Он, как и я, был послом, только в Англии. А ты, смотрю, сам не свой. Хе-хе. Очнись! Что, увидел ее, а? Увидел, увидел! Сейфи молодец! И как он понял, что мне сегодня грустно и хочется с кем-нибудь словом перемолвиться?

Дверь открылась, и два паши заключили друг друга на пороге в объятия. Выражение лица у Сейфи-паши было гордое, надменное. «А я кто? Простой торговец, и все тут!» – подумал Джевдет-бей.

– Знаком ли ты с моим будущим зятем? – спросил Шюкрю-паша и представил гостей друг другу.

Сели. Слуга принес кофе. Сейфи-паша искоса поглядывал на Джевдет-бея, тот ежился под этим взглядом и ерзал в кресле, а Шюкрю-паша о чем-то говорил.

– Вы, молодой человек, чем занимаетесь? – ни с того ни с сего вдруг спросил Сейфи-паша.

– Торговлей, господин паша!

– Торговлей. Вот оно как... Торговлей, – протянул Сейфи-паша и снова повернулся к хозяину дома, всем своим видом показывая, что внимательно слушает.

Шюкрю-паша между тем всячески расхваливал своего гостя и говорил о том, что истинных друзей становится все меньше и поговорить по душам уже почитай что и не с кем. Закончил он свою речь словами о том, что к будущему зятю теперь тоже испытывает самые дружеские чувства, но голос его звучал неискренне, а на лице было какое-то извиняющееся выражение.

Тут Сейфи-паша вдруг снова взглянул на Джевдет-бея и спросил по-французски:

– Quels livres lisez-vous, mon enfant?²⁵

Сначала Джевдет-бей охватила паника, но он тут же собрался с духом и заговорил, запинаясь:

– Monsieur, je lis Balzac, Musset, Paul Bourget et...²⁶

Сейфи-паша прервал его на полуслове:

---

²⁵ Какие книги вы читаете, сын мой? (фр.)

²⁶ Месье, я читаю Бальзака, Мюссе, Поля Бурже и... (фр.)

– Это, сынок, хорошо, что ты хотя бы так знаешь французский. Главное – говорить, и дело пойдет на лад, – и, опять повернувшись к хозяину дома, завел разговор о последних политических слухах.

Джевдет-бей смотрел на сгорбившегося Сейфи-пашу, на то, как движется в такт речи его борода, на Шюкрю-пашу, с наслаждением слушающего гостя, и думал о том, что Ниган – дочь одного из них, а другому только что целовала руку. От этих мыслей ему было не по себе. «Не так все должно было случиться. В этом есть что-то гнусное. Я не такой, я лучше!» – сказал он себе. Потом вспомнил, как Ниган садилась в карету, и вдруг с каким-то радостным, победным чувством понял, что она – ему под стать, а не им. «Да, я лучше, чем они. Лучше и чище!» И сразу все в этой заставленной вещами, пугающе непонятной и непостижимой комнате показалось ему смешным и прогнившим. И так стало ему весело и хорошо, что он испугался, как бы не загрязнить, не испортить это чувство. «Вот прямо сейчас встану и уйду, немедленно!» – пробормотал он, но тут слуга принес чай.

– Что ж ты лепешек не принес? – спросил Шюкрю-паша слугу и, похлопав гостя по колену, сказал: – Как ты интересно рассказываешь!

Сейфи-паша нахмурился. Потом, обернувшись к Джевдет-бею, спросил:

– Где живете, молодой человек?

– Будем жить в Нишанташи.

– Нет, сейчас-то где живете? – ворчливо переспросил паша.

– В Вефа, – сказал Джевдет-бей и обрадовался, что его не захлестнуло раздражение, как он боялся. «Мы с Ниган будем жить в Нишанташи в том доме!» – подумал он. Ему хотелось как можно быстрее покончить с чаем и уйти из этого особняка.

За чаем Сейфи-паша завел разговор о слухах вокруг покушения на султана. Его величество изволил сделать выговор министру полиции за то, что агенты сработали недостаточно внимательно. Садразам Ферит-паша сказал сегодня одному знакомому Сейфи-паши, что в деле найдена зацепка: удалось обнаружить регистрационный номер кареты, в которую была положена бомба. Затем паша стал рассказывать, кто во время покушения проявил храбрость, а кто перепугался. Разговор об этих последних особенно развеселил обоих пашей. Затем речь зашла о попавшем в трудное положение Фехим-паше и его любовнице Маргарет. Тут Шюкрю-паше показалось, что такую приятную беседу неплохо было бы увенчать рюмочкой коньяка. Слуга принес бутылку и пузатые коньячные рюмки. Паши завели разговор о том, какую смелость проявил султан, о том, как повезло шейх-уль-исламу Джемалеттину-эфенди и как, наоборот, не повезло двадцати шести погибшим. Кто и как именно испугался во время взрыва – эта тема доставляла пашам особенное удовольствие. Потом Сейфи-паша стал рассказывать об одном случае, имевшем место в бытность его послом в Англии:

– Однажды приходит в посольство шифровка за подписью начальника канцелярии Тах-сина: требуется, мол, немедленно приобрести и прислать говорящего попугая, причем и голова, и все перья у него должны быть непременно белыми. Ну, шифровка все-таки, не пустяки. Я тут же позвонил директору Лондонского зоопарка, и выяснилось, что эта птица называется по-другому. Я диктую секретарю ответ: так, мол, и так, говорящего белого попугая нет в наличии. Птица, подходящая под данное описание, называется не попугай, а какаду. Секретарь говорит: «Должно быть, они разницы между этими птицами не знают, давайте отправим им какаду!» Тут я разозлился. «Коли не знают, – говорю, – так пусть узнают! Шифруй мою телеграмму!»

– Я уйду, господин паша, – вдруг сказал Джевдет-бей, вставая с места.

– Подожди, дослушай рассказ! – начал уговаривать Шюкрю-паша, но, увидев угрюмое выражение на лице Джевдет-бея, осекся. Тоже поднялся на ноги и сказал: – Приходи еще, обязательно приходи. До свадьбы хочу еще раз непременно с тобой повидаться.

«Ниган!» – звенело в голове у Джевдет-бея. Торопливо пожав руку Сейфи-паше, он вышел из комнаты. Подумал, что нужно бы поцеловать руку Шюкрю-паше, который вышел вслед за ним. На лестнице тикали часы. Джевдет-бей замаялся, руку паше так и не поцеловал, только улыбнулся. Спустился по лестнице. Швейцар открыл дверь. Выйдя на улицу, Джевдет-бей увидел широкое безоблачное небо и яркое солнце, и на душе у него сразу стало легче. Дул освежающий ветерок.

Глава 9. Каменный дом в Нишанташи

Солнце спустилось к самому горизонту и уже не заливало сад светом. Джевдет-бей взглянул на часы: двенадцать. «Весь день прошел впустую!» – подумал он, однако на душе у него по-прежнему было легко и спокойно – так, как давным-давно уже не было. Там, в особняке, он вдруг почувствовал в себе некую нравственную силу – раньше он о ней и не подозревал, но она была с ним уже многие годы. О том, откуда она взялась и что ее питало, думать не хотелось. Хотелось просто идти по дворику, ощущая в себе эту силу и наслаждаясь ласковым светом закатного солнца. Он давно не курил, и от этого во рту и во всем теле было ощущение свежести и чистоты. По этому самому дворику совсем недавно ступала Ниган. «Да, она создана для меня. Я ее достоин», – подумал Джевдет-бей, садясь в карету. Велел кучеру ехать в Нишанташи, к тому дому на углу.

Ему казалось, что он полюбит Ниган. Раньше он много об этом думал. Он знал, что сейчас она его не любит, но знал и другое: какой бы странной, окаменевшей в прошлом и чуждой ему ни была ее семья, воспитание Ниган внушило ей мысль о том, что любить мужа – ее долг. Он еще раз подумал, что достоин своей невесты, расчувствовался и испугался, заметив, как увлажнились глаза. «Живу!» – прошептал он.

Карета проезжала мимо мечети Тешвикийе, окруженной могучими чинарами. Из двора мечети на улицу медленными, осторожными шагами выходил старичок. По обе стороны улицы росли липы и каштаны. На заднем дворе одного особняка сохло на веревке белье. В садике рядом с другим особняком о чем-то болтали между собой и покачивались на качелях, укрепленных на суку липы, двое мальчишек.

Карета остановилась на углу, Джевдет-бей вышел. Легкий свежий ветерок трепал полы его пиджака. Перед домом и во дворе росли все те же липы и каштаны – еще молодые, невысокие. В листве шелестел ветерок. Открывая садовую калитку, Джевдет-бей еще раз подумал, что из всех домов, которые он видел, этот был самым лучшим. От садовой калитки до дверей вела усыпанная гравием дорожка, окруженная ухоженными саженцами роз и цветочными клумбами. Джевдет-бей постучал в дверь, подождал, но на стук никто не вышел. Решив прогуляться по саду, пошел назад, и тут на дорожке ему повстречался мальчик. Сказав, что кого-нибудь позовет, мальчик убежал и вскоре вернулся с приземистым большеруким стариком. Этого старика, садовника, Джевдет-бей уже видел, когда первый раз приходил сюда.

– Желаете осмотреть дом? – спросил старик.

– Вас не предупредили, что я приду?

– Предупредили. Мадам уехали на острова.

– Знаю. Я поздно пришел?

– Утром мадам были здесь, – сказал садовник, достал из кармана ключ и открыл дверь.

Джевдет-бей вошел внутрь, за ним увязался и мальчишка.

– Эй, подожди-ка нас тут! – сказал ему садовник.

Ставни были закрыты, и поэтому внутри царил полумрак, но Джевдет-бей все-таки увидел свое отражение в зеркале напротив двери. Свою высокую худощавую фигуру он нашел крепкой и сильной, а круглое лицо – веселым. Поднявшись по каменной лестнице, они оказались в широком холле, в который выходило несколько дверей. Открыв одну из них, Джевдет-бей вошел в гостиную, в которой уже был в прошлый раз. Все с тем же изумлением рассматривал он наполнявшие гостиную вещи. Среди расшитых золотом стульев и украшенных инкрустацией кресел на изогнутых ножках стояли потрепанные, хромоногие столы. В следующей комнате только и было что фортепиано, табуретка и потертый стул. Паркет был давно не мыт. На стенах висели фотографии уродливых бородатых стариков в шляпах. В углах под невысоким потолком лепились барельефы: среди гипсовых роз и лавров парили пухлые анге-

лочки. Все было покрыто пылью. На одном из столиков стояли сломанный подсвечник и обгоревшая с одного бока деревянная пепельница. Рядом примостился торшер со слегка покосившимся канделябром. А в уголке, словно маленький оазис среди всего этого запустения и грязи, стояло кресло, аккуратно укрытое накидкой. Вещи эти были загадочны, однако жить среди них казалось вполне возможным.

– Какой здесь беспорядок! – промолвил Джевдет-бей.

Садовник понял, что он хочет выведать что-нибудь о хозяйке дома, и с готовностью поддержал разговор:

– Госпожа, как овдовели, решили этот дом продать. У нее друг есть на островах.

– Разве можно доводить дом до такого состояния? – спросил Джевдет-бей, сам не зная зачем.

Пройдя по короткому широкому коридору, они попали в заднюю часть дома, где были две комнаты, обе пустые. На полу валялись обрывки бумаги и разломанные коробки, со стен опять хмуро глядели бородатые старики в шляпах. Джевдет-бей подумал, что эти комнаты можно было бы использовать как детские. Или держать их на случай приезда гостей?

По узкой темной лестнице они поднялись на второй этаж, который мало чем отличался от первого. Две недели назад здесь не было такого беспорядка и небрежения, вещи стояли на своих местах, и трудно было сообразить, соответствует этот дом мечтам Джевдет-бея или нет. Теперь же, осматривая пустые комнаты, он легко представлял себе, как тут все должно быть.

В задней части дома была еще большая спальня с широкой кроватью, на которой в беспорядке валялись простыни, одеяло, длинная двуспальная подушка и еще какие-то вещи. Джевдет-бей вдруг вспомнил то существо, что он видел из окна особняка Шюкрю-паши, и это воспоминание его испугало – оно могло все испортить, заляпать чистые мечты грязью и кровью. Вблизи этой широкой кровати с двуспальной подушкой о будущей семейной жизни думать не хотелось. Чтобы не смотреть на смятые простыни, покрывало в пятнах и халат, источавший слабый аромат духов, Джевдет-бей поднял глаза. На стене висел портрет молодой супружеской пары.

Садовник, пренебрежительно глянув на портрет, сказал:

– Месье умер. Хорошим человеком его нельзя было назвать, но сад он любил. Земля ему пухом! А госпожа сейчас его деньги проедают. В Америку собрались!

Джевдет-бей кое-что об этом уже знал, потому что наводил в Сиркеджи справки о владельце дома, еврейке.

– Месье был торговцем, – прибавил старик, пыхнув сигаретным дымом в сторону портрета.

Соседняя комната была закрыта на ключ. Садовник сказал, что здесь мадам хранит свои драгоценности. В другой комнате были открыты ставни, и внутрь падал ясный, спокойный свет из сада. Джевдет-бей решил, что тут нужно будет устроить библиотеку и поставить письменный стол.

Осмотрев верхний этаж, они спустились на самый нижний. В здешних тесных комнатках с маленькими окошками, подумал Джевдет-бей, будут жить повара и прочая прислуга. Уборная на нижнем этаже была устроена, как и на верхних, по-европейски, с унитазом; Джевдет-бей решил переделать ее на турецкий манер. Одну из комнат можно использовать как прачечную. Рядом была большая кухня, из которой можно было бы выйти в сад за домом, если бы дверь не была заперта на ключ. Джевдет-бей взглянул на сад сквозь шелку между ставнями и увидел все тот же спокойный свет. Садовник предложил пройти в сад через парадный вход. Перед тем как выйти из дома, Джевдет-бей еще раз взглянул в зеркало. Все было именно так, как он планировал.

Ждавший у дверей мальчик увязался за ними. В саду за домом тоже росли липы и каштаны; под одним из каштанов посередине сада стояли два стула. Длинные ветви дерева тянулись

к дому и к небу, словно желая заключить их в объятия, в листве весело шелестел ветер. Рядом с мощным стволом, напоминающим минарет, стулья выглядели маленькими и жалкими. Легкий вечерний ветерок оживлял все, что было в саду: кивали бутонами цветы, дрожали листья, покачивались тонкие побеги и травинки. Пройдясь немного, Джевдет-бей обернулся посмотреть на задний фасад, увитый плющом и ярко освещенный закатным солнцем, а потом присел отдохнуть на стул под каштаном. На другой стул сел садовник. Джевдет-бей достал из кармана портсигар, протянул садовнику и, чтобы не молчать, сказал:

– Сад очень ухоженный.

– Я его очень люблю, – ответил старик как будто немного смущенно.

Джевдет-бей тоже закурил. Посидели немного в тишине, глядя на закат. Мальчик бродил по садовым дорожкам.

– Вы покупатель будете? – спросил садовник.

– Куплю, если о цене договоримся.

– Договоритесь, как не договориться. Мадам хотят продать дом побыстрее.

– Тогда, пожалуй, я его куплю.

– Конечно покупайте! Тут очень хорошо.

Они улыбнулись друг другу, и Джевдет-бей вдруг почувствовал, что старик ему очень симпатичен. «Куплю!» – подумал он, снова чувствуя себя неуязвимым и сильным, как будто на нем была невидимая броня. «Какой приятный ветерок!» – прошептал он еле слышно. Вид заходящего солнца будил в нем не печаль, а ощущение братской любви ко всем людям.

– Да, хорошо у вас в Нишанташи! – сказал он.

– А то как же! – ответил садовник. – Я здесь родился, здесь и помру. Тут раньше были огороды. Мой отец был при огороде сторожем. Раньше, сто лет назад, тут, кроме огородов, клубничных грядок и инжирных рощ, ничего не было. Султаны потехи ради палили с соседних холмов из пушек, а чтобы целиться, приказывали ставить здесь каменные столбы²⁷. Потом султан Меджид²⁸ устроил здесь праздник по случаю обрезания своего сына. Я тогда только что родился. Потом внизу построили дворец²⁹, за ним – мечеть, это уже на моей памяти. А потом стали огороды уничтожать и строить особняки. Теперь огородов совсем мало осталось. Я тоже был когда-то огородником. Потом господам захотелось, чтобы при особняках были сады. Я занялся одним садом, хозяину понравилось. К нему приходили гости, им тоже нравилось, они спрашивали, что за садовник тут работал, звали меня, приглашали поработать в своих садах. И до того дошло, что я теперь со всеми садами не справляюсь. Появились другие садовники. Мы во всех этих садах...

Джевдет-бей смотрел не на старика, а на муравьев, бегающих по земле у его ног. Между ногами проходила длинная муравьиная тропа, извилистым маршрутом ведущая к дырочке в земле у подножия каштана. От этой же дырочки расходились и другие тропки, ведущие в разные концы сада. Два муравья тащили лузгу от тыквенного семечка. Джевдет-бей поднял голову и посмотрел на сына садовника, который, поедая семечки, разгуливал среди деревьев.

– Мальчишка у меня тоже садовником будет, – сказал старик. – Он любит сад, деревья, землю... В школу я его отдать не мог, так что пусть этим делом занимается.

– Как его зовут?

– Азиз.

Джевдет-бей снова посмотрел на муравьев, решив, как это он часто делал в детстве, проследить путь одного из них до самой дырки в земле.

---

²⁷ Нишанташи буквально переводится как «камень-мишень».

²⁸ Имеется в виду султан Абдул-Меджид (1839–1861).

²⁹ Султанский дворец Долмабахче.

– ... Вот как появились здесь эти особняки, так и повелось сады устраивать. Начали здесь селиться богачи. Деревянные особняки росли как грибы. При них строили огромные конюшни, в каждой по две-три кареты. Кучера, конюхи, прислуга, поденщики... Потом вслед за пашами потянулись сюда евреи, армяне, торговцы. Они стали строить дома из камня и бетона. Деревья вырубали, сажены повыдергивали, проложили дороги, огородов и не осталось. Потом наш султан велел снести деревянную мечеть и построить на ее месте каменную. Это было шесть лет назад. А теперь вот его хотели взорвать. Даже отсюда было слышно, как бабахнуло!

Два муравья, остановившись у самого ботинка Джевдет-бея, вели о чем-то беседу. Мимо пробежал третий, остановился и что-то второпях сказал, потом потрогал товарищей лапками и побежал дальше. Джевдет-бей подумал, что весь сад сейчас кишит торопящимися успеть завершить свои дела до заката, суетящимися, обменивающимися новостями, несущими что-то домой муравьями. Потом ему вспомнились лавка, проспект Бейоглу и Нусрет. Он поднял голову. По небу в сторону Мекки спешило одинокое облачко.

– А этот каменный дом совсем новый, прочный! – продолжал садовник. – Я видел, как его строили. Армяне-каменщики работали. Руководил ими тоже армянин. Жаль, месье умер. Человек он был так себе, но сад любил. Мадам нынче все продают, потому что детей у нее нет. Когда нет детей, все время так получается. Ничто ее здесь не держит. А человеку нужно пустить корни, как дереву... – Говорил он не со степенной интонацией много повидавшего в жизни человека, а словно бы посмеиваясь над самим собой.

Солнце скрылось за кронами деревьев и крышами. Джевдет-бей поднялся на ноги, наслаждаясь нежным ветерком, и подумал: «Буду здесь жить!»

Проводив Джевдет-бея до ворот, садовник сказал на прощание:

– Купите-ка вы этот дом, а то сад пропадет. Хороший сад-то...

– А ветер, интересно, тут все время так дует? – спросил Джевдет-бей.

– Каждый день ближе к вечеру!

Подойдя к карете, Джевдет-бей растолкал задремавшего кучера.

Глава 10. Просьба больного

Солнце зашло, начало темнеть, но Джевдет-бей не чувствовал тоски и скуки, которые обычно мучили его в это время суток. Каждый день в это время, закрыв лавку, он шел пешком из Сиркеджи в Эминоню и, не зная, куда деться от грызущей душу тоски, перебирал в голове немудреные события своей будничной жизни. Сейчас же он чувствовал себя бодрым и сильным, словно на рассвете, несмотря на все тревоги и огорчения этого дня. Даже курить не хотелось.

Кучеру он велел ехать в Бейоглу, к Нусрету. Поскольку солнце зашло, в уютно покачивающейся карете уже не было невыносимо жарко. «И почему я так спокоен? – думал Джевдет-бей. – Потому что понял, что прав!» И ветерок в саду был такой приятный... «Когда поселюсь там, буду часто сидеть в этом саду. Заживем... Но у меня же брат умирает!» Впервые за весь день при мысли о брате на него не нахлынули беспокойство и страх. Он уже окончательно поверил, что брат скоро умрет. Эта смерть, раньше казавшаяся отвратительной, несправедливой и страшной, потому что оставляла его в полном одиночестве, теперь представлялась событием обычным и естественным, как сама жизнь. «Ужасно, конечно, что сейчас, когда я, как никогда, близок к осуществлению своей мечты, он стоит на пороге смерти. Но ведь моей вины в этом нет! И то и другое – результат сделанного нами когда-то выбора, всей нашей жизни». Карета въехала в Бейоглу. Джевдет-бей смотрел на прохожих, идущих по погруженному в сумерки проспекту. Ему вдруг подумалось, что, несмотря на то что смерть – событие естественное, он все-таки будет горевать о брате.

Выслушивая очередные жалобы хозяйки пансиона, Джевдет-бей думал: «Как бы мне порадовать Нусрета в его последние дни?» Когда он поднимался по каменной лестнице, на душе было легко, как никогда раньше здесь не бывало. Постучал в дверь. «Я ему скажу, что согласен со всеми его идеями. Поверит ли? Скажу, что признаю его правоту». Однако, когда дверь открылась и Джевдет-бей увидел озабоченное лицо Мари, он понял, что ничего такого сделать не сможет. Услышав раздраженный голос Нусрета, похожий не на шепот лежащего в кровати больного, а на окрик гневливого господина, Джевдет-бей догадался, почему не сможет: и он сам, и брат всю свою жизнь презирали друг друга.

– Что ты на меня смотришь, словно на покойника? Я еще живой. И замечательно себя чувствую, – приветствовал брата Нусрет.

– Да я вовсе не так смотрю! – ответил Джевдет-бей, чьи глаза только сейчас привыкли к освещению комнаты. Потом он увидел недвижно, словно кукла, застывшего в углу Зийю и с ужасом вспомнил, что обещал привезти его назад.

– Сядь-ка сюда, – сказал Нусрет.

Джевдет-бей присел на стул у изголовья и спросил:

– Ну как ты?

– Как? Да так себе. Помираю!

– Нет-нет, ты поправишься!

– Вот и я ему то же самое говорю, – вмешалась Мари, зажигавшая газовую лампу, – а он все свое твердит!

Нусрет сдвинул большим и указательным пальцем свои и без того ввалившиеся щеки:

– Если у туберкулезного такое лицо, значит он и недели не протянет.

– Не говори так, пожалуйста! – попросил Джевдет-бей.

– Что, боишься? – спросил Нусрет и вдавил щеки еще глубже. – Боишься смерти-то? Это потому, что ты живешь припеваючи, на дочке паши собираешься жениться. И здоров!

– Не говори так!

Нусрет повернулся к сыну:

– Как я тебе в таком виде? Боишься отца, а? У-у-у! Я – злая ведьма, сейчас я тебя съем. Хо-хо-хо!

Мальчик не знал, смеяться ему или плакать. Человек, которому, казалось бы, следовало тосковать, веселился и шутил. В конце концов Зийя улыбнулся.

– Ох, умоляю, не делай такое страшное лицо! – простонала вдруг Мари.

Зийя понял, что веселье было притворным, и улыбка исчезла с его лица. Казалось, он сейчас заплачет.

Заметив это, Нусрет убрал пальцы со щек и растопырил руками уши:

– Смотри-ка, уши-паруса!

Зийя не улыбнулся. Тогда Нусрет прижал большие пальцы к мочкам ушей, а остальные растопырил вниз. Поняв, однако, что и так сына развеселить не удастся, он обратился к Мари:

– Сходи-ка ты с ним в кондитерскую лавку на углу. Зийя любит куриную грудку³⁰, купи ему. Поболтайте о чем-нибудь. А мы тут с Джевдетом поговорим.

– Много не говори, не изнуряй себя!

– Ладно-ладно.

Мари взяла Зийю за руку, ласково провела рукой по его волосам. Было в этой женщине что-то такое, что Джевдет-бею хотелось бы видеть и в Ниган, но что именно, он не мог понять. Когда они выходили из комнаты, Нусрет начал кашлять. Только когда кашель прекратился, дверь тихонько закрылась.

– Переставь-ка эту лампу сюда, чтобы я мог видеть твое лицо, – сказал Нусрет. – Я хочу тебя кое о чем попросить. Ради сына...

Джевдет-бей взял со стола газовую лампу и поставил ее на тумбочку между кроватью и своим стулом. В падающем сверху свете лицо Нусрета стало выглядеть еще более изможденным и страшным.

– Где Зийя будет спать? – спросил Джевдет-бей.

– В отеле на углу, вместе с Мари. Надеюсь, ты не думал, что я уложу его здесь, рядом с трупом отца?

– Ну что ты все время говоришь о смерти? – спросил Джевдет-бей, сделав над собой усилие.

– Ха! Брось! В медицинских вопросах ты меня не проведешь. Меня вообще не проведешь. Я и о покушении на султана узнал. Мы с Мари даже поссорились из-за этого. Ты почему мне не рассказал?

– Не хотел тебя попусту волновать...

– Не хочешь, стало быть, чтобы я волновался? Хочешь меня сделать таким же бесстрастным и бездушным, как ты сам?

– Мне просто в голову не пришло сказать, – ответил Джевдет-бей. – В такой суматохе разве вспомнишь!

Он вдруг понял, что его снова, как всегда в присутствии брата, мучает чувство вины. Всю жизнь Нусрет упрекал его во всяких недостатках, и вот опять! «Презираю ли я его? Он умирает, а я живу. Значит, я прав, я выиграл!»

– Молчишь... О чем думаешь?

– Да так, ни о чем.

– Обиделся? Ты должен понимать, что я это не потому говорю, что ненавижу тебя, а потому, что о тебе думаю. Жизнь, которую ты ведешь... Иногда я тебя понимаю. Но вот такие, как ты, никогда не поймут таких, как я. Изгоев никто не понимает. Мы несчастные люди. Не

---

³⁰ Имеется в виду сладкое блюдо из протертой куриной грудки, рисовой муки и молока.

понимаешь... Нет, не слушаешь. О чем ты сейчас думаешь, скажи? Опять о торговле? Чем ты еще сегодня занимался?

– Обедал с одним коммерсантом, Фуат-беем, – начал Джевдет-бей и, обрадовавшись возможности сказать брату, что считает его идеи правильными и уверен в их победе, продолжал: – Он рассказывал о движении среди военных в Салониках. Против султана. Говорил, что надо что-то делать, и я понял, что он прав...

– А, эти! Эти ничего не смогут! У них нет связей с Парижем... Сборище невежд, у которых за душой нет ничего – ни идей, ни решимости. С ними каши не сваришь. Они не против султана, а против Абдул-Хамида. Солдафоны, полагающие, что у них жалованье маленькое! Кроме меня и еще кучки людей, все против Абдул-Хамида, а о том, чтобы упразднить саму монархию, никто и не думает. К тому же стоит султану позвенеть монетками, предложить им посты, пообещать, что созовет меджлис, – и все к нему на цыпочках прибегут! Сам Мурат Мизанджи³¹ прибежал как миленький, а уж у этих робких офицеришек, которые сами не знают, чего хотят, разве может что-нибудь получиться? Ровным счетом ничего!

– Я, конечно, всего этого не знаю, – сказал Джевдет-бей, огорченный, что начатый им разговор свернул в какую-то совсем непонятную сторону.

– Не знаешь! Да куда тебе. Чтобы знать, надо хоть чем-нибудь интересоваться, кроме прибылей!

Воцарилось молчание. Джевдет-бей обрадовался, что у него снова есть возможность пожалеть брата и проявить терпимость к его выходкам, но потом понял, что ничего не получится: слишком сильным было чувство вины. Все, что он хотел ему сказать, казалось сейчас пустым и ненужным. Душевное спокойствие, которое он ощущал в саду под каштаном, тоже развеялось без следа. Он попытался приободрить себя, представив, как будет там жить.

– Я говорил, что хочу кое о чем тебя попросить, – напомнил Нусрет и взглянул Джевдет-бею в глаза. – Я хочу, чтобы ты кое-что сделал для Зийи. Когда я умру...

– Ну вот опять!

– Помолчи... Вот чего я хочу: когда я умру, возьми Зийю к себе.

– Взять к себе?

– Да, чтобы он жил в твоём доме.

– А как же Хасеки? Его мать, родственники...

– Я не хочу, чтобы он с ними жил. Если он будет жить с ними, вырастет дураком. Будет, как они, никчемным, ленивым, нетребовательным, недвижимым! Понимаешь, что я хочу сказать?

– Мой дом всегда будет для него открыт!

– Я не про то. Я не хочу, чтобы он, когда ему заблагорассудится, ходил к тебе в гости. Я хочу, чтобы он у тебя жил! В Хасеки пусть не возвращается. Мать его чтобы на глаза не показывалась. Они...

– Но я обещал тетушке Зейнеп, что привезу Зийю назад!

– Зачем? Чего ради ты это ей обещал?

– Потому что она очень настаивала. Как будто знала, что ты не захочешь, чтобы он возвращался...

– Как будто знала, старая курица! Снова хочет прибрать к рукам милого ребеночка? Своих-то детей у нее нет! Зацелует, заласкает и в конце концов сделает идиотом по своему подобию! Заразит суевериями, ленью, ничтожеством! Нет уж! Я не хочу, чтобы моего сына так воспитывали. Я хочу...

---

³¹ Мехмет Мурат Мизанджи (1853–1917) – турецкий писатель и журналист.

Не договорив, Нусрет зашелся в приступе кашля. Джевдет-бей взял с тумбочки чашку для мокроты и протянул брату. Тот сначала махнул рукой, но потом схватил чашку и сплюнул.

– Видишь, мои дела совсем плохи. Я знаю, что жить мне осталось пару дней. Все, что я сейчас хочу, – быть уверенным, что Зийю ждет достойное будущее. А для этого он должен жить у тебя. Если же он останется в Хасеки или переедет в деревню к матери, то будет, как они, верить в Аллаха и прочие нелепые басни, станет ничтожеством, не сможет понять мир. Они над ним уже успели поработать! Утром он мне рассказывал про рай, про ангелов, про ведьм... Он во все это верит. Джевдет, я не хочу, чтобы мой сын был таким, понимаешь? Я хочу, чтобы он верил не в лживые сказки, а в свет разума, в себя самого... Свет разума... Я ведь не зря дал ему имя Зийя!³² – Нусрет на мгновение замолк и затем прошептал: – Джевдет, возьми Зийю к себе, дай мне умереть со спокойной душой!

– Ну что ты все время говоришь о смерти? Неправильно это! – сказал Джевдет-бей и покраснел, потому что понял, что на самом деле неправильным считает кое-что другое.

– Дай мне слово! – выкрикнул Нусрет.

– Даю! – сказал Джевдет-бей и, взяв с тумбочки свою феску, стал разглаживать пальцами кисточку с таким видом, как будто это было очень важно сделать именно сейчас.

– Даешь слово?

– Ну да, сказал ведь, – ответил Джевдет-бей, поднеся феску к самым глазам и принявшись расчесывать кисточку ногтем.

– Джевдет, пойми меня, пожалуйста! Я никогда не выполнял своих отцовских обязанностей. Отправил сына в Хасеки и постарался о нем забыть. Теперь я понимаю, что был не прав, но уже поздно. Даешь мне слово, что он будет жить у тебя? Да опусти же ты свою феску, я хочу в лицо тебе взглянуть!

Джевдет-бей положил феску на тумбочку. В глаза ударил слепящий свет лампы.

– Слышал когда-нибудь о принце Сабахаттине? – спросил Нусрет. – Впрочем, не важно. Он сейчас живет в Париже, тоже считается младотурком. Дурак, как и все принцы, но была у него одна интересная мысль... – Нусрет махнул рукой в ту сторону, где стояли книги. – А может, он, как водится, украл эту мысль у кого-нибудь. Как бы то ни было, я нахожу ее верной. Согласно Демолену³³, могущество Британии объясняется тем, что личность, отдельный человек обладает там большей свободой по сравнению с другими государствами. Вот этой-то свободы у нас и нет. Нет у нас свободных, независимо мыслящих, инициативных, предприимчивых! У нас воспитывают только рабов, которые умеют лишь гнуть шею, поступать как все и бояться. Наше образование – побои учителя да нелепые запугивания матушек и тетюшек. Религия, страх, замшелые догмы, затверженные наизусть... В результате учатся только одному – гнуть шею. Никто не пробивается благодаря собственным усилиям, преодолевая сопротивление общества. Пресмыкаются, раболепствуют, ищут покровительства... Никто не умеет думать самостоятельно. А если случится подумать, пугаются... В лучшем случае осознанно делают из себя рабов. По мнению Демолена, в деспотических государствах люди... Ты меня слушаешь? Я не хочу, чтобы мой сын... – Тут Нусрета снова скрутил приступ кашля. Откашлявшись и сплюнув мокроту, он немного успокоился. – Понимаешь ли ты, что я хочу сказать? Ты сам кое-чего самостоятельно достиг. Ты можешь меня понять.

– Ты слишком себя утомляешь, – сказал Джевдет-бей.

– Я тебе про одно, а ты про другое. Ты можешь меня понять, пусть даже только в одном этом вопросе...

Джевдет-бей схватился за представившуюся возможность:

³² Зийя (тур.) – свет, сияние.

³³ Эдмон Демолен (1852–1907) – французский социолог и педагог.

– Твои идеи правильные. Я тебя понимаю. Я все время считал, что ты прав, только не мог тебе этого объяснить!

– Ну-ну, – сказал Нусрет и снова пошевелил пальцами, будто пересчитывал деньги. – Кроме этого, ничего ты не понял. Я тебе про свет разума, а у тебя на уме только блеск монет. Но это хорошо, что ты не ценишь ничего, кроме денег. Это делает тебя рационалистом. Ты меня не понимаешь... Но слово дал. Вот почему я хочу, чтобы мой сын воспитывался в доме торговца. В доме торговца, особенно такого, который, как ты, начал с ноля, все строится на денежных расчетах. В таком месте живет разум, а не страх.

– Моя семейная жизнь никогда не будет строиться на денежных расчетах, – сказал Джевдет-бей, стараясь выглядеть рассерженным. Потом пожалел, что так сказал.

– Знаю, знаю, о чем ты думаешь, каким хочешь себя показать. Знаю, что ты меня не понял. Как бы то ни было, лучше, чтобы моего сына воспитывал ты. Глядя на тебя, он научится быть самостоятельным. Ты его, конечно, бить не будешь. Предоставь ему свободу, пусть делает что хочет. Пусть сам, своим умом поймет, чем мог бы заниматься. Пусть доверится своему разуму. Выделите ему небольшую комнатку. Рано или поздно он поймет, что можно жить не пресмыкаясь, что все, чему его учили в Хасеки, – ложь, что религия и сказки про Аллаха нужны только затем, чтобы скрывать мерзость и плодить ее. Поймет ли? Ох, не знаю, а узнать хочется! Не хочу умирать, хочу жить, хочу увидеть, чем все это кончится, что будет потом! Хочу есть, хочу курить!

– Ты проголодался?

– Да, принеси мне отбивную. Врач утром сказал, чтобы я ел отбивные. Мясо, молоко, яйца, отбивные... – Нусрет усмехнулся. – Я умираю. Мама тоже умерла от туберкулеза. Стой, ты куда это собрался?

– Ты же мяса хотел?

– Мяса? Нет аппетита. Впрочем, мне нужно есть. Думаешь, если я сейчас съем мяса, то выживу? Увы! Нас учили в академии... Когда до этой стадии дошло, все. Конец.

Джевдет-бей взял брата за руку.

– Никто не хочет это понять, – продолжал тот. – Ты вот сидишь и думаешь о том, как поедешь домой, о дочке паши, о всяких своих делишках. Не смущайся. Ты, в конце концов, тоже когда-нибудь умрешь. Но пока будешь жить. К тому же ты меня по-прежнему презираешь. – Нусрет высвободил руку. – И я тебя презираю, понятно? Я тоже считаю тебя ниже себя. В тебе нет духовного стержня. Живешь глупо. Деньги, семья, всякая мелкая житейская ерунда да торговля – вот и вся твоя жизнь! Кажется, в дверь стучат.

Джевдет-бей встал и открыл дверь. На пороге стояли Мари и Зийя.

– Мы съели по куриной грудке и выпили махаллеби³⁴, – сказала Мари.

– Понравилось? – спросил Нусрет.

Зийя, поняв, что вопрос задан ему, улыбнулся.

– Понравилось, сынок? Видать, понравилось. Сейчас тетя Мари отведет тебя в отель на углу. Знаешь, что такое отель? Она тебя туда отведет и уложит спать. Будешь спать один, ты ведь уже большой мальчик, бояться не будешь. Или будешь? Ты ведь не боишься темноты? Ну что ты молчишь? Скажи что-нибудь! – Нусрет вдруг вышел из себя: – Мари, забирай его и укладывай! А тебе пора бы уже научиться отвечать, когда спрашивают!

Мари взяла Зийю за руку:

– Мы уходим. Потом я вернусь.

– Что ты сейчас будешь делать, Зийя? – спросил Нусрет, не потерявший еще, видимо, надежды разговорить сына. Не дождавшись ответа, начал нервно смеяться. – Зийя, сынок, что

---

³⁴ Махаллеби – молочный кисель на рисовой муке.

ты будешь делать? Что означает твое имя? Свет! А что делает свет? Ну, давай забирай его отсюда. Посиди с ним немного, лампу не туши, потому что его уже приучили бояться темноты. Боишься, сын? Я с тобой разговариваю, ты язык проглотил, что ли? – Нусрет высунул свой белый язык. – Проглотил язык, да? От страха? Ладно, спокойной ночи!

Глава 11. Умные и дураки

Как только Мари и Зийя вышли за дверь, Нусрет, борясь с приступом кашля, прохрипел: – Дурак! Мой сын – дурак! – потом, откашлявшись, обернулся к Джевдет-бею. – Дурак и трус! Превратили его в идиота. И ведь с помощью чего? С помощью отвратительных, постыдных суеверий! Без палки тоже наверняка не обошлось.

– Нет, Нусрет, он вовсе не такой!

– Не такой? Видел, как он на меня смотрел? Какой у него униженный, испуганный взгляд! Ты возьмешь его к себе, так ведь? Ты слово дал!

– Возьму.

– Повтори свое обещание еще раз. Повтори, чтобы я мог спокойно умереть!

– Обещаю! – сказал Джевдет-бей и отдернул руку, которая уже было снова потянулась к кисточке на феске, раздраженно сунув ее в карман. «Платок забыл!»

– Хорошо. Я тебе верю.

В наступившей тишине стало слышно, как по лестнице кто-то поднимается, насвистывая.

– Насвистывает! Живет! Я тоже хочу жить. Это несправедливо! Мне хочется увидеть, чем занимаются другие люди. Я уже целый месяц не выхожу из этой комнаты. И почему он свистит? Потому что дурак! В этом отвратительном, мерзком мире только дураки могут быть счастливы. Дураки... А я умный, все знаю и умираю. Не смотри на меня так испуганно. Что, боишься меня, ненавидишь?

– Брат, я испытываю к тебе только уважение!

– Нет, я не хочу, чтобы ты меня уважал. Потому что ты счастлив! Может быть, ты и не дурак, но доволен жизнью. Это потому, что души у тебя нет. Только тот, в ком нет души, может радоваться такому нелепому костюму, такой карете, такой невесте!

– Я никогда не был таким злым, как ты, – произнес Джевдет-бей.

– Что ты говоришь? Давай выйдем на улицу, посмотрим на людей! Чем они занимаются? Хочу увидеть, как они копошатся в своей глупой, маленькой жизни! Кто знает, чем они сейчас заняты? Ничего не замечают, ничего не понимают, а все-таки живут счастливо и насвистывают. В Рамазан будут держать пост, вечером будут пить кофе и чесать языками. И насвистывать. Помнишь, в Куле одна наша соседка все говорила: не свисти, не свисти, плохо это!

Джевдет-бей вспомнил эту женщину и улыбнулся:

– Должно быть, она боялась, что на свист змея приползет!

– Она всего боялась. Но жила более счастливо, чем я. А может, она до сих пор жива. Если бы она меня сейчас увидела, то испугалась бы, ужаснулась, пожалела бы меня, да еще, поди, стала бы молиться... Никчемные люди! Ты знаешь, что такое революция? Революция нужна, но кто ее будет делать? Никто их не научил...

На некоторое время Нусрет замолчал, потом прокашлялся и снова громко, горячо заговорил:

– Ведь я желаю им только блага, хочу, чтобы они жили в мире света и разума, и поэтому не могу быть таким, как они! И вот я здесь, вдалеке от них, один жду смерти, только женщина-христианка рядом. Нет! Я хочу жить, хочу видеть! Видеть людей, знать, что происходит в мире! Как по-твоему, чем все закончится? Кто организовал покушение? Хотя откуда тебе знать!

– Да, я этого не знаю.

– Понятное дело... – Нусрет пытался выглядеть суровым, но Джевдет-бею показалось, что он немного смягчился.

Снова замолчали. Джевдет-бей вспоминал ту женщину, о которой недавно шла речь. Она боялась змей, сердилась, если кто-нибудь свистел, и варила варенье. В ее саду росли сливы и

инжир. То ли она просто все время варила варенье, то ли маленький Джевдет, заходя в ее дом, каждый раз видел, как она его варит, то ли весь ее дом пропитался сладким запахом пара – только когда Джевдет-бей вспоминал ее, ему всегда представлялся кусок хлеба с вареньем. Он думал о том хлебе, что дала ему утром Зелиха-ханым, о банках с вареньем, о том, что будет есть на завтрак Шюкрю-паша, и от этих мыслей стало легче на душе. Ему удалось избавиться от мучившего его в этой комнате страха смерти и чувства безнадежности. К тому же свет, бывший в глаза, избавлял от необходимости смотреть брату в лицо.

Вдруг он почувствовал какое-то движение. Нусрет выпрямился и спустил ноги на пол:

– Где мои тапочки?

– Куда ты собрался?

– В уборную. Мне нужно побриться. Что это ты такой подозрительный? Сейчас вернусь. Твоя помощь мне не нужна. Мне ни от кого помощи не нужно! – Нусрет дошел до двери и открыл ее. – Посмотрю еще разок на мир и на людей. Нет-нет, сиди, я сейчас вернусь!

Решив, что Нусрет и в самом деле пошел в уборную, Джевдет-бей сел на место. Потом встал и принялся расхаживать по комнате. Посмотрел на часы: уже почти три. «Отошлю-ка я кучера. Пусть едет, не ждет меня», – подумал Джевдет-бей, но спускаться было лень. «И чего ради я не возвращаюсь домой? Мне тут больше делать нечего», – сказал он вслух, но снова никуда не пошел, а сел на стул и стал нервно покачивать ногой.

Вскоре дверь распахнулась, и внутрь ввалился Нусрет:

– Ох, Джевдет, смерть – такая плохая штука, такая плохая! Не хочу умирать! Там внизу сидят, беседуют, курят, пьют чай... Не хочу умирать!

Шатаясь, он шел прямо на брата.

– Ложись скорее в кровать, не стой, – засуетился Джевдет-бей. – И не кричи так! – прибавил он, обнимая добравшегося до него Нусрета.

– Я не кричу, я плачу! – простонал тот.

– Иди-ка сюда... Постой, я тебя уложу.

Нусрет, желая показать, что никакой помощи ему не нужно, сам уверенными, быстрыми шагами подошел к кровати и улегся.

– Они живут... и будут жить. По-идиотски. Болтая. Я послушал их разговоры. Знаешь, о чем они говорят? Один рассказывает, где он пробовал самый вкусный махаллеби, другой говорит, что в Ускюдаре³⁵, мол, очень низкие цены. Как же меня воротит от их тупости и убожества! Позевывают, покуривают, несут всякую чушь... И живут. А я, видишь, плачу. Разве так все должно было со мной случиться? – Стесняясь своих слез, Нусрет натянул одеяло до самого лба, потом опустил его. – А может, я еще поправлюсь! Уеду в Париж и продолжу все начатое.

И он опять стал кашлять. Этот приступ показался Джевдет-бею хуже, чем предыдущие. «Да, он точно умирает, и это очень страшно». Джевдет-бей подумал, что сейчас впервые осознал, в каком положении находится брат. Он попытался представить себя на его месте и на какое-то мгновение взглянуть на мир его глазами: все его, Джевдетовы, заботы, разговоры, утренние дела в лавке, товары, которые он хотел купить и продать повыгоднее, письма, которые он для этого писал, расчеты и планы, которые строил всю жизнь, – все это показалось мелким и гадким. Чтобы избавиться от этих мыслей, он стал думать о том, как заживет с Ниган в Нишанташи, в доме с садиком, где дует нежный ветерок... Нусрет снова заговорил:

– Зачем я столько пил? Все из-за выпивки! Пил бы умереннее, не подыхал бы сейчас!

– Да, зря ты пил, – согласился Джевдет-бей, и едва он это сказал, как с облегчением понял, что его собственная жизнь, только что на какой-то момент показавшаяся мелкой и гадкой, все-таки правильна, а все, что он делает, исполнено смысла. Он так испугался этого мимолетного

---

³⁵ Ускюдар – район в азиатской части Стамбула на берегу Босфора.

чувства отвращения к своей жизни, что не на шутку разозлился на брата, из-за которого оно возникло.

– Зря, говоришь? А что мне было делать? Только алкоголь мог меня успокоить. Я жил не мелкими расчетами, как ты. В моей душе кипели ненависть и гнев. Тебе этого не понять! Ты хоть знаешь, что такое гнев? Он меня переполнял, этот драгоценный гнев! Я ненавидел, я презирал, я хотел все разрушить! Важнее всего для меня было, чтобы мой гнев не остыл. И он не остыл! А ты жаждал обладать тем, что казалось тебе притягательным и желанным. И чтобы заполучить что хочется, ты пытался что-то понять. А я не хочу понимать! Тот, кто понимает, не чувствует гнева! А я... – Тут Нусрет вдруг смолк и поднял голову с подушки. – А я – дурак. Даже в таком состоянии нахожу чем гордиться. Самовлюбленный дурак! И умираю по-дурацки. Умным удастся как-то выжить... А дураки умирают. Нет, я буду жить! Как думаешь, я поправлюсь?

– Конечно поправишься! Но не надо себя так утомлять. Тебе сейчас нужно уснуть.

– Да-да, я поправлюсь! Месяц аккуратного лечения, хорошая еда... Придется опять просить у тебя денег. Но будь уверен, все долги я тебе верну. Я в этих делах очень щепетилен. Пришлю деньги из Парижа. Думаю, я найду там хорошую работу. Знаешь, что мне однажды сказал знаменитый хирург Бланшо? Что во мне даже больше хладнокровия, чем требуется хирургу. Он наверняка найдет мне работу. Потом я снова присоединюсь к движению. За последние полгода я понял, в чем их ошибка. Первым делом пойду к Ахмету Рызе³⁶ и скажу ему: принц Сабахаттин – троянский конь! Ты знаешь историю о троянском коне? Нет? Ну вот не знает даже, что такое троянский конь! Никто ничего не знает. И они еще считают меня странным! А я их считаю вялыми и никчемными. Здесь никого нет. А в Париже полным-полно тех, кто знает, что такое троянский конь. Какое это иногда удовольствие – поговорить с европейцем, даже описать не могу! Конечно, я говорю не о здешних гнусных миссионерах и банкирах, а о настоящих европейцах. Вольтер, Руссо, Дантон... Революция... – Вдруг он начал петь какой-то марш.

– Нусрет, не утомляй себя, – устало сказал Джевдет-бей.

– Молчи! – прикрикнул на него брат, тяжело дыша, и снова запел. Словно тяжелый камень с горы, покатился марш по комнате.

Мелодия Джевдет-бею понравилась. Потом он попытался разобрать в хриплом пении брата французские слова.

– Это «Марсельеза», – сказал Нусрет. – Прославленный марш Французской революции. Когда ты его еще здесь услышишь? Знаешь, что такое республика? Не знаешь, конечно. Шемсеттин Сами испугался включать это слово в свой франко-турецкий словарь. Республика – это государственное устройство, которое нам нужно. Во Франции она есть. И создавалась она под звуки этого марша. Слушай: «Allons enfants de la...»

Внезапно распахнулась дверь, и на пороге появилась Мари.

– Что происходит? Нусрет, пожалуйста, замолчи! Умоляю!

– Не мешай. Я ведь все-таки умру. Умру с этой песней на губах!

– Твой голос даже внизу слышен. Ты что, хочешь, чтобы нас выкинули из пансиона? Джевдет-бей, ну скажите же ему!

– Я ему уже говорил, что так нельзя.

– Никто меня здесь не понимает! – сказал Нусрет, бросив гневный взгляд на Мари.

Мари начала рассказывать, как укладывала спать Зийю, как он сначала боялся, но потом крепко уснул. Должно быть, мальчик ей понравился.

³⁶ Ахмет Рызе (1858–1930) – один из лидеров младотурок в эмиграции.

– Сделали из него дурака, – угрюмо сказал Нусрет. Немного подумал и заговорил снова: – Да и мать у него такая же. В Европе женщины хотят избирательного права, равенства, а ты, спрашиваю, чего хочешь? Не знаю, говорит, как вам, эфенди, будет угодно. Ну, я и отослал ее восвояси. Какую женщину здесь можно брать в жены – ума не приложу. Разве что христианку. – И он улыбнулся Мари. – Ты, Джевдет, думаешь, что и мусульманку можно? Но дочка паши, скажу тебе, плохой выбор. Потому что, когда будет революция, всем пашам и их отродьям пережегут глотки. Будет ли? Ох, хватит уже!

– Точно, хватит. Спать тебе пора! – перебила его Мари.

– А я не хочу. Впервые за не помню сколько дней я чувствую в себе силы. Ты вчера, верно, думала, что я вот-вот умру? Так часто бывает: больной справляется с первым кризисом, ему как будто становится лучше. А через несколько дней – второй кризис. Буду лежать сонный, вялый, начнется жар, а потом... – Он снова закашлялся, но ненадолго. – Потом я умру. А сейчас мне хочется говорить. Давайте разговаривать! О чем бы? Мари, давай ты расскажешь, что думаешь обо мне. А потом – что думаешь о Джевдете. Нет, пожалуй, не надо... Эй, ну что вы молчите? Мне хочется выпить вина. Я чувствую себя совершенно здоровым! Интересно, эти люди внизу все болтают? Давайте сходим посмотрим. Если они еще там, я найду какую-нибудь тему для беседы. Например, ревматизм – замечательная тема! Или можно поговорить о том, что раньше все было дешевле... Хотя постойте. Я хочу рассказать вам про революцию. Вот что нам здесь нужно! Где бы установить гильотины? На площади перед мечетью Султан-Ахмет! Работы им будет не на один день. Султанам, принцам, пашам, всем их отродьям и подпевалам – головы долой! Кровь рекой потечет в Сиркеджи и оттуда – в море!

– Нусрет, хватит! – сказал Джевдет-бей и поднялся на ноги.

– Почему? Что, испугался? Не бойся, ты торговец, тебя не тронут. Но только так сюда сможет пробиться свет. Иначе нам из мрака не выбраться. Садись и слушай. О чем бишь я? Да, гильотины. Никакого снисхождения! Нужно все вырвать с корнем. Безжалостно! – Внезапно Нусрет, сидевший в кровати, откинулся назад, голова его упала на подушку. – Но я знаю, что ничего этого не будет. Как жаль! Они на это не смогут пойти. Ничего у них не получится. Послушай, что я тебе расскажу. Три месяца назад, когда я еще не слег, я ходил к Тевфику Фикрету³⁷ в Ашиян³⁸. Он был на уроке в Роберт-колледже. Я подождал, пока он не вернется. Сказал, что восхищаюсь его стихами, назвал его новым Намыком Кемалем³⁹. Он смотрел на меня с подозрением. Я снова начал его превозносить – сейчас даже стыдно. Рассказал о положении в Европе и о том, как, по моему мнению, можно усилить борьбу здесь. Он спросил меня, почему я вернулся. Должно быть, решил, что я из полиции. Я не обиделся. Стал с воодушевлением читать ему его собственные стихи и стихи Намыка Кемалья. Я был немного выпивши... Пока поднимался по улице, утомился, голова закружилась. А тут еще и разволновался. Он меня не понял. Провел по своему дому, с гордостью рассказал, что сам начертил его план. Показал свои картины. Представляешь – революционный поэт откладывает все дела в сторону и садится писать картины! Опавшие листья, осенние пейзажи... Фрукты на блюде. Положил два яблока и апельсин на блюдо и знай себе рисует. Разве годится революционному поэту заниматься такой ерундой? Разве может революционный поэт целый день тарачиться на яблоки и апельсины и выписывать их на холсте? Разве будет один революционер показывать другому какие-то рисунки? Я ему сказал: зачем ты этим занимаешься? Ты стихи пиши! Кричи во весь голос, чтобы тебя услышали! Кричи! Пусть народ пробудится, очнется от сна! Да сгинет тирания!

– Нусрет, пожалуйста, замолчи! – взмолилась Мари.

---

³⁷ *Тевфик Фикрет* (1867–1915) – турецкий поэт, один из крупнейших реформаторов турецкой поэзии.

³⁸ *Ашиян* (тур. гнездо) – название дома Т. Фикрета, находившегося в одноименном районе в европейской части Стамбула.

³⁹ *Намык Кемаль* (1840–1888) – турецкий поэт, писатель и общественный деятель, один из первых турецких журналистов.

– Он на меня этак пренебрежительно посмотрел. Должно быть, и запах тоже почуял. Сказал, что ему нужно идти на урок. Но напоследок проявил вежливость – подарил маленький сборник стихов. Не своих, одного французского поэта. Видимо, понял, что я не из полиции, и захотел сделать мне приятное. Похвалил издание, сказал, что очень любит этого поэта. Я потом навел справки. Этот поэт, Франсуа Коппи, во время «дела Дрейфуса» был на стороне реакционеров. Подлец, ничтожество, враг революции! Где эта книга, Мари? Дай сюда, я порву ее в клочья!

Джевдет-бей вдруг встал на ноги. Он снова почувствовал в себе ту неведомо откуда взявшуюся силу, присутствие которой ощущал в Нишанташи.

– Хватит! – выкрикнул он и, дивясь своему холодному, решительному гневу, прибавил: – А ну, спи! Не то доктора позову!

– А что, позови того итальянца. Свет разума впервые засиял как раз в Италии. Это родина просвещения. Ладно-ладно! Сейчас усну. А ты, если хочешь, иди. Когда снова приедешь?

– Завтра, – ответил Джевдет-бей и тут же подумал: «А ведь у меня столько дел! Почему я не сказал, что приеду послезавтра?» Он понял, что злится на брата. Кто знает, может, завтра в этой комнате, в этой унылой, неприятной атмосфере случится что-нибудь такое, из за чего расстроятся все его планы и замыслы? «Весь день прошел впустую!» – пробормотал он. На этот раз от этой мысли ему стало тоскливо, и он начал расхаживать по комнате.

– Что ты ходишь, о чем думаешь? – спросил Нусрет и начал что-то говорить.

Джевдет-бей не слушал. Мари проводила его до двери, и он еще раз сказал, что приедет завтра.

– Да, приезжайте, пожалуйста, – попросила Мари. – При вас он становится оживленным, остроумным... И чувствует себя лучше. – Опустив глаза, она прибавила: – Может быть, вам это не понравится... Но мальчику тоже хотелось бы вас увидеть. Укладываясь спать, он спрашивал, покатают ли его еще раз в карете.

– Хорошо, я его покатаю, – сказал Джевдет-бей и улыбнулся.

Глава 12. Ночь и жизнь

Спускаясь по лестнице, Джевдет-бей увидел, что внизу сидят люди и беседуют при свете лампы, стоящей на трехногом столике. Увидев его, они замолчали, так что ему не удалось узнать, о чем они говорят: о вкусном ли махаллеби, о дешевизне ли в Ускюдаре или о ревматизме. Выйдя на улицу и с облегчением вдохнув ночной воздух, он понял, до чего же в пансионе и в комнате больного было жарко и душно. Дул прохладный ветерок, как в Нишанташи, а небо было затянуто облаками. Джевдет-бей медленно подошел к карете, разбудил спящего на мягком сиденье кучера. Ожидая, пока тот не придет в себя, закурил. Когда карета тронулась – как всегда, уверенно и спокойно покачиваясь на рессорах, – он открыл окно. «Брат умирает, а я живу». Заметив, что эта мысль не пробудила в нем ни чувства вины, ни самодовольства, Джевдет-бей облегченно вздохнул. Начал, улыбаясь, перебирать в памяти все события дня, потом потянулся и широко, безмятежно зевнул. «Ох, наконец-то домой! Домой, в кровать, к чистым простынкам!» Откинув голову, опустил веки, но глаза закрыл не до конца. За окном нечеткими линиями рисовался мир: уличные фонари в окружении мотыльков, торопящиеся домой люди, тусклые огоньки окон. Джевдет-бей сидел недвижно, не обращая внимания на мелькающие в голове мысли, не прислушиваясь к беспокойному, испуганному, нервному, ни на минуту не смолкающему голосу сознания, и наслаждался дующим в окно ветерком. Время от времени его губы тихо шептали то слово, что пришло ему в голову в Нишанташи: «Живу!» Карета спустилась по склону, проехала мимо другой кареты. Подковы цокали по брусчатой мостовой. Потом по скрипу досок под колесами Джевдет-бей понял, что карета въехала на мост.

С Мраморного моря подул ветер, всколыхнул маленькие занавески на окнах. Джевдет-бей наклонился к левому окну и вдохнул этот ветер, наполненный запахом водорослей. Далеко-далеко в ночи появился еле заметный розовый отсвет. Начинался лодос⁴⁰. Привязанное к мосту судно тяжело поднималось и опускалось на волнах, сигарета сторожа, собиравшего деньги за проезд, разгоралась ярче, когда он поворачивался к ветру. «Ну вот, день и кончился», – подумал Джевдет-бей. Старая часть Стамбула была погружена во тьму. Он обернулся – в Пера тоже не было видно ни огонька.

Джевдет-бей снова начал вспоминать этот день, начавшийся туманом и потом прожаренный солнцем, и душевное спокойствие опять куда-то пропало. Он чиркнул спичкой, но зажечь сигарету не удалось. Не закрывая окно, еще дважды чиркнул спичкой, с третьего раза закурил. «Плохой сон мне снился. С самого начала было ясно, что день не задастся. С Ашке-нази не поговорил. Потом этот мальчик с письмом. Я подумал, что у меня хотят выманить денег. И мне не стыдно!» Потом он вдруг подумал, что паша вовсе не скучный, а веселый и симпатичный человек, ценящий дружбу и хорошую беседу. Улыбнулся, вспомнив истории о любовных похождениях, которые паша рассказывал за игрой в нарды. Когда Джевдет-бей слушал эти истории, он испытывал тоску и отвращение, а сейчас, вспоминая их, – нежность к старику. Тут же в памяти всплыл доктор-итальянец, с жадным любопытством глядевший по сторонам во время короткой прогулки по Бейоглу. О нем Джевдет-бей тоже думал с нежностью. В его поведении, в том, как он, склонившись, поцеловал руку Мари, было что-то абсолютно христианское и, несмотря на это, приятное. «Тот толстяк в аптеке тоже был славный человек. Надо быть как они. Веселым, улыбчивым... Есть, как они, пить, как они... Я тоже буду таким. Но торговлей, лавкой тоже нельзя пренебрегать. Как бы все это совместить? Вот было бы у меня две жизни. Одну проводил бы в лавке, а другую – дома». Вдалеке послышался раскат грома. «Слова, слова...» Одну занавеску ветер вдул внутрь кареты, другая развевалась снаружи. «Слова невесомы, как эти занавески... Живу. Лодос начинается. Завтра будет

---

⁴⁰ Лодос – сильный южный ветер.

шторм, пароходы ходить не будут. Ашкенази так и останется на острове. Вот ведь беда! Счетовод Садык говорил сегодня, что нам необходимо этот долг востребовать. Бедный Садык! Счетовод. А я коммерсант... И Фуат, и Шюкрю-паша спрашивали сегодня, что такое жизнь. Фуату я ответил, что это глупый вопрос. Глупый, глупый! Зачем задавать такие вопросы? Их задают те, кто читает книги, размышляет... А тетушка Зейнеп таких вопросов не задает. Она живет. И я живу. Вот сейчас усну, утром встану, займусь делами... Женюсь, буду есть, курить, улыбаться... Улыбаться надо чаще. А потом перейду в мир иной. Вот прошел еще один день в этом мире... Ах этот сон! Утром я тосковал, что одинок среди христиан и евреев. А сейчас не хочу об этом думать. Сейчас я хочу спать. Зелиха-ханым приготовила постель. Какая она милая женщина!» Где-то лаяли собаки. «В детстве я боялся собак. В детстве мы гуляли в садах, играли с Нусретом... В день Хызыр-Ильяса... Вот уже второй раз я вспоминаю про день Хызыр-Ильяса». В одном доме тускло светилось окно: еще не погасили лампу. «Кто знает, может, эта лампа куплена в моей лавке. И вот при свете купленной у меня лампы сидят люди... Что они делают? Беседуют. Один говорит, что начинается лодос, другой – что надо бы убрать цветочные горшки с внешнего подоконника, как бы не сдуло. Пьют липовый чай или воду с сиропом, зевают...» Джевдет-бей и сам, потянувшись, зевнул. «Нусрет все это презирает. Почему? Потому что уверен, что знает нечто очень важное. Может быть, он и прав и идеи его верные. Вот из-за уверенности в своей правоте, в том, что ему ведомо нечто такое, о чем другие даже не задумываются, он всех и презирает, ценит только себя самого. А стоит ли? О-о-ох!» Джевдет-бей еще раз потянулся и зевнул. Карета въехала в его квартал. «Человеку нужно две жизни, две души. Одну для торговли, другую для радости. И не смешивать одну жизнь с другой, чтобы одна душа другой помогала, а не путалась под ногами. Да, так и будет! В моей жизни так и будет! Заживу!» Он снова с наслаждением потянулся, зевнул и вышел из кареты, с удивлением ощущая непонятно откуда взявшуюся бодрость.

– Ты, должно быть, сегодня здорово устал! – сказал он кучеру, и тот улыбнулся, словно весь день ждал, что ему скажут эти слова. – Завтра в то же время приедешь?

– Как не приехать!

Карета тронулась с места. Джевдет-бей смотрел ей вслед, пока дрожащий свет ее фонарей не скрылся за поворотом; тогда он вошел в дом. На первом этаже горел слабый свет. «Зелиха-ханым еще не легла спать», – подумал он, и тут же послышался ее голос:

– Кто там? Джевдет, сынок, это ты?

– Я, я! – откликнулся Джевдет-бей, поднимаясь по лестнице.

– Постой! Ты не голоден ли? Ужинал?

– Нет, не ужинал, – сказал Джевдет-бей и тут же пожалел об этом.

– Иди-ка сюда, я тебе хюнкярбейенди⁴¹ приготовила! Пока ждала тебя, даже уснула! – сказала Зелиха-ханым, выходя из кухни и покачиваясь спросонок.

– Ну и ложилась бы спать. Чего ради ты меня ждала?

– Да вот уж ждала, – улыбаясь, сказала старушка. – Ужин на столе. Иди поешь.

Джевдет-бей двинулся на кухню, думая, с одной стороны, о еде, а с другой – что избавиться от Зелихи-ханым будет непросто. «Одно путается с другим! – бормотал он себе под нос. – Как же разделить две жизни?»

– Садись, садись, – приговаривала старушка, радуясь, что может услужить Джевдет-бею. – Утомился, поди, за день-то? Послушай-ка, что у нас в квартале сегодня было. Мустафа-эфенди возвращался с полуденного намаза... Знаешь Мустафу-эфенди, что живет у источника? Вот возвращается он из мечети и встречает на углу... А голубцы будешь? Ну хоть немножко? Так вот, встречает он Салиха. Смотрит – а у него в руках... Дождик, что ли, пошел?.. Смотрит – а у него в руках огромный ключ. Салих-эфенди и говорит: этот твой ключ...

⁴¹ Хюнкярбейенди – блюдо из баклажанов.

Часть II

Глава 1. Молодой завоеватель в Стамбуле

– Европа теперь должна стать для нас... Как бы это получше выразиться? Целью! Да-да, целью, а еще точнее – примером! – громко и горячо говорил Саит-бей, покачиваясь в такт с вагоном-рестораном. – Гордость нужно отставить в сторону. Я не устаю повторять: звон наших сабель давным-давно заглушен грохотом пушек и машин. Теперь и государство у нас новое, и от старого мира ничего не осталось. Как-никак середина двадцатого века! Сейчас у нас февраль тысяча девятьсот тридцать шестого, до тысяча девятьсот пятидесятого осталось всего ничего. Выпьем же и, забыв про гордость, примем всей душой республику и европейские порядки! Что же вы совсем не пьете?

Омер замешкался с ответом. «Февраль тысяча девятьсот тридцать шестого, – крутилось у него в голове. – Я возвращаюсь в Стамбул».

– Нет-нет, можете ничего не говорить, я все понимаю, – снова заговорил Саит-бей. – Вас, должно быть, кто-то ждет, и вы все думаете о встрече. Понимаю, понимаю! – И он добродушно, по-отечески улыбнулся.

– Да нет, никто меня не ждет. И от меня никто ничего не ждет, – ответил Омер, поднося свой бокал к бутылке, которую держал в руках Саит-бей. – Вы правы, я совсем не пью, но сейчас, пожалуй, выпью.

– И дамы тоже пусть выпьют, – сказал Саит-бей. – Мы же ведь в Турцию еще не въехали.

Это была очередная шутка из тех, которыми давно уже перебрасывались за этим столиком, иронизируя по поводу меняющейся на глазах жизни и посмеиваясь над милой, печальной родиной, к которой нес Омера и его попутчиков ночной поезд. Саит-бей намекал на свою жену Атийе-ханым, которая могла со спокойной душой пить алкогольные напитки только за границей. В ответ на это Гюлер, сестра Саит-бея, сказала, что ее брат, приезжая во Францию, тоже каждый раз пересматривает свое отношение к вину и раки.

Саит-бей сделал вид, что обиделся.

– О раки я с тобой говорить не буду! – сказал он и, взглянув на Омера, добавил: – Раки – напиток для мужчин!

В ответ на это никто не улыбнулся, кроме самого Саит-бея и Омера, которые обменялись довольными усмешками: им, дескать, не понять!

С Саит-беем и его спутницами Омер познакомился накануне здесь же, в вагоне-ресторане. Саит-бей подошел к нему, извинился за беспокойство и спросил, нельзя ли им присесть за его столик, – все остальные места были заняты. После обмена обычными любезностями Саит-бей рассказал, зачем они ездили в Париж: он сам и его супруга давно приобрели привычку каждый год выезжать в Европу, а в этот год они взяли с собой младшую сестру Саит-бея, не так давно разведшуюся с мужем. Омер в свою очередь рассказал, что заехал в Париж по пути из Лондона, где жил четыре года, учился на инженера-строителя.

– А ведь мы, между прочим, в области прав женщины опережаем многие европейские страны, – сказала Атийеханым.

– Совершенно верно, и это очень важно! Вот что значит республика! – согласился Саит-бей и, изобразив на лице выражение избалованного ребенка, которое ему вовсе не шло, прибавил: – Впрочем, у женщин во всем мире обязанности одни и те же.

Возникла неловкая пауза.

Потом Атийе-ханым, сделав вид, что ей стыдно за своего супруга-мужлана, сухо сказала:

– Вот, оказывается, как думает Саит-бей!

Но долго сердиться она не умела. В ее взгляде вдруг мелькнула веселая искорка, она открыла сумочку и, достав из нее несколько фотографий, с улыбкой протянула их Омеру:

– Посмотрите, вот она, моя самая любимая обязанность!

На первой фотографии был мальчик в матросском костюмчике. Он сидел на скамейке, положив одну руку на краешек и приветственно помахивая другой. Чтобы поддержать разговор, Омер спросил, сколько ему лет.

– Через неделю будет четыре. Он родился в марте тридцать второго.

«А я эти четыре года провел за границей», – подумал Омер. Стучали колеса, вагон мерно покачивался. «Четыре года в Турцию ни ногой... Сбежал в Европу. Учился, писал диссертацию, путешествовал, порой раздумывал над своим будущим, проживал оставленные родителями деньги, жил... И вот возвращаюсь на родину дипломированным инженером. Вернусь и, как говорит тетушка, погружусь в водоворот жизни...»

– А на этой фотографии ему годик. Мы тогда специально пригласили к себе домой в Тешвикийе фотографа.

Мальчик был снят на руках у матери. Рядом, положив ей руку на плечо и немного выдвинувшись вперед, стоял Саит-бей, похожий здесь скорее не на мужа, а на старшего брата, опекающего сестру. Следующая фотография, по всей видимости, была сделана в студии. На лицах супругов застыли улыбки, по которым невозможно было понять, на самом ли деле они счастливы или только делают вид, потому что так положено, когда фотографируешься. Мальчик на руках у мамы, казалось, готов вот-вот расплакаться.

Омер, сообразив, что надо бы что-нибудь сказать, проговорил:

– Какой милый ребенок!

– Все так говорят! – с гордостью ответила Атийе-ханым, взяла у Омера фотографии и сама начала, улыбаясь, их разглядывать.

Присоединился к жене и Саит-бей. Вид у супругов был такой, будто они пытались высмотреть, что же именно заставило Омера назвать их сына милым.

«Зачем я возвращаюсь в Стамбул? – размышлял Омер. – Жениться, завести ребенка, жить счастливой семейной жизнью, зарабатывать деньги? Ради этого?» Поезд еще не пересек границу, а он словно бы уже почувствовал запах печали и маленьких семейных радостей. Внезапно он одним залпом осушил свой бокал:

– Пожалуй, я еще выпью.

– Правильно, нужно выпить, – поддержал его Саит-бей и улыбнулся. – Вы совсем еще молоды: если сейчас не пить, то когда же?

Вот он сидит – отец семейства, возвращающийся из поездки по Европе. Гордится своей молодой женой, со счастливой улыбкой разглядывает фотографии сына. Занимается импортом... Иногда вспоминает, что он сын паши, и расстраивается. «Нет, у меня все будет по-другому, – говорил себе Омер. – Совсем по-другому! Я преодолею эти искушения. Я буду хозяином своей жизни!»

– Саит, ты начал говорить о Европе, – нарушила затянувшееся молчание Гюлер.

– И правда, – отозвался Саит-бей. – О Европе и о нас... Я ведь рассказывал вам о моем покойном отце, паше? Так вот, он вместе с моей матерью сосватал Ниган-ханым за того самого Джевдет-бея, с сыном которого вы знакомы. Свадьба тоже была в нашем особняке. Мы потом этот особняк капитально перестроили, привели в соответствие с требованиями времени.

– Интересно, какими мы будем через двадцать лет, через тридцать? – вздохнула Атийе-ханым, глядя на Омера.

«Они ждут, что я буду их занимать, рассказывать что-нибудь интересное», – подумал Омер и решил довериться покачиванию вагона и вину.

– Возьмем еще бутылочку?

– Конечно возьмем! – согласился Саит-бей, ласково и немного задумчиво глядя на вступающего в жизнь молодого человека, – должно быть, вспоминал свою собственную молодость и ушедшие безвозвратно годы.

Официант принес новую бутылку.

Омер вспоминал те времена, когда он много пил. Начал после смерти отца, а когда умерла мать, пристрастился к выпивке по-настоящему. Он тогда учился в Стамбульском инженерном училище. Часто бывало, пил всю ночь напролет, шатаясь по увеселительным заведениям Бей-оглу, и приходил на лекции в стельку пьяным. В Англии временами тоже начинал прикладываться к бутылке. Окончив инженерное училище, он решил, что неплохо было бы повидать Европу. Друзья говорили ему то же самое: «Деньги у тебя есть, время есть, здесь тебя ничто не держит – зачем тебе копаться в этой мусорной куче? Езжай, посмотри, как люди живут, путешествуй, развлекайся, заодно чему-нибудь и научишься!» Живя в Англии, Омер следовал этим советам. Потом влюбился в девушку-англичанку, стал подумывать о том, чтобы жениться и осесть за границей... Глядя на принесенную официантом бутылку, он думал: «Вот и у нас теперь кое-чему научились!» Одно время он начал жалеть, что приходится возвращаться в Турцию – снова рыться в старой мусорной куче, но сейчас был рад, что все так повернулось. «Хоть мусорная куча, да своя. Все здесь по моей мерке». В Европе, впрочем, Омер давно уже освоился. «Возможно, это немного по-детски, но я боялся там жить, – думал он, глядя на бутылочную этикетку. – Небо Англии казалось мне свинцовым. В Турции все по-другому, по-новому. По мне».

– Э, как вы, эфенди, однако, быстро пьете! Я за вами не поспеваю! – перебил ход его мыслей Саит-бей.

– И правда, что это я? – смутившись, ответил Омер. – Мне это вино вдруг так понравилось!

– Но вы, когда пьете, становитесь грустным и все молчите, – сказала Атийе-ханым. – Ну-ка, скажите, о чем вы сейчас думаете? Только сразу!

Саит-бей бросил на жену укоризненный взгляд: ну что ты, мол, пристала к мальчику! – и улыбнулся Омеру, пытаясь сделать вид, что ему вовсе не интересен ответ и Омер, если хочет, может держать свои мысли при себе. Но вслух сказал другое:

– И правда, о чем это думаете?

– О себе, – ответил Омер.

– А-а-а! – протянула Атийе-ханым и вскинула голову. – И что же вы о себе думаете?

– Я многое хочу сделать. И думаю, у меня получится.

– Конечно, конечно, – сказал Саит-бей. – Молодость!

– Нет, я не про то! Я другое имею в виду. Я думаю, что мне нужно многое сделать, но... но совсем не то, что делают другие! – Омер почувствовал, как загорелись у него щеки.

– Я как будто вас понимаю, – сказал Саит-бей.

– Это очень трудно объяснить...

– А вы все-таки попробуйте! – потребовала Атийе-ханым. На лице ее было все то же игривое выражение, с каким она задавала свой вопрос.

Гюлер подняла голову от меню, которое она с самого начала ужина изучала с такой тщательностью, будто читала интересную книгу (хотя в прошлый раз уже просмотрела его вдоль и поперек), и взглянула на Омера.

– Есть ли... есть ли у вас, Саит-бей, какое-нибудь страстное, необузданное желание? – спросил Омер.

– Что? Как вы сказали? – удивился Саит-бей. Улыбнулся, однако тут же сдвинул брови.

– Есть ли у вас стремления? Горячие, необоримые?

Саит-бей, будто пытаясь что-то вспомнить, посмотрел на жену:

– Замечала ты за мной что-нибудь в этом духе?

– Нет, – быстро ответила Атийе-ханым. – Он у меня спокойный. Как ягненок. – Кажется, она хотела улыбнуться, но, увидев выражение лица Омера, испугалась.

– Хвала Аллаху, я человек умеренный, – проговорил Саит-бей. – Меня вполне устраивает моя жизнь, ее маленькие радости и заботы.

На этот раз все улыбнулись.

– Ну а я, хвала Аллаху, человек неумеренный! – сказал Омер и, снова почувствовав на себе взгляд Гюлер, прибавил: – Маленьких радостей и маленьких забот мне недостаточно! – Внезапно ему стало неудобно за свою резкость, захотелось как-то ее смягчить. – Мне хочется многого добиться. Я не хочу довольствоваться малым. Не уверен, понятно ли я излагаю?.. Говоря о стремлениях, я не имею в виду стремление к чему-то определенному. Мне нужно все. Вся жизнь, все, что в ней есть! Уловить, овладеть, добиться!

– Молодость, молодость, – тихо проговорила Атийе-ханым.

– И чего же вы хотите добиться? – спросил Саит-бей.

– Всего! – ответил Омер, принимая из рук Саит-бея тарелку с сыром – не потому, что хотелось сыра, а потому, что отказываться неудобно.

– Этот сыр французы едят перед фруктами. Неприятный у него запах, не правда ли? Но когда привыкнешь к запаху...

– Саит, дорогой, ты перебил Омер-бея, – вмешалась Атийе-ханым.

– Да нет, конечно же мы вас слушаем!

Все трое посмотрели на Омера.

– Я, должно быть, выпил лишнего, – сказал он.

– Нет-нет! Вы очень интересно говорите, – заверила Атийе-ханым.

– Моя супруга обожает занимательные рассказы, – сказал Саит-бей и тут же, решив, должно быть, что не совсем удачно выразился, прибавил: – Ее вообще интересует все занимательное и любопытное. Прошу вас, продолжайте!

– И меня тоже интересует! – взволнованно сказал Омер. – Мне все интересно, все желанно. Вы сейчас спрашивали, чего я хочу добиться. Всего! Любви красивых женщин, денег, известности, славы, почета! Безоглядно, чего бы мне это ни стоило – хочу!

Саит-бей с предостерегающим видом обернулся к своим дамам:

– Осторожно, подливка у этого мяса очень острая! Я эту приправу знаю...

Омер мучительно покраснел. «И все-то мне хочется пустить пыль в глаза, произвести впечатление на женщин! Когда же я повзрослею? Мне ведь уже двадцать шесть!»

– А, должно быть, я вас поняла, – воскликнула вдруг Атийе-ханым. – Вы – Растиньяк наших дней. Помните Растиньяка из бальзаковского романа «Отец Горио»? Вот и вы такой же. Завоеватель... Да, это так будет по-турецки, правильно?

– Как вы раскраснелись, эфенди! – сказал Саит-бей. – Эти батареи так и пышут жаром. Возьмем еще бутылочку? – Он снова улыбался добродушно, по-дружески.

– Возьмем!

– Да-да, завоеватель... Растиньяк! – бормотала себе под нос Атийе-ханым, довольная, что придумала такую аналогию.

– Мне нравится это слово! – сказал вдруг Омер. – Да, я решил, что буду завоевателем!

– Как мило! – обрадовалась Атийе-ханым. – А давайте-ка сфотографируемся! Саит, здесь получится?

– При таком освещении не выйдет. Фотоаппарат у тебя с собой?

Гюлер вдруг подняла глаза на Омера:

– По правде говоря, вы и на турка-то не очень похожи.

– Ладно-ладно, оставим эту тему! – вмешался Саит-бей. – Послушайте, что я сейчас расскажу. Встречаются однажды в лесу черепаха и лиса. Лиса и говорит...

У Саит-бея были тонкие ухоженные усики. Когда он говорил, эта тонкая темная полоска ходила вверх-вниз. «Сейчас надо будет посмеяться», – подумал Омер.

Саит-бей закончил свой рассказ, и все дружно рассмеялись.

– Расскажи, как рассеянный официант перепутал бокалы, – попросила мужа Атийе-ханым.

Тот, улыбнувшись, начал рассказывать. Атийе-ханым изо всех сил пыталась сдержать смех. В вагоне-ресторане яблоку негде было упасть. За столиком впереди сидели четыре старика, выпивали и о чем-то, посмеиваясь, беседовали.

У одного из них была седая борода; когда он смеялся, борода терлась о галстук, а из жилетки показывалась поблескивающая цепочка от часов. За другим столиком сидела женщина в шляпке, с ребенком на руках; она целовала ребенка и улыбалась. «Было время, когда и я часто смеялся и улыбался», – думал Омер. В инженерном училище он то и дело над кем-нибудь подшучивал. Когда они с Мухиттином и Рефиком играли в покер, то вечно пересмеивались. Мысли о прошлом навевали грусть. К тому же действие алкоголя ослабевало, равно как и вызванное им возбуждение. Он решил, что будет слушать истории Саит-бея.

Ближе к часу ночи вагон-ресторан опустел. К столику, покачиваясь, подошел официант и вежливо обратился к Омеру и его знакомым:

– Господа, мы скоро закрываемся. Поезд подходит к Эдирне. Во время паспортного контроля вам нужно быть в своих купе и...

– Да-да, конечно, мы сейчас уходим, – сказал Саит-бей, и все надолго замолчали.

Саит-бей заплатил по счету, дамы взяли свои сумочки. Атийе-ханым стала смотреть в окно.

«Ну вот, начинается печаль, – подумал Омер. – Как въехали в Турцию, так и веселье наше кончилось».

Встав из-за стола, он почувствовал себя одиноким. «Может, они пригласят меня в свое купе? Продолжим разговор там...» – думал он, пробираясь по коридору вслед за Саит-беем и его дамами. «Да что это со мной? Я же завоеватель! Растиньяк... Может, я и выпил лишнего, но на меня алкоголь не очень-то...»

– Спокойной ночи! Завтра утром снова увидимся!

Это была Атийе-ханым. Вот кто, пожалуй, понял его лучше других. Омер подумал, что столь жадному до жизни человеку, как он, не годится обращать внимание на такие мелочи, как одиночество и печаль.

Омер снова увидел их на следующее утро, когда поезд уже подходил к вокзалу Сиркеджи, – высунувшись в открытое окно, они увлеченно глядели по сторонам. Омер зашел в их купе, пожал всем руки и обменялся со всеми любезностями. Саит-бей, снова напустив на себя вид добродушного дядюшки, сказал:

– Я вчера о вас думал. Вы были правы, когда говорили о стремлениях. В нашей стране таких, как вы, мало!

Омер только махнул рукой, словно говоря, что не стоило придавать такое значение его болтовне. Дамы, краем глаза поглядывавшие на толпу встречающих, заметили этот жест и улыбнулись. Обе они были в красивых шляпках с широкими полями. Атийе-ханым вдруг вытащила фотоаппарат и, не успев Омер и глазом моргнуть, сфотографировала его. Омер сказал, что очень волнуется, и вышел из купе.

Получив свои чемоданы и направляясь к пункту таможенного контроля, он увидел их еще раз. Шляпки дам в окне вагона были похожи на гроздь красочных фруктов. Атийе-ханым помахала «милому молодому человеку» рукой, а ее муж напомнил, что им снова хотелось бы встретиться с ним в Стамбуле. Когда голос Саит-бея растворился в вокзальном шуме, Омер заметил, что расчувствовался. Пробираясь к пункту таможенного контроля, он увидел в толпе встречающих мальчика со вчерашней фотографии. Старая нянька с недовольным лицом дер-

жала его на руках. Мальчик махал ладошкой в сторону поезда. «Я все преодолею», – сказал себе Омер.

Войдя в здание таможни, он впервые осознал, что вернулся. В нем вдруг проснулось какое-то странное, давным-давно забытое чувство, похожее на любовь. Некоторое время он искал служащего, которому можно было бы предъявить для досмотра чемоданы, потом увидел очередь и встал в нее. Какой-то шикарно одетый человек в длинном плаще, растолкав толпу плечами, влез перед ним. Тут из комнаты, у которой выстроилась очередь, вышел пожилой таможенник и сказал, что стоят они здесь зря, досмотр будет в соседней комнате. Пока перебирались туда, возникла изрядная давка. Из-за двери вдруг послышались возмущенные вопли, и один человек в шляпе, стоящий в очереди, заявил, что это просто безобразие – так придираются к людям по пустякам. Когда очередь дошла до Омера, к таможеннику подошел другой таможенник, постарше, и сказал:

– Да пропусти ты этого молодого человека. Видишь, у него ничего нет.

– Хорошо-хорошо, пропускаю, – сварливо буркнул таможенник и, не открывая чемоданов, махнул Омеру рукой – проходи, мол.

Тут же откуда-то вынырнул носильщик и выхватил у него поклажу. Через пару секунд Омер уже был в Сиркеджи.

На углу остановился трамвай, из него выходили пассажиры. За трамваем стояла карета, кучер, покуривая, ждал, когда можно будет тронуться с места. Четыре носильщика тащили в сторону Бабы-Али огромную бочку. Дворник о чем-то беседовал с расположившимся на брусчатом тротуаре нищим. В сторону Каракёя шествовал шикарно одетый господин с зонтиком в руках. Из запряженного лошадьми фургона в ресторан перетаскивали большие ящики. В припаркованном неподалеку такси шофер читал газету. Рядом с обувной лавкой стояла женщина с ребенком и разглядывала витрину. Над головой раскинулось желтоватое легкое небо. Воздух был влажным.

Носильщик обернулся к замечтавшемуся Омеру:

– Куда?

– В Каракёй.

Он решил перейти мост пешком. Вскоре они нагнали человека с зонтиком и пошли вслед за ним. «Я – завоеватель!» – думал Омер. Он чувствовал себя очень легким – на него впервые за долгие годы не давило небо.

Глава 2. Праздничный обед

Ниган-ханым сидела, подперев голову руками, за столом, накрытым вышитой скатертью, смотрела на фарфоровую тарелку и размышляла: «Хорошо, что я велела достать позолоченный сервиз. Сколько лет он без дела стоял в буфете.

Чай после обеда будем пить из подаренных мне на свадьбу бабушкой чашек с синими розами. Две чашки из этого сервиза, увы, разбились. А что же я не велела достать и начистить серебряные приборы? Когда еще использовать серебро, как не в такие дни? Все надо использовать». Вышитую скатерть она уже доставала в прошлый Курбан-байрам. Поскольку скатерть тоже была частью ее приданого, то, стало быть, тридцать лет хранилась в неприкосновенности. Ниган-ханым одолевало странное желание наконец пустить в дело все вещи, спрятанные в сундуках, шкафах, буфетах и шкатулках. «Как будто мне хочется увидеть, как пачкаются и рвутся скатерти, бьются тарелки и чашки, теряются вилки и ножи! – думала она. – Вот уже тридцать лет, как я замужем. Больше шестидесяти праздников отметили мы с Джевдет-беем, вот и Курбан-байрам тридцать шестого подошел. И встречаем мы его все вместе: муж, сыновья, доченька, милые мои невестки и два маленьких внука».

Они сидели за столом у окна, из которого видны липы и знаменитый камень-мишень на углу, и ждали, когда повар подаст обед. Ниган-ханым чувствовала, как от люстры, которую зажгли по случаю пасмурной погоды, распространяется тепло. Скоро в столовую войдет, держа огромное блюдо, повар Нури – как всегда в торжественных случаях, на цыпочках. Все с нетерпением этого ждали и как будто гадали: на цыпочках войдет Нури или нет?

– Вы видели? Когда разделявали барашка, у него из желудка выпал большущий камень. Вот такой величины! – И Рефик, младший сын Ниган-ханым, начертил пальцем на скатерти кружок.

«Моему младшему всегда все было интересно. Это любопытство у него от меня», – подумала Ниган-ханым.

– Этаким камень выпал из барашка? Ничего себе! – сказал старший сын Осман.

Утром в саду за домом, как всегда во время Курбан-байрама, были зарезаны две козочки и барашек. Ниган-ханым была рада, что ее семья придерживается этого обычая. Она подумала, что благодаря этому чувствует себя сильнее, и прищурилась.

– Да где же наконец еда? – спросил нетерпеливый, как всегда, Джевдет-бей.

Увидев, что сидящий рядом муж уже держит вилку в своей покрытой старческими пятнами руке, Ниган-ханым с неудовольствием подумала: «Снова объестся!» Потом стала наблюдать за внуками: шестилетним Джемилем и восьмилетней Лале. Джемиль рассказывал сестре, как задрожало тело барашка, когда его зарезали, а та говорила, что не смотрела, потому что ей было очень страшно. «Какие у меня здоровые, славные внуки!» – подумала Ниган-ханым. Дочь Айше, как всегда, сидела молча и выглядела понуро.

Повар Нури вышел из кухни с большим блюдом в руках. Ниган-ханым заметила это раньше всех и весело, тоном матери, рассказывающей детям сказку, объявила:

– Все готово!

Не глядя на ноги Нури, она все равно поняла, что он идет на цыпочках. Прищурившись, наблюдала, как он ставит блюдо на стол. На некоторое время разговоры стихли, потом все оживились и стали смотреть на блюдо.

На позолоченном блюде среди горок риса, украшенного горошинами, лежали маленькие кусочки мяса. Но это было мясо не тех животных, которых резали утром в саду за домом. Жертвенное мясо не подавали на стол с тех пор, как лет десять назад Джевдет-бей был вынужден покинуть праздничный стол и удалиться в уборную на первом этаже (ту, в которой не было унитаза), где его и вырвало. Возможно, причиной тому был ликер, которого он в то утро выпил

больше чем нужно, но Джевдет-бей возложил всю вину не на ликер, а на свежее мясо, причем сделал это в крайне грубых выражениях и потом много еще чего прибавил. На следующий день Ниган-ханым одна поехала в дом своего отца-паши и со слезами жаловалась на мужа сестрам, Тюркан и Шюкран. Свежее мясо, по мнению Джевдет-бея, дурно пахло и было тяжело для желудка. Вспомнив об этом, Ниганханым порадовалась, что они решили больше его не есть. Потом, взяв ложки, она посмотрела на своих невесток, которые сидели рядышком как раз напротив нее. Не отказав себе в удовольствии немного подумать, кому из них дать ложки, в конце концов протянула их младшей невестке Перихан:

– Раздавай-ка сегодня ты!

Это был замечательный момент: Перихан, покрасневшись от волнения, смотрит на зажатые в руках ложки, Джевдет-бей, как всегда, первым протягивает свою тарелку, все улыбаются, предвкушая трапезу. Ниган-ханым, расчувствовавшись, смотрела на невестку и думала: «Какая она красивая! И волосы укладывает с большим вкусом. Голосок у нее, правда, тоненький, как у мышки, но это не беда. И Рефик счастлив. Я тоже такой была, когда мы с Джевдетом только поселились в этом доме. Хвала Аллаху, я и сейчас счастлива. В те дни мы искали мебель, чтобы обставить дом. Как славно было жить в новом доме, среди новых вещей...»

– А тарелки для салата почему нет? – ворчливо спросил Джевдет-бей.

«Ох ты, не поставили ему тарелку для салата! И как я не заметила?» – подумала Ниган-ханым и тут же окликнула прислугу. Посмотрела краем глаза на тарелку мужа и заметила, что на ней уже красуется целая гора еды. «А потом начнет клевать носом, плохо себя чувствовать», – подумала Ниган-ханым с раздражением. Потом, глядя на его седую голову, склоняющуюся к тарелке каждый раз, когда он брал новый кусок, на его длинный тонкий нос, она вдруг почувствовала, что ее переполняет нежность, и повернулась к своей тарелке. Поев немного, обратила внимание на то, что старший сын Осман о чем-то увлеченно говорит.

– Поскольку в Европе начнется война...

Ниган-ханым смотрела на Османа и что-то отвечающего ему Рефика и, как это всегда, когда заходила речь о войне, чувствовала сиротливое одиночество. Каждые лет пять непременно начиналась какая-нибудь война, сразу же отделявшая суровой и непреодолимой чертой ее мир от мира мужчин. К тому же все войны точь-в-точь похожи одна на другую, как и вообще все мужские споры. «И зачем спорить? Поговорили бы о чем-нибудь другом!»

Но братья, вопреки желанию матери, продолжали спорить. Осман говорил с таким выражением на лице и таким тоном, будто знал: то, о чем идет речь, не очень-то интересует собравшихся за столом, в том числе и его самого. «Что поделаешь, иногда нужно заводить беседу и о таких вещах!» – говорил весь его вид. Рефик, так же как и его брат, надевший к обеду пиджак и галстук, что-то отвечал Осману, время от времени вставлял какую-нибудь шутку и поглядывал по сторонам с таким видом, будто извинялся перед всеми за этот спор. И все-таки это был серьезный мужской спор, из тех, что Ниган-ханым терпеть не могла. «Когда они так спорят, слова не вставишь», – подумала она. Когда речь заходит о подобных вещах, мужчины становятся серьезными и важными, а женщины будто бы превращаются в бессловесные фарфоровые вазы. «А я смотрю на них и размышляю», – бормотала себе под нос Ниган-ханым. Тут она услышала, что в разговор вмешался голос мужа:

– Ну а ты, Нермин, что скажешь по этому поводу?

Должно быть, Джевдет-бей решил, что уже можно немного отвлечься от еды. Он очень любил подшучивать над своими невестками. Нермин от неожиданности покраснела, взглянула на мужа и начала что-то говорить, но Джевдет-бей прервал ее:

– Bravo, bravo! Мясо, кстати, хорошее получилось.

Нермин замолчала. В воздухе повисло молчание.

– И правда хорошее, – сказала Ниган-ханым.

И снова молчание. Затем опять застучали по тарелкам вилки и ножи, послышались разговоры и смешки, и вот уже за столом началась обычная праздничная болтовня. Ниган-ханым, прищурившись, смотрела на свою семью и радовалась. «Опять я щурюсь!» – сказала она себе вскорее.

Пока не принесли второе блюдо, фасоль в оливковом масле, за столом успели поговорить снова о войнах, о последних событиях в Германии, о друге Рефика Омере, недавно вернувшемся из Европы, об открывшейся в Османбее⁴² новой кондитерской и о трамвае, который, как говорили, собираются пустить от Мачки до Туннеля.

Когда Эмине-ханым ставила на стол фасоль, Ниган-ханым взглянула на тарелку Айше и расстроилась: опять она ничего не съела!

– А ну-ка доедай, – быстро сказала она.

– Ну, мама... Мясо очень жирное!

– Замечательное мясо. Остальные же съели.

Ниган-ханым подвинула тарелку дочери к себе и начала отрезать от мяса жирные куски и собирать в кучку разбросанный рис. «Вот всегда так! – думала она. – Вечно эта девчонка настроение испортит!» Подвинув тарелку обратно к дочери, она почувствовала, как нарастает в ней раздражение. «Вот рожай такую, шестнадцать лет над ней трясись, все для нее делай, и для чего? Чтобы она тут сидела с кислой миной на лице, квелая, унылая?»

– Ты думаешь, в каждом доме могут себе позволить есть такое мясо?

– Дорогая, оставь, ну что ты? Не хочет – пусть не ест, праздник все-таки, – вмешался Джевдет-бей.

Дочка была его любимицей. Возвращаясь вечером домой, он никогда не забывал ее поцеловать. «Только и знает, что потакать ей, а о том, к чему это может привести, не задумывается! Никакой ответственности!» Ниган-ханым лишь взглянула на мужа, нахмутив брови. Все знали, что означает этот взгляд: «Я ее воспитываю, а ты балуешь!»

«Если бы не я, она и на фортепиано не выучилась бы играть!» – подумала Ниган-ханым, а вслух сказала:

– Пусть фасоль тоже раздаст Перихан.

За фасолью говорили о самой фасоли, о снеге, который выпал накануне ночью и до сих пор лежал в укромных уголках сада, и о том, что в прошлом году в это время, а именно в первых числах марта, погода была вовсе не такой. Джевдет-бей рассказал, что изрядно промерз в мечети Тешвикийе во время утреннего намаза. Ниган-ханым, глядя на Айше, которая опять оставила еду на тарелке, думала о том, что снова ей не удалось сказать то, что хотелось. «Но только вот что именно мне хотелось бы сказать?» Она и сама в точности не знала. В голове крутилось слово «веселье», но им и так весело. Праздник, в такие дни веселье рождается само собой. «Я прямо как моя покойная мама!» – подумала Ниган-ханым, вспоминая, как ее мать, сидя в кресле на женской половине особняка в Тешвикийе, говорила, прикрыв глаза: «Доченька, хочется мне чего-нибудь поесть, а чего, не знаю!»

Эмине-ханым подала на стол апельсиновый кадаиф⁴³ – собственное изобретение повара Нури. «Вот и этот праздник кончается», – сказала себе Ниган-ханым. Заканчивался праздничный обед, которого она так долго ждала. Закончится обед, закончится праздник, и она будет ждать наступления других похожих дней, которые придут и уйдут, останется лишь печально смотреть им вслед. Река времени будет течь по своему руслу, порой поблескивая на солнце.

Апельсиновый кадаиф вышел на славу, сливки были свежими, но никто, кажется, не спешил их доедать – не хотелось, чтобы этот обед кончился. Ниган-ханым снова сказала себе, что нужно чаще использовать стоящие в буфетах сервизы, и принялась за кадаиф.

⁴² *Османбей* – район в европейской части Стамбула к северу от Нишанташи.

⁴³ *Кадаиф* – кондитерское изделие из теста с сахарным сиропом.

Как всегда, первым из-за стола встал Джевдет-бей. Вслед за ним поднялся Рефик. «Ну вот и все, – подумала Ниган-ханым, опуская в сливки последний кусочек кадаифа. – Хорошо бы они когда-нибудь усвоили, что из-за стола надо вставать всем вместе!» Джевдет-бея, конечно, воспитывать уже поздно, а вот Рефику только двадцать шесть, его, наверное, еще можно чему-нибудь научить. Когда из-за стола встала Перихан, Ниган-ханым решила, что не хочет оставаться последней, тихо поднялась и подошла к Джевдет-бею, который сидел в кресле у окна, откинув голову и закрыв глаза, – должно быть, собрался вздремнуть после сытного обеда. Ниган-ханым нежно смотрела на его закрытые глаза и седые волосы и думала, что ей следовало бы рассердиться. «Спать он собрался! Нельзя сейчас спать. После обеда придет Фуат-бей с семьей».

Праздничное застолье подошло к концу. За спиной слышалось позвякивание убираемой посуды. «Чай будем пить из чашек с голубыми розами!» – сказала себе еще раз Ниган-ханым.

Глава 3. После обеда

Увидев подошедшую к нему с недовольным видом Ниган-ханым, Джевдет-бей сказал про себя – так, словно разговаривал с ней: «Дорогая, я подремлю немножко... Спать не буду, не бойся, только чуть прикорну... Закрою глаза и тихо посижу. Может, и забудусь, но совсем ненадолго...» Он сидел в своем любимом кресле и наслаждался лучшим, послеобеденным временем дня – вот только ощущал некоторую незавершенность удовольствия из-за того, что не мог позволить себе нормально, полноценно поспать. Чтобы немного утешиться, он сказал сам себе: «Немного погодя выкурю сигарету!» Курить ему разрешалось только три раза в день. Джевдет-бей представил себе запах табачного дыма и чирканье спички. Потом понял, что закрыл глаза, – вокруг остались только звуки, запахи и тепло. Знакомые, привычные звуки доносились от обеденного стола, с узкой маленькой лестницы, ведущей на кухню, из других комнат и с других лестниц, из сада и с улиц; звуки наполняли комнату, заставляли подрагивать оконные стекла и хрустальные подвески на люстре. Вот Нермин говорит что-то своим детям, вот Эмине-ханым идет в тапочках по паркетному полу... Нури на кухне открыл и закрыл кран, Айше наливает в стакан воду из графина – она любит пить после еды... Рефик ше лестит страницами газеты... Трамвай медленно приближает ся к повороту... Все эти знакомые успокаивающие звуки, казалось, приглашали его поспать. «Нет, спать мне нельзя. Фуат придет! Посидим, поговорим, вспомним прошлое. Прошкое... Мою жизнь под этой крышей... Я все даты помню. Дом купил в тысяча девятьсот пятом. Женился. Тогда как раз было покушение на султана. Потом младотурки пришли к власти, восстановили конституцию. Потом я приобрел соседний сад. Во время войны разбогател на поставках сахара, на эти деньги привел тут все в порядок. Моя компания стала процветать. Когда Осман захотел жениться, мы с Ниган перебрались на верхний этаж. Это было через четыре года после установления республики...⁴⁴ Потом внуки пошли. Вот эту печку, в которую сейчас бросают уголь, мы купили шесть лет назад. Когда и что – все помню, потому что сам всем этим занимался. В каком бишь году пустили трамвай в Мачку? Хрустальная сахарница, с которой сейчас сняли крышку, была частью приданого Ниган. О чем это они разговаривают?»

– А ну-ка поднимайтесь наверх и ложитесь спать! – Это была Нермин.

– Но мы хотим конфет!.. – Голос одного из внуков.

– Сейчас я подам Джевдет-бею кофе. А вам? – Это служанка Эмине-ханым.

– Тсс, не шумите! – Шепот Ниган.

Мимо кто-то прошел на цыпочках.

– Ты сейчас пойдешь в свою комнату? – Это Перихан.

– Наверху не играйте, сразу ложитесь спать! – А это Осман.

Голос повара Нури:

– Пришли сторожа, ждут.

– Когда приедет дядя Фуат, вернетесь. А сейчас идите и поспите хорошенько.

– К тете Мебруре поедем послезавтра. А завтра – к тете Шюкран.

«Вот ради этого все и было, – думал Джевдет-бей. – Покой, тепло, гудящее в печке пламя, милые сердцу голоса, дом, в котором все работает как часы». Он чувствовал себя беспечным, словно во сне, и все кругом было прекрасно и замечательно. На какое-то время стало тихо. «Ну вот, решили меня не беспокоить», – подумал Джевдет-бей и понял, что не уснул бы, даже если бы мог себе это позволить. За обедом он переел, хотелось курить, да и кофе скоро подоспеет. Когда он закрыл глаза и перенесся в мир воспоминаний и образов, внешняя его оболочка осталась среди них, родных людей. «Ходят, позевывают, разговаривают, едят конфеты, посматри-

⁴⁴ Турецкая Республика была провозглашена в 1923 году.

вают на меня, сидящего в кресле... Потом лягут спать и утром поедут наносить праздничные визиты. Эх! Не хочу я ехать завтра с Ниган в старый особняк! И братьев ее, сыновей паши, не хочу видеть... Ладно, не буду сейчас об этом думать. Лучше послушаю звуки и голоса».

– Кофе!

– Джевдет-бей, кофе подан!

Надо же, а он и не услышал, как несут кофе.

Джевдет-бей открыл глаза, заморгал от яркого света, но сразу привык. Рядом стояла Эмине-ханым, ставила чашку с кофе на трехногий столик у кресла. «Теперь можно и покурить!» Джевдет-бей взял со столика пачку сигарет, которую положил туда еще утром, и спички. Эта сигарета была самым большим удовольствием дня.

Семейный доктор Изак запретил ему выкуривать более трех сигарет в день. Полгода назад он перенес сердечный приступ – по словам доктора, очень серьезный, а по мнению самого Джевдет-бея – пустячный. Сначала доктор Изак хотел вообще запретить Джевдет-бею курить, но упрямства пациента преодолеть не смог и в конце концов разрешил ему три сигареты в день. Теперь Джевдет-бей курил после завтрака, после обеда и после ужина. Ниган-ханым пересчитывала сигареты, остающиеся в пачке. Джевдет-бей поначалу пытался несколько раз сплутовать, но был пойман; Ниган-ханым устраивала скандалы и плакала. Эта сигарета была второй за день. «Вот я стал меньше курить – и что толку? По-прежнему как поднимаюсь по лестнице, так становится плохо, по-прежнему иногда начинаю задыхаться. Страшно!» Снова он пожалел, что нельзя лечь поспать.

Докуривая сигарету. Джевдет-бей услышал, как на втором этаже большие часы с маятником пробили два. Ниган-ханым заметила, что Фуат-бей задерживается.

– Сейчас приедут... Скоро... – сказал Джевдет-бей.

Наступило долгое молчание. Было слышно, как по улице прошел трамвай, свернул за угол. Рефик сложил газету и ушел вместе с женой наверх. Пришла Эмине-ханым, убрала пустые чашки. Ниган-ханым стала смотреть в окно. Потом Джевдет-бей почувствовал, что глаза его снова закрылись. И тут наконец послышался звон колокольчика, привязанного к садовой калитке.

– Приехали! – сказала Ниган-ханым, поднимаясь с места.

Джевдет-бей тоже встал и медленными, осторожными шагами пошел вслед за женой в прихожую. Пока Ниган-ханым открывала входную дверь, он изучал свое отражение в большом зеркале, обрамленном широкой рамой: галстук сбился, брюки обвисли, волосы растрепаны, пиджак помят и лицо тоже помято. Джевдет-бей пригладил волосы рукой. Ему шел шестьдесят девятый год, но глаза до сих пор были ясными. «Немного сгорбился, да шея стала как будто короче – но и только!» На улице встречные смотрели на него с одобрительной улыбкой. Это было самое важное: уродливый и неприятный старик из него не вышел. Придя в хорошее расположение духа, Джевдет-бей направился к двери, а когда увидел жену и сына Фуат-бея, быстрыми шагами поднимающихся по лестнице, ощутил прилив бодрости.

– Рад вас видеть, очень рад! – сказал он и сделал несколько шагов навстречу гостям. Обнял Фуат-бея, поцеловал руку Лейле-ханым, потрепал по голове Ремзи, склонившегося поцеловать его руку. Проведя пальцами по густым волосам Ремзи, немного расстроился, вспомнив, как сам он постарел.

Церемония приветствий не затянулась. Дамы быстро обнялись и поцеловали друг друга в щечку. Джевдет-бей подумал, что этот обычай до сих пор кажется ему странным. Не привыкли к нему, похоже, и женщины: обменявшись поцелуями, они взглянули друг на друга, словно говоря: «Ну вот, это нужно было сделать, и мы сделали. Как, интересно, мы при этом выглядели?»

Потом прошли в гостиную. Настроение у всех было замечательное. Джевдет-бей с нежностью смотрел на Фуат-бея и приговаривал:

– Ну вот, праздник... Снова праздник!

Ниган-ханым и Лейла-ханым завели разговор о погоде. Лейла-ханым рассказала, что сюда они пришли пешком из дома ее отца в Шишли. От всех ее движений веяло здоровьем; глядя на нее, Джевдет-бей снова вспомнил, что ему не удалось поспать после обеда. Ниган-ханым рассказала, как она замерзла утром, когда резали барашка и козочек, а Джевдет-бей поведал, как холодно было в мечети. Он все еще ходил по праздникам в мечеть. Лейла-ханым сказала, что ее отцу нездоровится. Джевдет-бей спросил, в чем дело, и Фуат-бей рассказал, что у тестя неладно с почками. Ниган-ханым вспомнила, что муж тети Мебруре тоже жаловался на почки и ездил в Белградский лес⁴⁵ к источнику Чир-чир, а потом сразу перевела разговор на Ремзи: как быстро он вырос, каким высоким стал. Лейла-ханым сказала, что да, он очень быстро растет, а еще зубы у него плохие. Тут Ниган-ханым окликнула Эмине-ханым и велела ей сходить наверх и позвать сыновей, невесток, дочь и внуков.

«Они, видать, заснули, – подумал Джевдет-бей. – А что гости пришли, им и дела нет. Эх, постарели мы!» Когда молодое поколение, весело переговариваясь, спустилось в гостиную, рассыпалось по ней, точно каленый горох из пакета, и принялось здороваться с гостями, Джевдет-бей снова загрустил. «Спать хочется... А они все такие бодрые, здоровые...» Отметив, что кофе не разогнал сон, он решил повнимательнее следить за разговорами вокруг.

Лейла-ханым говорила о Ремзи: поглядывая то на сына, то на хозяев дома, жаловалась, что он в последнее время совсем от рук отбил. При этом она улыбалась, а ее пухлощекий сын тихонько болтал ногами с видом давно привыкшего к подобным разговорам ребенка; поэтому все слушали Лейлу-ханым с улыбкой. Ниган-ханым, с пониманием вы слушав гостью, начала говорить о том, что в этом возрасте все дети становятся немного непослушными и своевольными – взять хотя бы ее сыновей. И она рассказала несколько историй о юношеских шалостях Османа и Рефика. Все слушали ее с веселым интересом. Потом Ниган-ханым велела горничной позвать Айше. Лейла-ханым сказала, что давным-давно не видела девочку. Теперь пришла очередь хозяйке дома жаловаться, а гостье – терпеливо ее выслушивать. Выслушав же, Лейла-ханым стала хвалить Айше и говорить, как она ее любит. Потом речь зашла о трамвайной аварии, случившейся пару дней назад на улице Шишхане, известной своим крутым спуском. В аварии погибло четыре человека, о ней писали все газеты. Ниган-ханым послала узнать, готовы ли чай. Все с удивлением посмотрели на часы и заговорили о том, как быстро пробежало время. Джевдет-бей решил, что настал удобный момент повспоминать с Фуат-беем старые времена, но, взглянув на друга, увидел, что тот занят разговором с Османом. Разговор у них шел о серьезных вещах, обсуждать которые во время праздничного визита было вроде бы не к месту.

«Они не хотят со мной говорить!» – подумал Джевдет-бей. Он знал, о чем шла речь: о будущем экспортно-импортной компании, которую они учредили совместно с Фуат-беем после младотурецкой революции, когда тот перебрался из Салоник в Стамбул. С установлением республики компания немного захирела, но в последнее время ее дела как будто пошли на лад. Руководил ею один пронырливый тип, получивший экономическое образование в Европе. Осман хотел этого типа из компании выставить, а саму компанию напрямую подчинить компании Джевдет-бея. Джевдет-бей не соглашался с сыном, говоря, что эта компания не имеет большого значения. Что до Фуат-бея, то он, как всегда, благосклонно отнесся к предложению, сулившему ему выгоду. «Они не хотят, чтобы я вмешивался в это дело. Я уже старый... Фуату, правда, столько же. Но он позже обзавелся семьей. Дождался революции и удачно женился». Джевдет-бей краем глаза взглянул на Лейлу-ханым. «К тому же он не работал так напряженно, как я. Здоров как бык!» Чтобы не расстраиваться, Джевдет-бей решил подумать о чем-нибудь другом – словно выпил горькое лекарство и хотел чем-нибудь заесть его вкус.

---

⁴⁵ *Белградский лес* – крупнейший парк Стамбула, находится в европейской части города на некотором удалении от Черного моря.

Потом он поднял голову и стал смотреть на гипсовую лепнину, которая когда-то, когда он приходил осматривать дом перед покупкой, привлекла его внимание. Между лавровыми ветвями и разнокалиберными розами парили упитанные ангелочки. «Хотел я создать семью на европейский манер, а в результате все равно получилось на турецкий». Джевдет-бей улыбнулся, вспомнив, как пошутил когда-то покойный брат: «Рано или поздно все, кто хочет сделаться европейцем, возвращаются к тому, с чего начинали. И это очень по-турецки!» Опустив взгляд, он посмотрел на беседующих. Фуат-бей что-то говорил, Осман кивал в ответ. Джевдет-бей стал сурово на них смотреть, желая показать, что ему все это не нравится. «Надо бы им понять, что семейные дела и коммерцию смешивать не следует». Потом он снова поднял взгляд к потолку. Один из ангелочков как будто смотрел прямо на него и улыбался. А внизу, в реальном мире, по-прежнему разговаривали. «Все утро руку мне целовали, а теперь и замечать не хотят!» Из комнаты, где стояли инкрустированная перламутром мебель и фортепиано, послышалась музыка. Только что туда зашла Айше. Звуки музыки, резкие, нестройные и холодные, не трогали душу. «Ниган тоже когда-то играла. Когда я ее впервые услышал, пришел в восторг, всем об этом с гордостью рассказывал – но полюбить это брэнчание так и не смог». Эминеханым начала разносить чай.

За чаем Ниган-ханым рассказала, что фарфоровые чашки с голубыми розами достались ей от покойной матери. Об этих чашках и связанных с ними воспоминаниях она уже рассказывала раньше во время праздников, а иногда и просто так, но все равно все внимательно ее слушали. Потом Лейла-ханым рассказала о доставшейся ей от матери серебряной сахарнице. Вставила словечко и Перихан, – оказывается, у ее матери тоже была точно такая же сахарница. Ниган-ханым сказала Айше, чтобы та взяла еще пирожок, и начала рассказывать, как повар Нури их готовит. Тут пришел сам Нури и протянул Джевдет-бею два почтовых конверта, сказав, что дал почтальону на чай.

Джевдет-бей сразу узнал почерк на первом конверте. Он принадлежал бухгалтеру Садыку, у которого было заведено на каждый праздник посылать Джевдет-бею поздравительную открытку из тех, что выпускало Турецкое авиационное общество. Джевдет-бей вскрыл конверт и посмотрел на изображение летящего меж облаков самолета. «Все время одно и то же», – вздохнул он, но не расстроился. «А чего расстраиваться? Только вот постарел я, это другое дело». Второй конверт он вскрывал медленно, не ожидая ничего плохого. В коротком письме выражалось почтение самому Джевдет-бею и всей его семье. «Чья же это подпись?» Джевдет-бей боялся узнать ее, но сомнений не было. «Зийя Ышыкчи. Конечно он!» Два года назад, когда был принят закон, предписывающий всем гражданам Турецкой Республики выбрать фамилию, Зийя взял себе ту же фамилию, что и его дядя⁴⁶. Джевдет-бей то приближал письмо к глазам, то отдалял его, словно не мог разобрать букв. «Я его отдал в военное училище, и он стал офицером». Воспоминания о Зийе у Джевдет-бея были не самые приятные. Вложив письмо в конверт, он подумал: «С чего это он столько лет спустя вдруг решил о нас вспомнить?» – и покачал головой, как это с ним бывало, когда он о чем-нибудь напряженно раздумывал. Потом решил забыть об этом письме и убрать его с глаз долой.

– От кого поздравления? – спросил Фуат-бей.

– От старых друзей! – ответил Джевдет-бей, насупившись.

– Что, неужели из Вефа?

– Да нет же! Ты ведь знаешь, у меня там не осталось никаких связей!

Глупый вопрос разозлил Джевдет-бея, и он нахмурился. Требовалось сменить тему.

– А наш дом на Хейбелиаде⁴⁷ уже почти достроен! – сказал он, смягчив выражение лица. Тема эта была, конечно, не нова, но что поделаешь. – В конце месяца должны покрыть крышу.

⁴⁶ Ышыкчи (тур.) – осветитель.

⁴⁷ Хейбелиада – один из Принцевых островов.

Хорошо бы поехать туда весной! И вы, конечно, приезжайте. Туда теперь ходит новый пароход, от моста до острова всего два часа.

– Очень за вас рад! – улыбнулся Фуат-бей.

– Да, вопрос с летним домом теперь наконец решен! – сказал Джевдет-бей и бросил взгляд на Ниган-ханым. Потом смутился и стал смотреть в окно, на площадь Нишанташи.

Когда уже начало темнеть, колокольчик на садовой калитке снова зазвенел. Потом из прихожей донеслись шум, радостные возгласы. Засмеялся кто-то из внуков.

Немного погодя в гостиную вошел рослый, широкоплечий, красивый молодой человек. Вслед за ним из-за двери выглянул Нури и сказал:

– Это я первый заметил Омер-бея и узнал его!

«Так вот это, стало быть, кто такой! – подумал Джевдет-бей, глядя на подвижного, как ртуть, Омера. – Как же я его сразу не узнал?» Протягивая руку для поцелуя, он удивился, до чего же ясные у молодого человека глаза.

Джевдет-бей дал гостю время со всеми поздороваться и всех поздравить, а потом, желая поговорить с пышущим юностью и здоровьем молодым человеком, пригласил его присесть на стоящий рядом стул.

– Садись-ка сюда и рассказывай, что поделывал в Европе? Что там нового, чем сейчас думаешь заниматься?

– Собираюсь работать на строительстве железной дороги из Сиваса в Эрзурум⁴⁸.

– Так далеко? – Джевдет-бей удивленно покачал головой. – Молодец, молодец! Ну а в Европе чем занимался? Что там сейчас делается, расскажи-ка, развлечения старика!

Омер начал рассказывать о том, чему он учился, в каких городах побывал, и о своей жизни в Англии, но Джевдет-бей вскоре понял, что не прислушивается к его рассказу, – ему было интересно не то, о чем говорил Омер, а сама его молодость и бодрость, наполнявшая, казалось, всю гостиную. Да и все собравшиеся внимали ему так, будто не рассказ о Европе слушали, а впитывали разлитую в воздухе молодость. Они словно чувствовали, что Омера переполняет что-то такое, чего нет в них самих, и пытались понять – что же именно. Вот поймут и сами станут такими же, как он. «Молодость... Молодость молодостью, но не в этом дело», – пробормотал себе под нос Джевдет-бей. «Вот сейчас поцеловал он мне руку. Но не как другие – не глядел на меня при этом, как на старого чудака, который обидится, если ему не выказать уважения. Где он этому научился? Там, что ли?» И Джевдет-бей глубоко вздохнул.

«Там» он однажды и сам побывал. На второй год после свадьбы они с Ниган отправились в путешествие по Европе. Доехали до Берлина, но с тех пор больше за границу не выезжали. Несмотря на то что Джевдет-бей всю свою жизнь вел торговые дела с европейскими странами, поездки туда он считал пустой тратой денег. Если уж тратить деньги, полагал он, так на нужды компании или на что-нибудь существенное, вроде дома на Хейбелиаде. Сейчас его уверенность впервые пошатнулась – мысль об этом мелькнула у него в голове, но задерживаться на ней он не стал, потому что подобные мысли не вызывали у него теперь ничего, кроме пустой и ненужной усталости. «Спать мне хотелось, вот что!»

Он снова начал прислушиваться к разговору, но Омер уже не рассказывал ничего интересного: повернувшись к Ниган-ханым, говорил о своей тете и ее муже, потом упомянул, что встретил в поезде Саит-бея. Ниган-ханым тут же сказала, что их с Джевдет-беем свадьба была как раз в том доме, где живет Саит-бей. Так и не сумев понять, каким же неведомым качеством обладает Омер, женщины как будто решили развеять чары и начали задавать ему самые обычные вопросы, чтобы он стал похожим на них самих.

Когда чай разливали по второму разу, Омер и Рефик поднялись и сказали, что пойдут наверх, в кабинет. Джевдет-бей расстроился: вместе с ними комнату покидала и та атмосфера

⁴⁸ Сивас и Эрзурум – города в восточной части Анатолии.

бодрой, живой молодости, которая появилась после прихода Омера. Глядя ему вслед, Джевдет-бей подумал: «Интересно, каким я ему показался?» Часы с маятником пробили шесть, и он почувствовал, что устал. Утром встал рано, по старой, приобретенной еще в Акхисаре привычке сходил к праздничному намазу, в мечети замерз. Вернувшись, выпил ликера, за обедом переел. Поспать не удалось. В разговорах, можно сказать, не участвовал – больше слушал других и размышлял. Близилось время вечернего намаза. Ни в чем не было ни малейшего недостатка – тяжелое же чувство недовольства, опустившееся на него, как роса опускается на траву, было следствием избытка. «Ничего я сейчас не хочу, только спать!» – сказал сам себе Джевдет-бей и с удовольствием зевнул, не размыкая, однако, губ. На глазах у него выступили слезы.

Глава 4. Старые друзья

Вслед за Рефиком Омер поднялся наверх. Войдя в кабинет, он стал внимательно его оглядывать, словно думал найти забытую здесь четыре года назад вещь.

– Ну что, как тебе у нас? – спросил Рефик.

– Когда я заходил в контору, твоего отца там не было. Как он, оказывается, постарел!

– Да, за последние годы он очень изменился.

– Четыре года назад был бодрым, энергичным – и вот каким стал. – Омер сторбился и опустил руки. – И говорит теперь медленно.

– Плохо это, конечно.

– Да, жаль.

Омер подошел к книжному шкафу с раздвижными створками, склонил голову набок и стал читать названия на корешках.

– Книги, книги... Ты все их прочел?

– Нет, – рассмеялся Рефик. – Покупаю, а читать – не читаю. Все думаю, что надо бы, да не получается. Курить будешь?

– Это потому, что ты женился, – сказал Омер, но Рефик не захотел развивать эту тему.

– Если хочешь открыть, толкай в другую сторону, – сказал он, подошел к другу и открыл одну из створок.

Взяв наугад книгу, Омер подошел к столу:

– Мухиттин, вот кто наверняка читает. Как, кстати, его поэтическая карьера?

– Да он сейчас сам сюда придет. Ты ведь останешься на ужин?

– Нет, я должен ехать в Айзапашу⁴⁹. Пообещал одному родственнику. Ты его, может быть, знаешь – депутат от Манисы⁵⁰ Мухтар Лачин.

– Кто он тебе?

– Сам толком не знаю. Моя мать приходилась его покойной жене не то сводной сестрой, не то еще кем – не могу вспомнить.

– Да ты вечно все забываешь, – сказал Рефик как будто немного обиженно.

– Нет, дружище, только эти родственные связи никак не уложатся у меня в голове. А больше я ничего не забыл.

– Ладно. Так как тебе у нас?

Омер обвел кабинет взглядом:

– Здесь, например, все осталось как было. Ничего не изменилось. А в доме, как всегда по праздникам, оживление, шум. Сейчас даже оживленнее, чем раньше: вас ведь стало больше. – И Омер улыбнулся.

Рефик тоже улыбнулся, будто вспомнил что-то приятное, а потом покраснел:

– Вот, как видишь, женился я.

– И правильно сделал.

Рефик, не обращая внимания на его слова, продолжал, словно жалуясь:

– Женился... Жена у меня, сам видишь, красавица, мы друг друга очень любим. Работаю в отцовской конторе – вместо инженерного дела занимаюсь вместе с ним коммерцией. Покупаю книги, а читать не получается. Женился – вот и все, что я сделал за эти четыре года. Но я не жалею, не думай.

– Да и с чего тебе жаловаться? – спросил Омер. Краем глаза взглянул на лежащую перед ним книгу, потом поставил ее на место. – У меня на чтение тоже времени нет. Раньше я мог

---

⁴⁹ *Айзапаша* – один из кварталов района Таксим.

⁵⁰ *Маниса* – город в западной части Анатолии.

позволить себе иногда почитать. А теперь думаю: и как у других получается? У меня внутри все кипит. Хочется жить – вволю, досыта. Мне нужно многое сделать. – Омер начал ходить по кабинету из угла в угол. – Вот увидишь, как много я сделаю!

– Ты окончательно решил, что будешь работать на строительстве железной дороги?

– Да. А может... Я ведь внизу так сказал? Но я еще не окончательно решил, нет. Впрочем, не так уж важно, какое решение я приму. Важно то, что я с каждым днем все сильнее испытываю жажду деятельности. Ты меня понимаешь? Я многое хочу сделать. Все покорить, всем овладеть... Дайка сигарету. Ты меня понимаешь?

– Очень хорошо понимаю, – сказал Рефик, которому тоже передалось волнение друга.

Омер остановился у окна:

– Вот этот сад... Он совершенно не меняется. Каштаны и липы точно такие же, какими были четыре года назад. А я хочу, чтобы все менялось, летело сломя голову, чтобы каждый день было что-то новое! Даже не так. Я хочу сам все менять. Оставить свой след, перевернуть все вверх дном! – Он снова начал ходить по кабинету.

Рефик взволнованно слушал друга, чувствуя, как в душе у него происходит какое-то странное, внушающее тревогу движение, и время от времени поддакивал.

Дверь вдруг открылась, и в кабинет вошла Эмине-ханым, неся на подносе чай:

– Вот, молодые люди, принесла вам чай. Омер-бей, я вас сразу узнала, как увидела. Вы ничуть не изменились. Я положила вам в чай лимон, как вы любите, – я все помню!

– И правда люблю. Спасибо!

– И улыбаетесь вы совсем как раньше. Ничуть не изменились! Да и у нас все по-старому... – Выходя из кабинета, она обернулась к Рефику. – Не принести ли вам тех маленьких пирожков, бей-эфенди?

– Не надо, – сказал Рефик. Потом, смутившись, бросил взгляд на Омера и, когда дверь закрылась, сказал ему: – По поводу женитьбы я тебе вот что скажу... Перихан мне очень... очень нравится. Я хотел и тебе посоветовать жениться, но передумал. Не знаю даже, что тебе посоветовать...

– Почему?

– Не знаю, не знаю! Сказал вот, а сам не знаю... – быстро заговорил Рефик. Ему явно не хотелось, чтобы друг подумал, будто он жалуется. – Да... Об этом надо бы хорошенько поговорить... Но сегодня не получится, так ведь? В такой суматохе разве можно поговорить о чем-нибудь серьезном? Праздник, ничего не поделаешь! – И он нервно сцепил пальцы.

– Я тебя понимаю, – сказал Омер с улыбкой. – А вот ты меня понимаешь?

– Конечно, конечно... Мы об этом потом поговорим. Поставим внизу самовар, как раньше бывало, Мухиттин придет... До утра будем говорить!

– Да где он, кстати?

Дверь неожиданно открылась, и в кабинет вошел улыбающийся Осман.

– Привет, молодежь, привет! – сказал он. Сам Осман был старше их всего на несколько лет, но ему очень нравилось изображать из себя доброго дядюшку. – Как встретились, так сразу забились в уголок. В покер, что ли, будете играть? – Он сделал движение рукой, будто раздавал карты.

– Четыре года прошло, как мы последний раз играли, – сказал Рефик.

Осман рассмеялся, словно услышал веселую шутку:

– Так почему бы сейчас не повторить то, что было четыре года назад?

– Ну да, конечно, – сказал Омер. – Может, и сыграем снова. – Ему вспомнилась старая шутка. – Мы четыре года играли тут в покер, а ваша мать сидела внизу. Мы стали инженерами, а она никем не стала.

Это была шутка Ниган-ханым, которую она в свое время очень любила повторять, но Осман усмехнулся, как будто услышал ее впервые, и похлопал Омера по спине – неожиданно, но не сильно.

– Да, четыре года игры в покер... Кстати, вы ведь втроем играли. Где же третий?

– Мухиттин обещал прийти, – сказал Омер. – Я его, меж ду прочим, уже один раз видел.

– На ужин вы, конечно же, останетесь? Нет? Как же так? Это никуда не годится. Ну хорошо, тогда расскажи еще немного, что делал в Лондоне. Сильно они нас обогнали?

– Сильно!

– Да... Но у нас теперь тоже кое-что делается. Как тебе на родине? Виден прогресс, а?

Дверь открылась, и вошел Мухиттин – как всегда, резкими, быстрыми шагами. Внимательно поглядел на Османа, точно не был с ним знаком.

– Ну, вот и третий пришел! – оживился Осман. – А мы как раз о тебе говорили.

Мухиттин никогда не был особенно дружен с Османом, поэтому его, должно быть, удивило это горячее приветствие. Насмешливо улыбнувшись, он переспросил:

– О чем говорили?

– О тебе! – сказал Рефик. – Вспоминали, как мы в старые времена играли в покер.

Мухиттин пожал руку Осману. Потом осведомился у Рефика и Омера, как они поживают, уселся в кресло, стоящее в углу, взял со стола газету и принялся ее листать.

– Пожалуй, оставлю я молодежь наедине, – сказал Осман. Уже подойдя к двери, он остановился и спросил Мухиттина: – Как поживает твой сборник стихов?

– Спасибо, неплохо, – пробормотал тот.

– Да, оставлю-ка я вас наедине. Вы теперь инженеры, а мама так никем и не стала. – Он еще раз усмехнулся и осторожно прикрыл за собой дверь.

– Что случилось? – спросил Омер. – Почему ты нынче такой смурной?

– Ты же знаешь, я его недолюбиваю, – кивнул Мухиттин в сторону двери. – Или забыл? Ты, Рефик, не обижаешься на меня за то, что я так говорю?

– Нет, что ты!

– Кстати, а что вы обо мне говорили, пока меня не было?

– Да так, ничего особенного. Вспоминали старые шутки, – сказал Омер.

Замолчали. Никому не хотелось говорить. Слышны были голоса снизу и тиканье часов, стоящих у двери.

– Ох уж эти радости семейной жизни... – протянул Мухиттин. Встал с кресла, снял очки и начал протирать их платком.

– Ты их тоже недолюбливаешь? – спросил Омер.

– Даже и не знаю, что сказать. Не пойму: то ли любить, то ли ненавидеть.

Омер, улыбаясь, подошел к Мухиттину.

– Я тебя понимаю, – сказал он, положив руку другу на плечо. Поскольку он был намного выше Мухиттина, выглядело это так, как будто старший брат утешает младшего.

– Омер немного рассказал о себе, – сказал Рефик.

Мухиттин снова сел в кресло и надел очки:

– И что же ты рассказывал?

– Давай поговорим об этом как-нибудь потом.

– Хорошо. К тому же я сейчас надолго не задержусь. Мне нужно ехать в Бейоглу, я обещал. Зашел на минутку, чтобы тебя повидать.

– Все еще едешь в Бейоглу, а? – спросил Омер. Он думал, что друг в ответ улыбнется, но тот не стал ни улыбаться, ни делать смущенный или лукавый вид – нахмурился и посмотрел строго.

Тут открылась дверь, и на пороге снова появилась горничная с подносом в руках. На подносе стояли три чашки с чаем.

– А я тебя видела, негодник ты этакий, – укоризненно сказала Эмине-ханым Мухитину. – Сразу сюда убежал!

Увидев хмурое выражение на лице у Рефика, она больше не стала ничего говорить, взяла пустые чашки и ушла.

– Я не стал заходить на нижний этаж, – извиняющимся голосом сказал Мухиттин. – Увидел, что там гости...

– Когда будем уходить, зайдем туда вместе, – предложил Омер.

Снова замолчали, прислушиваясь к голосам внизу.

– А еще о чем говорили? – спросил Мухиттин.

– Ну я немного рассказал о своих планах и идеях. А Рефик говорил о супружеской жизни. Точнее...

– Да-да, об этом мы и говорили, – перебил Омера Рефик. Сейчас, однако, при словах о супружеской жизни на лице у него появилась счастливая, беспечная улыбка.

– Женитьба сделала его очень смиренным и благоразумным, – кивнул Мухиттин в сторону Рефика.

– Да он всегда таким был, – рассмеялся Омер.

Усмехнулся и Мухиттин:

– Это правда, но сейчас он стал еще более благоразумным, чем был.

Рефик посмеялся вместе с друзьями, но ощутил при этом какое-то смутное чувство вины. Потом Мухиттин начал рассказывать, как встретил по дороге одного своего школьного приятеля – из тех людей, которые словно специально созданы, чтобы другие могли над ними посмеяться. Затем начали вспоминать студенческую жизнь и еще больше развеселились.

Омер взял газету, которую только что листал Мухиттин:

– Гляньте, что пишут: «Вчера на площади Таксим произошло столкновение между трамваем и каретой, принадлежащей адвокату Дженапу Сорару. Карете причинен незначительный ущерб. Жертв нет». Узнаю Турцию! Английская газета такую, с позволения сказать, новость...

– Ты, выходит, теперь тоже, как некоторые, стал считать Турцию захолустьем? – внезапно перебил его Мухиттин. – Эту заметку напечатали, потому что в последнее время было много аварий, связанных с трамваями!

– Нет, он Турцию считает не захолустьем, а бесхозной страной, ждущей завоевателя, – вставил Рефик.

– Да нет, друзья, ну что вы такое говорите, – пробормотал Омер. – Ладно, мне пора. Ты ведь тоже пойдешь, Мухиттин?

Спускаясь по лестнице, они встретили Перихан. Рефик заметил, что жена покраснела, а друзья тоже как будто смутились.

Фуат-бей с семьей уже уехали. Джевдет-бей, сидевший, по обыкновению, в кресле, обрадовался, увидев молодых людей, и стал так настойчиво уговаривать их посидеть с ним немного, что пришлось согласиться.

– Ну что, куда теперь собираетесь? – спросил Джевдет-бей. – Развлекаться?

– Они-то уезжают, а я останусь, – сказал Рефик.

– Понятное дело. Ты теперь женатый человек. А вы, интересно, куда направляетесь? В Бейоглу бываете?

– Бываю время от времени, – сказал Мухиттин.

– Ишь проказник! Слишком-то не увлекайся. Я в молодости совсем нигде не бывал. Сейчас думаю: надо было пожить в свое время, погулять! Но семья и дело важнее, не правда ли? Ты сейчас где работаешь?

– В строительной компании.

– Молодец, хвалю! А ты, Омер, не засиживайся, ищи скорее работу. Здесь не Европа. Здесь все по-другому...

– Я знаю, эфенди, – сказал Омер, поднимаясь.

Джевдет-бей, протягивая ему руку для поцелуя, проворчал:

– Только посмотрите на них! Не успели присесть, уже убегают. А ведь могли бы многому еще у меня поучиться!

– Вы такие красивые, – вздохнула Ниган-ханым и тут же, видимо поняв, что к Мухиттину это определение никак не подходит, прибавила: – Такие молодые... Непременно приходите как-нибудь к ужину. Обещаете? Я буду вас ждать.

Осман заулыбался, снова вспомнив ту старую шутку.

Выйдя на лестничную площадку, Рефик увидел спускающуюся Перихан и встал так, чтобы ей было понятно: ему не хочется, чтобы она еще раз встречалась с его друзьями. «Зачем я так сделал?»

Рефик проводил Омера и Мухиттина до садовой калитки, взял с них слово, что они обязательно как-нибудь снова зайдут и тогда уж поговорят вволю, а потом смотрел им вслед, пока они не растворились в праздничной толпе, заполнившей площадь Нишанташи. «Всю мою юность, всю студенческую жизнь они были рядом со мной», – пробормотал он вслух и пошел назад. Снег, выпавший два дня назад, еще не растаял, лежал кое-где на земле и на ветвях деревьев. Дул резкий, холодный ветер, с ветвей слетали снежинки. Рефик поторопился вернуться в теплый дом. Присел около печки, согрелся и присоединился к беседе.

Глава 5. В другом доме

Простившись с Мухиттином, Омер отправился в Айаз-пашу, добрался до нужного дома и позвонил в дверь квартиры, занимавшей целый этаж. Горничная открыла дверь, сообщила Омеру, что его уже ожидают к ужину, приняла у него пальто и проводила в ярко освещенную гостиную. Омер поздравил с праздником депутата меджлиса Мухтар-бея, которого до этого видел один раз в жизни, его дочь Назлы, которую помнил маленькой девочкой, и сестру Мухтар-бея Джемиле-ханым. Потом Мухтар-бей познакомил Омера еще с одним гостем, тоже депутатом меджлиса, и пригласил садиться за уже накрытый стол. Как только он сел, хмурая горничная принесла еду, и началась беседа.

Омер собирался зайти сюда, к Джемиле-ханым, чтобы взять причитающуюся ему долю арендной платы за один дом в Ускударе, который находился в их совместном владении из-за запутанного вопроса о наследстве. Утром он позвонил сюда, чтобы договориться о времени прихода, трубку взял депутат меджлиса и пригласил его к ужину. Однако, несмотря на то что именно он пригласил Омера, Мухтар-бей не выказал особого к нему интереса, предпочитая обсуждать со своим коллегой последние политические слухи. Омер же беседовал с Джемиле-ханым, которая была только рада, что молодой человек оказался в ее полном распоряжении. Джемиле-ханым было уже за пятьдесят; она никогда не была замужем, что не мешало ей быть женщиной веселой и добродушной. Разговор об общих знакомых и родственниках доставлял ей истинное наслаждение.

– Семья тети Алебру переехала в Чамлыджу. Дядя Сабри вышел на пенсию. Знаешь, чем он теперь занимается? Коллекционирует старинные деньги! Сначала это было просто увлечение, но теперь оно превратилось в манию какую-то! Что ни день, ходит в Капальчарши⁵¹. Продавал свой участок земли в Эренкёе⁵², без устали скупает серебряные монеты. Тетя Алебру очень расстраивается, но что она может поделать? Ты помнишь тетю Алебру?

Беседуя с тетей Джемиле, Омер одновременно краем уха прислушивался к беседе двух депутатов и порой поглядывал на Назлы.

– Конечно помню!

– Да и как тебе ее не помнить! – Джемиле-ханым повернулась к Назлы. – Ты-то не помнишь, конечно, но ты тогда тоже была с нами. Однажды весной мы все вместе поехали в Ихламур⁵³, отдохнуть на природе – сейчас это называется «пикник». Тетя Алебру очень любила Омера... И сейчас, конечно, любит. А ты к ней до сих пор не зашел. Почему, интересно мне знать? Негоже забывать родных. Ты бы только знал, как они обрадуются, когда тебя увидят!

– Да вот времени все не хватает, тетя Джемиле.

– Времени ему не хватает! Вот и я про то же!

Пока не пришел черед блюда с оливковым маслом, Джемиле-ханым все говорила о родственниках, а депутаты – о политике. Когда же подали это блюдо, Мухтар-бей обратился к Омеру:

– Вы, стало быть, жили в Англии? – и обменялся с коллегой взглядом, говорившим: «Давай-ка мы вместе изучим этого занимательного молодого человека!» – Ну и как там, в Англии?

– Хорошо, эфенди!

– Замечательно! А политическая ситуация? Что говорят о войне Италии с Абиссинией?

---

⁵¹ *Капальчарши* – старинный крытый рынок в европейской части Стамбула.

⁵² *Эренкёй* – район в азиатской части Стамбула.

⁵³ *Ихламур* – район в европейской части Стамбула к северо-востоку от Нишан таши, в начале XX века – окраина города.

– За политикой, признаться, я не очень пристально следил.

– Да, молодое поколение совсем не интересуется политикой! Вот и дочь моя такая же.

– Да нет же, папа, я интересуюсь! – возразила Назлы.

– Да, ты у меня умница! – улыбнулся Мухтар-бей. Потом покачал головой, словно жалея о сказанных только что словах, и снова повернулся к Омеру. – Хорошо, а что они думают о нас?

– О ком?

– Э, да вы, я смотрю, никак не привыкнете к тому, что вернулись на родину. О нас, о Турции, конечно.

– Мы для них все еще страна фесок, гарема и паранджи.

– Вот как? Жаль, жаль! У нас уже очень многое сделано! – обиженно проговорил Мухтар-бей, словно столкнулся с ужасной несправедливостью.

– Мы не придаем этому значения, но это ведь очень важно! – сказал другой депутат. – Мы достигли больших успехов, и теперь нужно, чтобы об этом узнал весь мир!

– Но мир-то болен, дорогой мой! – сказал Мухтар-бей. – Войны не избежать, не так ли?

Вопрос он задавал, глядя на Омера, но так, словно не ожидал от него ответа или не думал услышать что-нибудь заслуживающее внимания.

Депутаты принялись обсуждать вероятность войны, положение в Испании и бои в Абиссинии. Джемиле-ханым смотрела на них с таким выражением, будто хотела сказать: «Ох уж мне эта ваша вечная политика!» А Омер впервые за вечер заговорил с Назлы.

Он спросил ее, что она изучает в университете. Выяснилось, что Назлы учится на филологическом факультете. Омер вспомнил, что у него учится там один родственник. Но это был родственник со стороны отца, и Назлы его не знала. Завершив этот короткий разговор, оба покраснели, словно сделали что-то нехорошее. Заметив, что Омер покраснел, Назлы покраснела еще сильнее – так ему, по крайней мере, показалось.

Когда ужин подходил к концу, в гостиную вошла пепельно-серая кошка. Назлы подозвала ее к себе, взяла на руки и приласкала. Тете Джемиле это не понравилось. Она высказалась в том смысле, что «ребенка», оказывается, ничему не научили – не знает даже, насколько опасны кошачьи волосы. Один богатый человек стал инвалидом из-за того, что кошачьи волосы попали ему в легкие! Видно было, что тетя Джемиле очень жалеет этого незадачливого богача. Омер тем временем получил возможность повнимательнее рассмотреть Назлы.

Лицо у нее было не то чтобы красивое, но приятное. Высокий лоб, большие глаза, маленький, как у отца, носик и в любой момент готовые улыбнуться губы. Выражение лица у нее было такое, будто она пытается вспомнить что-то важное. После ужина, когда Назлы, сложив руки на груди, присела в уголок дивана, Омер отметил, что его глаза все время пытаются остановиться на ней и что из-за ее присутствия в гостиной он испытывает некоторое волнение. Она напоминала ему не то любимую учительницу начальной школы, не то необыкновенно красивую немку из аристократической семьи, которая когда-то приходила в гости к его матери. И учительница, и немка, чей муж был генералом, были очень умными женщинами и часто складывали руки на груди – точь-в-точь как сейчас Назлы.

Перед кофе Джемиле-ханым вышла из гостиной и вернулась с конвертом и образцом договора. Теребя эти бумаги в руках, она начала рассказывать Омеру о доме, который они совместно сдавали в аренду, и о его съемщике. Не обращая внимания на то, что Омер упорно делает вид, будто все это его не интересует и он думает о чем-то другом, тетя Джемиле подробно изложила все относящиеся к делу сведения и только потом, облегченно вздохнув, передала ему бумаги. Все это время Омер, чтобы не смотреть на Назлы, гладившую кошку, и не показывать вида, что внимательно слушает тетю Джемиле, пытался прислушиваться к беседе

двух политиков. Мухтар-бей рассказывал о том, как встречался когда-то с Исмет-пашой⁵⁴, – так, словно речь шла о чем-то вполне обыденном.

Когда Джемиле-ханым наконец сказала все, что хотела сказать, Мухтар-бей как раз начал превозносить нынешнее правительство, возглавляемое Исмет-пашой. В стратегически важных местах своей речи он поглядывал на Омера, и взгляд его говорил: «Пожалуйста, расскажите своим друзьям-англичанам об этом правительстве, чтобы они поняли, какое оно замечательное!» При этом у него снова был вид несправедливо обиженного человека. В какой-то момент, прервавшись, он спросил Омера:

– А вы, молодой человек, что думаете обо всем этом?

– О чем именно, эфенди?

– О наших реформах, о Турции, о нас?

– Я согласен, эфенди! – ответил Омер, улыбнулся Назлы и тут же решил, что это было глупо.

Мухтар-бей раздраженно махнул рукой и скривил губы:

– С чем вы согласны? Или с кем? Ладно, не важно. Чем вы сейчас думаете заняться?

– Думаю зарабатывать деньги. Буду работать на строительстве железной дороги из Сиваса в Эрзурум.

– Стало быть, в первую очередь вы будете помогать осуществлению реформ. Эта железная дорога имеет огромное значение. На востоке сейчас неспокойно. Строительство этой железной дороги превратит Турцию в единое целое, принесет реформы на восток. Вы, таким образом, будете служить делу реформ. Вот как вам следовало бы говорить. А деньги – это дело десятое! – И Мухтар-бей посмотрел на Назлы, пытаясь прочесть в ее глазах одобрение. – Разве не так?

– Какой ты прогрессивный, Мухтар! – сказал второй депутат меджлиса.

– Нет, скажи, разве я не прав? – спросил тот, сел в кресло, с которого, разволновавшись, только что встал, и продолжил прерванный разговор.

Омер чувствовал себя немного обескураженным. Он сидел, поглядывая на Назлы и кошку у нее на коленях, и размышлял о словах Мухтар-бея. Потом заметил, что смотрит пустым взглядом на девушку, и смутился. В это время тетя Джемиле очень кстати снова пустилась в воспоминания:

– Это было в тот год, когда в Европе началась война. Твои покойные родители, покойный дядя Тевфик и я все вместе пошли в один ресторан, незадолго до того открывшийся в Бейоглу – нет-нет, не в Бейоглу, а рядом с Туннелем. Там было очень мило. В то время вообще было мало подобных мест, куда можно было пойти женщинам. Ты стал озорничать, мама твоя рассердилась, а я и говорю: дай-ка я возьму его на ручки, успокою. И вот взяла я тебя, укачиваю, а ты, негодник, знаешь, что сделал? Да еще на мое новое шелковое платье? И вот я тебя к себе прижимаю, чтобы твоя мама не увидела пятно и еще больше не рассердилась, и при этом... – Тут тетю Джемиле охватил приступ смеха.

Засмеялся и Омер, краем глаза поглядывая на Назлы. Та поморщилась – история явно показалась ей неприятной, и Омер рассердился на тетю за то, что она ее рассказала. Потом сделал вид, будто вспомнил о чем-то важном, и встал:

– Я, пожалуй, уже пойду.

Как он и ожидал, сначала его пытались отговорить, потом смирились и встали, чтобы проводить. Прощаясь, Мухтар-бей сказал Омелу:

---

⁵⁴ *Исмет Инёню* (1884–1973) – турецкий политический деятель, второй президент Турецкой Республики (1938–1950). В описываемое время занимал пост премьер-министра.

– Не забывайте о наших реформах. Всегда помните о них! Первым делом нужно думать о благе государства, а потом уже о своем собственном. Согласны? Передавайте привет вашей тетушке и ее мужу!

Тетя Джемиле тоже велела передавать приветы в Бакыр-кёй.

– И приходи к нам еще. Не придешь – обижусь, так и знай! Ты и сегодня бы не пришел, если бы не это. – Она показала на конверты, которые Омер держал в руках, и тут же извиняющимся голосом прибавила: – Нет-нет, это я пошутила!

Омер что-то отвечал тете, но внимание его было сосредоточено на Назлы, которая стояла у двери, по-прежнему с кошкой на руках. «Я буду завоевателем!» – вдруг сказал он сам себе. Пожал Назлы руку, погладил кошку по голове и пошел. Спускаясь по лестнице, снова пробормотал: «Буду завоевателем!» Джемиле-ханым прокричала ему вслед, чтобы надел пальто, потому что на улице холодно. На улице действительно дул холодный ветер. У больницы «Гюмюш-суйу» стояла армейская машина. По лестнице, прихрамывая и опираясь на плечи двух своих товарищей, поднимался солдат. Омер поймал такси и велел ехать в Бакыркёй.

По пути он вспоминал события этого длинного дня. Утром позавтракал с тетей и дядей, посмотрел, как режут барашка, пообедал у других родственников, после обеда поехал к Рефику. На улицах праздничного Стамбула, в просторных, жарко натопленных гостиных, заполненных большими шумными семьями, было что-то такое, от чего хотелось держаться подальше. Вспоминая прошедший день, он чувствовал, как нарастает в нем желание сломать, перевернуть с ног на голову что-нибудь в здешних порядках – только вот что? «Нет, я не хочу застыть в этом тихом ватном спокойствии, в ленивой семейной жизни! Но если не это, то что?» – подумал Омер, потянулся и зевнул.

Глава 6. Что делать?

За ужином Омер и Мухиттин ели котлеты по-измирски, специально приготовленные поваром Нури по случаю прихода друзей Рефика, участвовали в семейной беседе, развлекали всех как могли. Потом снова удалились в кабинет и стали болтать о своем – но опять, правда, не о том, о чем хотелось поговорить на самом деле. Рефик думал, что настоящий разговор пойдет после того, как все лягут спать, а они спустятся в опустевшую гостиную. Раньше всегда так и было. По сле долгих часов, проведенных за покером, они спускались, ставили самовар и говорили, говорили... Мухиттин однажды сказал, что примерно так же проводили вечера Пушкин и другие просвещенные русские дворяне, – он прочитал об этом в одной книжке.

Часы за дверью начали бить. Омер потянулся и вытянул голову, чтобы посмотреть на поднявшиеся в воздух вместе с рукой часы на своем запястье. Потом зевнул и снова вернулся к книге, которую листал. Мухиттин забарабанил пальцами по подлокотнику кресла. С лестницы донеслись звуки шагов, потом затихли, и снова слышно стало только тиканье часов.

– Давайте пойдем в гостиную, – предложил Рефик.

Стараясь не шуметь, они спустились. Рефик по узкой лестнице прошел на кухню и обрадовался, увидев, что Нур поставил самовар. Вместе с самоваром вернулся в гостиную. Мухиттин уже расположился в любимом кресле Джевдет-бея.

Омер расхаживал по соседним комнатам с сигаретой в руке, разглядывал мебель. Выходя из комнаты, в которой стояли инкрустированный перламутром гарнитур и фортепиано, он сказал:

– В этом доме ничего не меняется! – Увидел самовар, обрадовался и прибавил: – Не думай, я это не в укор тебе говорю.

Рефик улыбнулся, заметив, что вид кипящего самовара, как ему и хотелось, начинает благотворно действовать на неразговорчивых дотоле друзей.

– Вот, стало быть, как ты думаешь? – сказал Рефик и, желая вовлечь в разговор Мухиттина, повернулся к нему. – А ты что скажешь?

– Ты же знаешь, что мне твой дом не очень нравится.

Рефик понял, что все будет именно так, как он хотел.

– Да уж знаю, – сказал он, улыбаясь, и, чтобы не молчать, прибавил: – Впрочем, разве тебе вообще нравится что-нибудь, кроме поэзии?

– А как же. Женщины, веселье, умные люди...

– Кстати, об умных людях, – вставил Омер, усаживаясь напротив Мухиттина. – Когда выходит твой сборник?

– Да что ты все об этом спрашиваешь? Скоро. Жду.

– Хорошо, а еще чем ты занимаешься?

– Работаю по специальности. Засиживаюсь на работе допоздна, возвращаюсь домой усталым. Иногда бываю в Бейоглу или в Бешикташе – у меня есть знакомые среди завсегдатаев тамошних мейхане⁵⁵. Дома пишу стихи. Мне этого достаточно.

– Интересно, смогу ли я тоже когда-нибудь сказать: «Мне этого достаточно»? – проговорил Омер.

– Да, теперь наш Мухиттин и инженер, и поэт. Помнишь, ты когда-то говорил, что похож на Достоевского, потому что он тоже был инженером?

– Да нет, не поэтому, – сказал Омер, – а потому, должно быть, что в Мухиттине, как и в Достоевском, есть что-то демоническое.

Мухиттин усмехнулся. Ему нравилось, когда о нем говорили.

⁵⁵ *Мейхане* – питейный дом, заведение, в котором подают спиртные напитки.

Рефик, желая порадовать друга, продолжал:

– А еще ты говорил, что когда-нибудь ослепнешь. Но самое главное, конечно, вот что: ты говорил, что если не станешь к тридцати годам хорошим поэтом, то покончишь с собой.

– Да, я в свое время чего только не говорил... Но от тех слов о поэзии и самоубийстве я и сейчас не отказываюсь.

Омер весело рассмеялся. Мухиттин бросил на него выразительный взгляд, но сказал лишь:

– Смейся, смейся... – с таким видом, будто был настолько уверен в своем решении, что не хотел даже тратить время на то, чтобы убедить в его серьезности других.

Рефик радовался, что снова все было как прежде. Он достал из буфета чашки, поставил на поднос сахарницу, посмотрел, заварился ли чай. Вроде бы ничего не забыл.

– Принеси-ка еще чего-нибудь с градусом, – попросил Омер.

– Да у нас ничего нет, только папин клубничный ликер. Он его по праздникам пьет.

– Ладно, не надо. А ты, Мухиттин, пьешь?

– Бывает.

– Однажды, кажется в сентябре, он пришел сюда совершенно пьяный, – сказал Рефик.

– Пить надо, дружище, надо! – провозгласил Омер.

– Почему это?

– Пить нужно потому... Как вкусно пахнет чай, Рефик!.. Потому что алкоголь – хорошая штука!

– Вы потом сами себе чай наливайте, кто сколько хочет, – сказал Рефик.

– Почему же хорошая?

– Ладно, объясню, – улыбнулся Омер с таким видом, будто хотел сказать: «Ты меня сам заставил, моя совесть чиста!» – Дело в том, что выпивка поднимает человека над повседневностью. – Почувствовав волнение, он встал с места. – Заставляет понять, как страшна обычная, заурядная жизнь!

– Вот, оказывается, какие в тебе кроются мысли! – удивился Мухиттин. – Да ты садись, садись.

– Я тебе в праздник говорил об этом, – сказал Рефик.

– Во мне вообще много чего кроется. Я многому научился в Европе. Я уже не буду тем лентяем, каким был раньше. Не буду довольствоваться малым. Я научился... Теперь я знаю: у меня только одна жизнь, а потом – все, конец.

– Что же, раньше ты этого не знал? – улыбнулся Мухиттин.

Омер, направлявшийся к столу, вдруг остановился:

– Да, теперь я знаю. Знаю кое-что такое, чего ты не понимаешь и поэтому смеешься. В жизни нужно что-то сделать, чтобы она не осталась пустой. Нужно все преодолеть и чего-то добиться. И чтобы другие это заметили. Я не хочу прожить заурядную жизнь!

– Что же ты тогда смеялся надо мной, когда я говорил о поэзии и самоубийстве?

– Смеялся. Но ты неправильно меня понял. Разве можно придавать такое значение стихам? Я...

– Выходит, нельзя? – переспросил Мухиттин.

Омер открыл краник самовара.

– Выходит, так! Во всяком случае, по моему мнению...

– Хорошо. Тогда интересно узнать, чем же ты намерен заняться? – спросил Мухиттин и снова начал барабанить пальцами по подлокотнику.

– Я поеду в Сивас, буду зарабатывать деньги! – Омер почти кричал. – Деньги! И с этими деньгами я добьюсь всего! Все будет моим!.. – Он вдруг замолчал, словно испугался сам себя. –

Вот вы на меня смотрите с насмешкой. Думаете, я чересчур разгорячился? Или... Впрочем, да, я разгорячился.

Омер поставил чашку с чаем на трехногий столик, так и не донеся ее до губ, и сделал несколько резких движений рукой, точно помогая себе таким образом подобрать нужные слова. Заметив это, улыбнулся:

– Что-то нервный я стал в последнее время – потому что боюсь, что меня здесь засосет в трясиину сонной, тихой семейной жизни. Ты, Рефик, не принимай это, пожалуйста, на свой счет. Но я не хочу, ничего не сделав, обрядиться в тапочки и утонуть в заурядности! – Сказав это, он краем глаза взглянул на ноги Рефика и облегченно вздохнул, увидев, что тот в ботинках. – А я хочу очень многое сделать! Я хочу жить богатой и полной жизнью. Жить богатой жизнью – и стать в буквальном смысле богатым, чтобы все в этой жизни было моим! – И он забормотал, словно повторяя затверженное наизусть: – Женщины, деньги, всеобщее восхищение...

Вспомнив про чай, взял чашку и вернулся на свое место.

– Хорошо, но почему же ты так унижаешь поэзию?

– Потому что поэзия – занятие для безработных. Что ты сокрушишь стихами, чем с их помощью овладеешь? Будешь терпеливо ждать... Ха! Старая сказка. Жди – и дождешься! Я теперь в это не верю. Не верь тем, кто говорит, что нужно быть терпеливым! Что до меня, то я верю только в себя самого.

– Это все идеи не новые... – протянул Мухиттин.

– Да, ты, наверное, вычитал их в книгах. Я, может быть, и не прочел так много, как ты, но я это знаю. Если бы я, как ты, прочитал бы об этом в какой-нибудь книге, тоже сказал бы: идеи, мол. Но для меня это не идеи, а жизнь. Это для меня – все.

– Кажется, я тебя понял. Но не согласен с тобой. Кто знает, куда заведет тебя твое необузданное честолюбие...

– Об этом я не думал. Но хочу жить так, как сказал. Рефик, почему мы пьем этот чай, когда могли бы пить вино?

– Да, нервным ты стал и беспокойным, еще хуже меня, – проговорил Мухиттин. – Но эта одержимость тебя рано или поздно изнурит и погубит.

– Если хочешь, я принесу ликер, – сказал Рефик.

– Нет, не надо. Погубит, говоришь? – Омер встал и начал медленно расхаживать по комнате.

– Да, – сказал Мухиттин, взглянул на расхаживающего Омера и прибавил: – Хотя не знаю.

Весь вид Омера, казалось, говорил: «Посмотрите, какой я красивый и умный! Такого разве может что-нибудь погубить?»

Наступило молчание. Мухиттин встал и налил себе еще чая. Омер стал расспрашивать Рефика об открывшихся в последнее время книжных магазинах, тот что-то ему отвечал. В разговор вмешался и Мухиттин: рассказал об одном поэте по имени Джахит Сыткы⁵⁶. Он с ним познакомился в каком-то мейхане, не то в Галатасарае, не то в Бешикташе. Был Джахит некрасивым и застенчивым и прямо-таки засветился от счастья, когда его похвалил сам Пеями Сафа⁵⁷. Питейные заведения Бейоглу он не жаловал, поэтому не был знаком с другими молодыми поэтами. Начали говорить о том, как изменился в последнее время Бейоглу и его главный проспект, но понятно было, что думают они не об этом, а о сказанных недавно словах. Разговор о Бейоглу, лавках и меня ющемся на глазах Стамбуле затянулся надолго, но по-настоящему никого не увлек.

Когда в гостиной снова воцарилось молчание, Мухиттин, глядя на дым своей сигареты, промолвил:

⁵⁶ *Джахит Сыткы Таранджи* (1910–1956) – известный турецкий поэт.

⁵⁷ *Пеями Сафа* (1899–1961) – турецкий писатель и журналист.

– Да, вот ты, значит, как думаешь...

– Именно! Нужно держаться как можно дальше от обычной жизни, от всего заурядного. Но это еще не все. Нужно жить громко! Нужно жить так, чтобы весь мир стал твоим! Я это еще и еще раз могу повторить. – Ему, казалось, было даже неловко высказывать настолько неопровержимые суждения. – Нужно преодолеть очарование повседневной жизни и ее маленьких радостей!

С решительным видом человека, готового отстаивать свои убеждения, Омер встал, подошел к самовару и налил себе еще чая.

– Это всего лишь громкие слова, – сказал Мухиттин.

Омер поставил чашку на поднос.

– Знаешь, что я тебе скажу? Только ты не пугайся. Я не хочу быть просто каким-то вшивым турком!

– Ах та-а-ак!.. – сказал Мухиттин.

Словно выстрелили из пистолета.

Рефик сидел, переводя взгляд то на Омера, то на Мухиттина.

– Ты хоть понимаешь, что ты сейчас сказал?

Омер и сам, похоже, испугался своих слов. Он нервно крутил краник самовара, и чашка никак не могла наполниться. Потом посмотрел на Мухиттина. Взгляд его, казалось, говорил: «Да шутка это была, шутка!»

И снова уставился в чашку.

– Что-то в этом духе мне говорила Атийе-ханым, жена Сайта Недима. Мы с ней познакомились в поезде. Помнишь, Рефик, я тебе рассказывал?

– Нет, ты объясни, что ты хотел этим сказать! – заорал Мухиттин.

– Мухиттин, милый мой Мухиттин! Ведь мы же с тобой друзья, забыл? Столько лет уже нашей дружбе...

– Да, но такого, сказать по правде, я от тебя не ожидал!

Омер поставил чашку на столик, присел рядом с Мухиттином и снова положил ему руку на плечо, словно терпеливый и заботливый старший брат.

– Да я ведь ничего не говорю, Мухиттин. Я просто пытаюсь понять, как мне жить. – Потом вдруг убрал руку и повернулся к Рефику. – Эх, нет в Турции терпимости! А она очень важна. Что скажешь?

– Почему же обыденная, как ты говоришь, жизнь обязательно должна быть плоской и глупой? Почему нужно непременно бежать от ее маленьких радостей, которые ты так презираешь? В обыденной жизни тоже есть своя... своя скромная, неброская поэзия. – сказал Рефик и смущенно потупился.

– Ты о Перихан думаешь, так ведь? И правда, Перихан очень...

Рефик покраснел:

– Нет, я вовсе не о ней думал, когда говорил...

– Я тебя понимаю. Такую женщину, как Перихан, непросто найти, – перебил друга Омер.

– Да нет же, я не о ней! Я о том, что можно быть скромным, неприятельным.

Мухиттин вдруг рассмеялся.

– Скромность? Хорошо, а эти комнаты? Эти вещи? – сказал он, обводя рукой гостиную. – Как среди всего этого, да еще, не обижайся, с такой красивой женой, как у тебя, быть скромным? Ха-ха. Не сердись? Если хочешь быть скромным, живи так, как я живу. Тогда получится! – Он встал на ноги, словно решил, что теперь настала пора показаться во весь рост. – Но мне не нравится быть неприятельным. Я хочу всем показать, какой во мне талант! По этому вопросу у нас с Омером схожие взгляды. Но только по этому!

– Хорошо, почему же ты не хочешь, как я, быть Растинь-яком?

– Кем-кем? Растиньяком? Бальзака, стало быть, почитываем? Думаешь, ты похож на этого типа?

– Нет, это не я придумал, это сказала Атийе-ханым, жена Саит-бея.

– Ну и семейка, – раздраженно бросил Мухиттин. – Чему ты у них только не научился!

Омер вскочил на ноги:

– Друзья, постарайтесь меня понять! Я ведь о чем говорю? О том, что хочу жить полной, насыщенной жизнью! Понимаете? Мы уже десять лет друг друга знаем. Не смотрите на меня так! Я знаю, в этом моем желании есть, может быть, что-то маниакальное. Пусть так. Но я знаю, чего хочу! Нам дана одна жизнь. Давайте задумаемся, как надо ее прожить. Никто об этом не думает! Ты, Мухиттин, хочешь сказать все своими стихами. Достаточно ли этого? Терпеть, писать стихи – и все? Зачем ждать, пока тебя не оценят? А ты, Рефик, готов раствориться в семейной обыденности. Я ничего не говорю – пожалуйста! Но постарайтесь понять меня! А то вы на меня так смотрите, что я иногда просто пугаюсь.

– Ну, бояться нас, дружище, не надо! – заметил Мухиттин.

– Сколько лет мы уже знаем друг друга! – сказал Омер и подошел к Мухиттину. – Встань, дай мне тебя обнять!

– Ты как пьяный, честное слово, – сказал Мухиттин, однако все же встал. Похоже, он тоже был взволнован.

Друзья, улыбнувшись, обнялись и расцеловались.

Рефик тоже почувствовал, что разволновался. Ему захотелось встать и присоединиться к друзьям, но он так и остался сидеть, вспоминая свои недавние слова, думая о Перихан и о том, какой она выглядит в глазах Омера и Мухиттина. Как-то неловко ему было.

– Как в студенческие годы! – провозгласил Омер.

Рефик наконец тоже поднялся на ноги:

– А помните, как однажды на лекции по сопротивлению материалов... – Увидев, что друзья уставились на дверь, он тоже повернулся в ту сторону. – А, папа, это ты...

Джевдет-бей, облаченный в голубую пижаму с белыми полосками и длинный халат, увидев их, тоже удивился и остановился у двери – сначала, должно быть, хотел уйти незамеченным, но потом понял, что не удастся, и обрадовался, что в такой поздний час нашел себе развлечение. Медленными шагами побрел на свое привычное место.

– Добрый вечер, молодые люди, добрый вечер. Что-то мне нынче не спится.

– Мы, наверное, сильно расшумелись? – спросил Омер.

– Нет-нет. Это от старости. И в желудке какая-то тяжесть. Наверное, переел за ужином, – сказал Джевдет-бей и смущенно прибавил: – Красивая у меня пижама?

– Ничего не скажешь, эфенди, очень красивая! – сказал Мухиттин с насмешливым выражением на лице.

– О чем разговариваете? – спросил Джевдет-бей, аккуратно усаживаясь в любимое кресло. – Ну-ка, расскажите!

– О том, что нужно делать в жизни, – ответил Омер.

– Ишь ты! Ну и что же?

– Пока еще точно не решили.

– Да что же может быть проще? Нужно работать, любить, есть, пить, смеяться!

– Но должна же быть в жизни какая-то цель! Мы как раз об этом спорили.

Джевдет-бей приложил ладонь к уху:

– Цель?

– Да, папа, главная задача всей жизни. Об этом они и говорят, – сказал Рефик.

– И пусть себе говорят. – Джевдет-бей даже не пытался казаться вежливым. – А ты такими вопросами голову себе забивай. Ты женат. Твои цели теперь понятно какие. Семья и работа. Ну а еще о чем вы тут беседовали?

– Я еще говорил о Сайт-бее, – вспомнил вдруг Омер. – Вы знали его отца, Недим-пашу. Вроде бы даже ваша свадьба...

– Да-да. Свадьба была в его особняке, – сказал Джевдет-бей слегка раздраженно. – Рефик, не сочти за труд, сходи-ка вниз и принеси мне каких-нибудь фруктов. Очисти апельсин, что ли.

– Мы с Сайт-беем познакомились в поезде.

– Оставь ты этого Сайта в покое. Ты вот что скажи: работу себе нашел? Ищи быстрее. И хорошую девушку. Ты, хвала Аллаху, парень видный, да еще и с отличным образованием. Да, хорошую девушку тебе надо, хорошую девушку... Вот и ответ на твой вопрос. Вот что важно в жизни!

Рефик ушел на кухню.

Глава 7. Перед тем как отправиться в путь

Омер проснулся от послеобеденного сна и посмотрел на часы. «Что-то я заспался! К Назлы опоздаю!» Спустился по лестнице, посмотрел в окно. На улице светило яркое весеннее солнце, и деревья в саду за особняком выглядели теперь другими, радостными. Вдали виднелось море. Мимо Бакыркёя проплывала баржа. «А я уезжаю в Кемах!» – вспомнил Омер. Он окончательно решил отправиться работать на строительстве железной дороги и подписал с одной компанией контракт, согласно которому должен был участвовать в строительстве туннеля между Кемахом и Эрзинджаном. Контракт предусматривал также и то, что Омер должен вложить в дело свой собственный капитал. Денег для этого у него сейчас было достаточно, но потом могло прийти туга. Поэтому он хотел продать дом, который сдавала тетя Джемиле, участок земли в том же районе и лавку в Капалычарши. Чтобы обсудить эти планы, Омер должен был съездить к Джемиле-ханым.

В гостиной сидел дядя и играл в безик с соседом.

– А, проснулся! – поприветствовал он Омера и сказал соседу: – Согласен удвоить!

Тетя вязала что-то из шерсти и поглядывала время от времени в окно. Она тоже сказала Омелу:

– Проснулся?

– Мне сейчас пора уезжать, – сказал Омер, зевнул и подумал: «Нужно быть внимательным! Нельзя поддаваться этой расслабляющей атмосфере!»

– К Джемиле-ханым собрался? – спросила тетя.

– Да, хочу поговорить с ней о том доме и о земельном участке.

– Твой дядя уже обсуждал с ней эти вопросы, ну да ладно. Передавай ей от меня привет. Как поживает ее племянница, как бишь ее зовут?..

– Назлы. Ладно, тетушка, я побежал, а то опоздаю. Вернусь вечером.

Тетя, конечно же, не упустила случая расцеловать его на прощание в щеки, как это делала когда-то мама, чем отняла еще немного времени. Омер вышел за дверь, быстрыми шагами пересек сад и подозвал фаэтон. Рядом со станцией пересел в такси. По пути он с грустью думал о том, что скоро придется уехать из Стамбула, но потом начал прокручивать в голове свои планы и замыслы – это действовало на него успокаивающе. Вспомнил дядю, который каждый день – не только по праздникам – играл с соседом в безик, тетю, вечно что-то вяжущую, и сказал себе: «Нельзя становиться таким, как они! И таким, как Рефик. А терпеть, как Мухиттин, я просто не смогу...» Когда машина проезжала по мосту, он подумал о Назлы и начал вспоминать их беседу месячной давности. «Почему она иногда так краснела? Дочь депутата меджлиса... Надо подумать, чем может быть полезен депутат человеку, собирающемуся стать заводчиком...» Он представил себя мужем Назлы и зятем Мухтар-бея. Вот он получает в Анкаре выгодные подряды, зарабатывает огромные деньги, и все смотрят на него с восхищением, а за спиной говорят: «Этому Омелу-бею все мало!» Но потом Омер вдруг устыдился своих мыслей. «Ерунда какая-то!» – пробормотал он себе под нос, улыбнулся и стал размышлять о том, что скажет тете Джемиле.

Дверь ему открыла сама тетя. Она была рада его видеть и, побранив за то, что долго не появлялся, начала расспрашивать, как поживают тетя и дядя, не замерз ли он по дороге (хотя погода была замечательная) и какой кофе будет пить. Внимательно выслушав его ответы, тетя сообщила, что горничная на сегодня отпросилась, немного на нее пожаловалась и удалилась на кухню готовить кофе. Глядя ей вслед, Омер подумал: «Неужели Назлы сегодня нет?»

За кофе беседовали о том о сем. По просьбе Джемиле-ханым Омер рассказал о здоровье дяди и тети и о том, чем они занимаются. Джемиле-ханым в ответ пожаловалась на свое

собственное здоровье, показала опухшие руки и стала рассказывать, как мучает ее ревматизм. Потом, как и ожидал Омер, наступило молчание. Тетя протяжно вздохнула.

И тут Омер быстро-быстро заговорил: скоро он уезжает в Кемах и ему еще до конца года понадобится изрядная сумма денег; не поможет ли тетя Джемиле подыскать покупателей для лавок, земельных участков и дома, которым они совместно владеют?

– Боже мой! Разве можно вот так сразу все продавать? – ужаснулась Джемиле-ханым.

– Нет, тетушка, не сразу! Но потом точно понадобится все распродать.

– Нет, так не годится! Мой покойный отец говорил: как начнешь продавать имущество, так конца этому не будет.

– Но я же не проедаю эти деньги собираюсь! – возразил Омер. – Мне нужно вложить капитал в дело.

– Нехорошо это, нехорошо! – пробормотала тетя, однако в конце концов согласилась помочь чем сможет.

«И зачем я сюда пришел? – думал Омер. – Ничем она мне не поможет. Хотя... Эренкёй она знает неплохо».

– Сынок, а где этот Кемах-то?

– Неподалеку от Эрзинджана.

– Там бывает очень холодно...

– Так лето же на носу!

– А все-таки не забудь взять с собой теплые вещи, – посоветовала Джемиле-ханым и принялась рассказывать о каком-то своем дальнем родственнике, жившем в Эрзуруме. Этот родственник пил чай, обмакивая в него огромный кусок сахара, который затем облизывал. Вспомнив про чай, тетя убежала на кухню ставить самовар.

Омер увидел, как в комнату вошла пепельно-серая кошка, и встал с места. «Скоро я уеду из Стамбула», – крутилось у него в голове, но грусти эта мысль уже не вызывала. Он окончательно стряхнул с себя сон и вспомнил, что должен быть завоевателем. «Многое, многое можно сделать в этой жизни!» – сказал он вслух. Кошка, искоса поглядывая на него, подошла поближе, одним махом запрыгнула на кресло, обнюхала подушку и улеглась, свернувшись клубочком.

«Но из Стамбула я уезжаю, не попробовав его толком на вкус», – думал Омер, расхаживая по комнате. Его мучила жажда деятельности. «Хотя какой такой вкус? Когда я жил в Лондоне, то вовсе не думал, что Стамбул такое уж замечательное место». Омер остановился у окна и стал смотреть на Босфор. «Да, я никогда не вспоминал о Стамбуле с любовью, но сейчас понимаю, что здесь – друзья, близкие, знакомый запах, ласковый теплый воздух...» С этим было не поспорить. Омер отвернулся от окна и подошел к противоположной стене, у которой стоял книжный шкаф со сложенными в стопки книгами. «И еще эта девушка... Интересно, что она читает?» Тут ему на глаза попала кошка. «Но если я останусь здесь, меня засосет эта тряпина... А мне нужны деньги!» И с этим поспорить тоже было нельзя. Омер снова подошел к окну. «Я бегу из Стамбула, чтобы заработать денег, но я вернусь и завоюю его!» В небе над Ускюдаром висело два кучевых облака. «Может быть, я придаю всему этому слишком большое значение? Я всем говорю, что многое усвоил в Европе, – не может же это быть глупостью и бредом?» Он снова направился к стене. «Ну уж нет! Я честолюбив. Я не похож на других. Во мне есть смелость! Да где же эта тетушка?»

За спиной послышались шаги. Омер повернулся к двери, ожидая увидеть тетю Джемиле с подносом в руках, но перед ним стояла Назлы.

– Извини, я не могла к вам присоединиться – занималась английским с соседским мальчиком, – сказала Назлы.

Сообразив, что у него на лице застыло растерянное выражение, Омер улыбнулся:

– Конечно, конечно. Стало быть, ты преподаешь английский?

– Ты, кажется, ходил по комнате из стороны в сторону?

Омер с удивлением заметил, какая Назлы высокая.

– Я через три дня уезжаю из Стамбула.

– Вот как? Куда же?

– В Кемах.

Назлы села в облюбованное кошкой кресло и взяла ее на руки.

– На Восток?

– Может быть, мне стоит писать тебе «письма с Востока», как Монтеские? – сказал вдруг

Омер ни с того ни с сего. – Хотя нет, та книга называлась «Письма из Персии». И даже не так. «Персидские письма» – вот как она называлась. Читала?

– Читала, – ответила Назлы. По выражению ее лица совершенно невозможно было понять, о чем она думает.

– Наверное, ты много читаешь, – сказал Омер. А потом вдруг заявил: – Я верю в жизнь! – Чувствовал он себя очень глупо.

– Да, но ты мужчина, – сказала Назлы.

В гостиную вошла тетя Джемиле. Должно быть, в том, что молодые люди беседуют наедине, она нашла нечто необычайно восхитительное. Тихо, стараясь остаться незамеченной, пробралась в уголок и присела там, но Омер ее все-таки увидел и понял, что она будет внимательно прислушиваться к разговору.

– Правильно. Я понимаю, как непросто здесь вам, женщинам. Настоящий ад. Вы словно приговорены всю жизнь провести в четырех стенах! – сказал Омер, не глядя на Джемиле-ханым.

– Ну, не так уж все и плохо. К тому же многие барьеры можно преодолеть.

«Какая она умная! – подумал Омер. – Личность! Как это она сказала?.. „Барьеры можно преодолеть!“ Не всякий так скажет. И еще она такая милая...» Он казался себе до ужаса заурядным.

– Кроме того, у нас ведь идут реформы, – продолжала Назлы. – Кое в чем мы достигли очень большого прогресса.

– И правда, – сказал Омер.

– Но ты, должно быть, к реформам относишься пренебрежительно?

– Нет-нет, ни в коем случае. Свои стремления я...

– Ах, Назлы, ну как же можно так разговаривать с гостем! – возмутилась тетя Джемиле.

– Я хочу быть завоевателем! – сказал вдруг Омер.

Джемиле-ханым не замедлила с ответом:

– А ведь и Мехмед Завоеватель был еще очень молод, когда взял Константинополь! И он, говорят, был очень красив. Точь-в-точь как ты! – И тетя хлопнула ладонью по подлокотнику кресла.

Омер испугался, что наговорит еще глупостей. «Да, она очень умная и милая!» – сказал он сам себе. Ему больше не хотелось разговаривать. Хотелось быстрее допить чай и уйти.

– Вы теперь стали такие большие, ведете такие серьезные разговоры, но я-то вас помню вот такусенькими! – проговорила тетя Джемиле, улыбаясь, и начала рассказывать одну историю из детства Назлы. Потом принялась за другую историю, но тут Назлы вспыхнула:

– Тетушка, ну зачем вы всем это рассказываете!

– Омер – это не «все»! Ладно-ладно, я вам сейчас чая принесу.

Дождавшись, пока тетя не выйдет из комнаты, Омер спросил:

– Наверное, она сильно тебя изводит?

– Да! – сказала Назлы и нервно взмахнула рукой. Заснувшая у нее на коленях кошка подняла голову – сил уже больше нет!

– Вот видишь, реформы даже в дом депутата меджлиса еще не проникли!

– Нет, отец живет в Анкаре.

Наступило молчание.

Вскоре вернулась жизнерадостная тетя Джемиле с подносом в руках. На подносе, кроме чая, лежали бутерброды с вареньем. Тетя стала весело рассказывать о днях своей молодости, потом сделала Назлы замечание: почему та не ест бутерброды.

– Совсем ничего не ест! – сказала она Омеру. – Такая худышка, правда?

– Вовсе нет, тетушка! – возразил Омер. – Как тут похудеешь! – и снова подумал, что сказал глупость.

– Ты тоже ешь! Для вас ведь старалась!

Чтобы не сидеть просто так, Омер взял бутерброд и откусил от него. Чувствовал он себя бестактным чужаком, чуть ли не идиотом. «В атмосфере этого дома есть что-то обездвиживающее... Да и во всем Стамбуле тоже... Что же я сию? Надо уходить!» – думал Омер, но по-прежнему оставался сидеть, словно хотел продлить непривычное ощущение беспомощности. Он как будто чего-то ждал, но не знал, чего именно, – потому и не вставал. «Мне осталось провести три дня в Стамбуле, а я все рассиживаю в этом сонном доме! Ведь мог бы съездить в Бейоглу, развеяться, повеселиться». И все же Омер чувствовал, что здесь есть что-то такое, чего в Бейоглу он не найдет, и продолжал сидеть, слушая, как тетя Джемиле перескакивает с темы на тему. Потом вдруг сказал сам себе: «Я же собирался стать завоевателем!» – и поднялся с места:

– Мне пора.

– Уезжаешь? Да, ты же ведь уезжаешь! В Кемах. Когда вернешься?

– Кто его знает, – ответил Омер и снова почувствовал себя одиноким холостым мужчиной, ожидающим сочувствия от женщин. Ему стало стыдно. В этом доме он только и делал, что смущался и стыдился.

– Передавай привет тете и дяде!

Его проводили до самых дверей. Омер смотрел на Назлы и пытался разобрать выражение на ее лице, но не находил в нем того, чего хотел, – или ему казалось, что не находит. Уже прощаясь, он шутливо спросил:

– Ну что, писать тебе письма из Персии?

– Пиши, конечно! – сказала Назлы, и в ее глазах на какую-то секунду промелькнуло то выражение, которого он ждал.

– Ты что же, и в Иран поедешь? – спросила тетя Джемиле.

– Нет, это я шучу. Да и книга по-другому называлась! – На душе у него стало легче, как будто он уже вышел на свежий воздух.

– В какие дальние края ты едешь! – сказала тетя. – Счастливого пути! Храни тебя Аллах!

– Я буду вам писать, – ответил Омер. Спускаясь по лестнице, он чувствовал себя сильным и умным.

Глава 8. Дамы в Бейоглу

Поднимаясь по лестнице, Ниган-ханым вспотела. Прислушиваясь к колотящемуся сердцу и дергающей боли где-то в районе носа, сказала сама себе: «Словно и не октябрь сейчас, а лето!» Но лето давно кончилось, и уже месяц, как они вернулись с Хейбелиады в Нишанташи. Было начало октября, но над Бейоглу висело раскаленное марево.

– Здесь он, что ли, живет? – спросила Ниган-ханым у Перихан.

Та кивнула и нажала кнопку звонка. Они пришли к учителю музыки, который должен был давать Айше уроки фортепиано. Всю зиму им предстояло ходить сюда два раза в неделю. Ниган-ханым вовсе не думала, что это будет очень утомительно – доезжать почти до самого Туннеля, подниматься по ступеням на четвертый этаж и ждать, стоя на пропахшей плесенью и пылью лестничной площадке, пока не откроется дверь; но все-таки ей хотелось, чтобы Айше побольше ценила то, что делает для нее мать.

Дверь открыла уже знакомая служанка. Ниган-ханым и Перихан прошли в комнату, на стенах которой были развешены портреты каких-то почтенных европейцев с ухоженными бородами, и сели на скрипучие стулья. За стеной играли на фортепиано. Ниган-ханым посмотрела на часы: без пяти четыре. Перихан сидела рядом, листая журнал, потом это ей наскучило, и она стала смотреть в окно. Ниган-ханым подумала, что они сейчас похожи на пациентов, ждущих очереди в приемной врача. За стеной по-прежнему играли на фортепиано и прекращать, кажется, не собирались. «На что мы только не идем, чтобы научить девочку музыке! – подумала Ниган-ханым. – Теперь ни от кого благодарности не дождешься, а меньше всего от молодых!»

Ниган-ханым посмотрела на Перихан, которая глядела в окно, прислонившись лбом к стеклу. «Совсем еще ребенок!» Самой ей сейчас было сорок восемь. «Я в ее возрасте... Ну-ка, подсчитаем. Перихан сейчас двадцать два. А я в этом возрасте, то есть по новому календарю в тысяча девятьсот десятом году, уже была матерью двоих детей!» Довольная собой, Ниган-ханым прищурилась. Иногда она казалась себе настоящей мученицей, которую никто не ценит. Вот и сейчас она терпела скуку ради этой своевольной девчонки. Чтобы утешиться, Ниган-ханым сказала себе: «Вот дождемся Айше и пойдем в кондитерскую Лебона!» Они договорились с Лейлой-ханым встретиться там в четверть пятого.

Музыка смолкла. Потом, кажется, провели смычком по скрипке, и наступила короткая тишина, сменившаяся звуками шагов. Учитель-венгр что-то говорил на ломаном турецком. Открылась дверь, и первым из нее вышел симпатичный бледный юноша со скрипичным футляром под мышкой. Пока Ниган-ханым размышляла, кто бы это мог быть, вышла и Айше, а за ней, задумчиво улыбаясь, и сам месье Балатц – низенький, пухлый, с такой же ухоженной бородой, как и у людей на портретах. Увидев Ниган-ханым и Перихан, он оживился, стал пожимать им руки и бормотать любезности. На учителя музыки он не очень-то походил, зато был вежливым и обходительным. Выходя на лестницу, Ниган-ханым думала: «Какие хорошие у него манеры. Европеец!» Потом мысли ее приняли несколько странный оборот, и она вздохнула: «Жаль!» Месье Балатц был всего-навсего учителем музыки.

Они снова вышли на проспект. Марева уже не было, по небу плыли торопливые облака. Ветер, горячий, словно дыхание раскаленной печи, обжигал лица. «Будет буря», – подумала Ниган-ханым. Заметив, что Айше повернула в сторону Таксима, окликнула ее:

– Не туда. Сначала купим сладостей.

– Мы сейчас разве не домой?

Ниган-ханым рассердилась. К детям, конечно, нужно относиться с пониманием, но и своеволию потакать нельзя!

– Сначала мы пойдём в кондитерскую, – строго сказала она. – Мы договорились там встретиться с тетей Лейлой. Потом поедём домой.

Айше недовольно нахмурилась. Перихан начала о чём-то с ней разговаривать, а Ниган-ханым снова подумала о том, какие дети неблагодарные – ничего не ценят. Потом стала смотреть на витрины.

На витринах, правда, ничего интересного не было. Вернувшись с островов, она искала хорошую ткань для штор в спальню, но так и не нашла. Сколько они с Перихан сегодня обошли лавок, а присмотрели только ту холстину с голубыми цветами. Ничего не было в лавках. Собственно говоря, в Турции никогда ничего не было. Вот, например, знаменитый магазин Христиниадиса. И что у него на витрине? Скверный ситец, местные ткани, которые скоро выцветут, унылые манекены в готовой одежде. Ничего нет. Ниган-ханым почувствовала, что снова начинает злиться, и отвернулась от витрин.

Посмотрела вокруг и увидела, что Айше и Перихан куда-то делись. «Потерялись!» – подумала Ниган-ханым и остановилась. Ни на одной, ни на другой стороне проспекта среди толпы девушек видно не было. Потом она вдруг увидела заплетенные в косы волосы Айше – на той же стороне улицы, но довольно далеко впереди. Тут же была и Перихан. Девушки шли, о чём-то говорили и даже не вспоминали о ней. Ниган-ханым почувствовала себя несправедливо обиженной. Подумав, что не стоит поддаваться этому чувству, она пошла вслед за девушками, но обида не проходила. Они тем временем заметили ее отсутствие, остановились и стали выглядывать ее в толпе.

Подойдя к ним, Ниган-ханым спросила, стараясь, чтобы голос звучал сурово и обвиняюще:

– И о чем это таком, интересно мне знать, вы разговаривали?

– Да так, ни о чем, – ответила Перихан.

Ниган-ханым нахмурилась. У Айше на лице было виноватое выражение. Ниган-ханым решила проявить настойчивость:

– Ничего себе ни о чем! Так увлеклись, что меня потеряли. А ну, отвечайте, о чем говорили!

На лице Айше виноватое выражение сменилось решительным.

– Зачем ты за мной приходишь? Я и сама замечательно могла бы добираться домой. В конце концов, из лица-то я сюда приезжаю одна!

Ах вот оно что! Значит, ей не нравится, что мать за ней приезжает! Ниган-ханым почувствовала, как все ее существо охватывает гнев: даже губы начали подрагивать. Вот, значит, как! Ей захотелось закричать на эту глупую, невоспитанную девчонку, втолковать ей кое-что, да так, чтобы она это не забыла никогда в жизни. Но вокруг были люди. Над улицей, под облачным желтоватым небом, летали голуби. Ветер подул сильнее. Тут Ниган-ханым заметила, что они уже подошли к кондитерской, и решительно направилась внутрь. Дочь и невестка последовали за ней.

Лейла-ханым еще не пришла. Они сели за маленький столик и попросили девушку-официантку принести чай и пирожные. Потом наступило долгое молчание. Ниган-ханым поняла, что пирожные не доставят ей никакого удовольствия. «Значит, она не хочет, чтобы я за ней приходила!»

– Почему ты не хочешь, чтобы я за тобой приходила?

Айше молчала и глядела виновато. Стало быть, поняла, что не права.

– Почему не хочешь? Почему?

Чтобы добиться от этой девчонки ответа, нужно было повторить вопрос раз пять.

– Почему не хочешь? Говори! Стыдишься с матерью по улице пройти?

– Нет, не стыжусь, – тоскливо сказала Айше.

– Тогда почему? Почему бы мне за тобой не приходиться? Думаешь, легко было найти этого учителя? Я все для тебя делаю! Почему?

Из глаз Айше покатались слезы.

«Этого еще не хватало! – подумала Ниган-ханым. – Да еще у всех на виду!» Она посмотрела по сторонам. За одним из столиков у окна сидел господин в дорогом костюме и читал газету. За столиком слева пересмеивались две дамы. Ниган-ханым внимательно к ним пригляделась: не заметили. В ней снова стало нарастать раздражение. «Замуж нужно ее выдать, вот что. В самое ближайшее время обязательно нужно выдать ее замуж. А иначе она на всю жизнь останется капризной, всем недовольной плаксой. Посмотрите только на нее! А ведь уже шестнадцать лет. Замуж, и точка!»

Айше опустила голову и обхватила ее руками.

– Ну-ка, вытри слезы. Смотри, чай несут!

Вместе с чаем принесли и пирожные, но настроения они никому не подняли. Все начали жевать, уставившись в свои изящные чашечки. «И Лейлу не дождалось», – равнодушно отметила Ниган-ханым. Ее мысли были заняты другим. «За кого бы ее выдать?» Решила посоветоваться с мужем, но сразу передумала. Эта капризная девчонка была единственной слабостью Джевдет-бея. Если сказать ему про замужество, начнет морщиться, расстраиваться, говорить, что еще рано...

Айше не стала доставать платок, вытирала глаза руками. Перихан выглядела печальной.

«За кого бы выдать девочку? За кого?» Ниган-ханым перебирала в памяти всех взрослых и хорошо образованных молодых людей из знакомых семейств. «За Омера? Или за старшего сына Резан?» Она отрезала от своего шоколадного пирожного маленькие кусочки, отпивала чай и бормотала про себя, словно мурлыкала песенку: «За кого бы? За кого? За младшего сына Нусрет-бея? Сын Сабихи, кажется, учился в Париже?» Гнев ее утих, и пирожное стало вкусным. Поглядывая на виновато сжавшуюся Айше, Ниган-ханым обдумывала кандидатуры возможных женихов, словно играла в увлекательную игру.

Дверь открылась, и в кондитерскую быстрыми, уверенными шагами вошла Лейла-ханым, веселая и оживленная, как всегда. «Ах, про ее-то сына я и забыла!» – и Ниган-ханым попыталась вспомнить, как выглядит Ремзи, которого она не видела с самого Курбан-байрама. Лейла-ханым, улыбаясь, подошла к их столику. «Надо поцеловаться!» – подумала Ниган-ханым и вытянула шею. Мягкие щеки Лейлы-ханым приятно пахли. Пока она целовала Айше и Перихан, Ниган-ханым смотрела на нее и думала: «Да, Ремзи будет в самый раз!» Лейла-ханым уселась за стол, заказала чай и пирожное и начала рассказывать.

Ей было о чем рассказать. Они только что вернулись в Шишли из Суадийе, где у них был летний домик. За лето у Лейлы-ханым накопилось много такого, о чем можно было поговорить. Сначала она рассказала о двух свадьбах, сыгранных в конце лета. Ниган-ханым пожалела, что не смогла на них побывать, но, дослушав рассказ, поняла, что многого не упустила, и обрадовалась. Потом Лейла-ханым рассказала, как видела приезжавшего в начале сентября в Турцию английского короля: король, одетый в светлый спортивный костюм, вместе с *гази*⁵⁸ наблюдал за соревнованиями парусных яхт. Рядом с королем была неизвестная женщина, точно не его супруга – об этом много говорили. Лейла-ханым, конечно же, рассказала, что именно говорили. Ниган-ханым тоже видела короля, и ей тоже было о чем рассказать: в первый день визита, когда король и *гази* отправились из дворца Долмабахче в Бейоглу, они проезжали прямо мимо их дома. На короле были темно-серый костюм в белую полоску, светлосерая рубашка и черный галстук. Все домашние вышли в сад и встретили процессию овацией. Лейла-ханым сказала, что король в жизни более красивый мужчина, чем на фотографии ях в газетах, но с *гази* ему

⁵⁸ *Гази* – звание героя-победителя, присваиваемое правительством особо отличившимся военачальникам; титул первого президента Турецкой Республики Мустафы Кемала Ататюрка.

все-таки не сравниться. Потом дамы решили выпить еще по чашечке чая. Лейла-ханым рассказала о своем походе по магазинам: ей тоже ничего приличного найти не удалось. Ниган-ханым махнула рукой и вздохнула. Некоторое время говорили о том, что в Турции ничего нет. Затем Лейла-ханым сказала, что в конце зимы они собираются поехать в Европу. Ниган-ханым расстроилась: Джевдет-бей, хоть и торговал долгие годы с Европой, ездить туда не любил. Так они и не побывали нигде, кроме Берлина.

Девушка-официантка принесла чай. Ниган-ханым краем глаза взглянула на Айше: пирожное не доела, чай не допила.

– Чай остынет, пей скорее! – не сдержалась Ниган-ханым и вдруг поняла, что перебила Лейлу. Та, улыбаясь, повернулась к Айше. «Замуж, замуж!» – подумала Ниган-ханым и поняла, что хочет наказать Айше. Сделав несчастный вид кивнула в ее сторону: – Знаешь, что она недавно мне заявила? Не хочу, го ворит, чтобы ты приходила меня забирать после уроков музыки!

– Нет-нет, она не могла такое сказать! – заулыбалась Лейла-ханым.

Ниган-ханым почувствовала раздражение. Никто не хотел ничего воспринимать всерьез. Слова потеряли всякое значение.

– Сказала, сказала! Перихан свидетельница!

Сейчас она казалась себе на удивление тихой и нерешительной. «Даже собственную дочь не могу отругать как следует! Нужно ее выдать за Ремзи!» – но и эта мысль уже не казалась такой утешительной, как раньше. В кондитерской царил унылый полумрак. Не купить ли здесь засахаренных фруктов? Ниган-ханым вспомнила, как зимами они с покойной мамой ели засахаренные кусочки груши. Воспоминание это было очень утешительным, и настроение улучшилось.

Сверкнула молния, кондитерская на мгновение озарилась голубоватым светом. По окнам начал барабанить дождь. «Домой поедем на такси!» – решила Ниган-ханым и заметила, что снова прищурилась.

Глава 9. В конце дня

Рефик решил не выходить в Харбийе, а доехать до Османбея и оттуда пешком дойти до Нишанташи. Когда он садился в трамвай у пристани Эминоню, накрапывал дождик. В Каракее дождь усилился, а в Шишхане полил как из ведра. Порой сверкала молния, и пассажиры, глядя в окна, ждали, когда раздастся гром. Трамвай, слегка покачиваясь, неуклонно двигался вперед, словно корабль, идущий сквозь шторм. Когда он начал приближаться к Османбею, Рефик понял, что ливень не собирается прекращаться. «Придется пробежаться под дождем», – подумал он.

Выйдя из трамвая, Рефик сначала быстро шел, потом пустился бежать. «Каждый день я исправно хожу в контору... Стоило уйти из нее пораньше – и вот пожалуйста: попал под ливень и вынужден бежать сломя голову!» – сердился на бегу Рефик. Все из-за того, что он доволен своей жизнью. Не хочет, чтобы ее испортило что-нибудь непривычное или непредвиденное, боится попасть под дождь. Так и бежал он, провожаемый взглядами укрывшихся под карнизами и смотрящих из окон людей, перескакивая через лужи и остерегаясь запачкать брюки в грязи.

Внезапно Рефик остановился, словно его осенила какая-то важная мысль, и пошел шагом. Дождь, точно того и ждал, тут же усилился. «Это, в конце концов, глупо!» – сказал он сам себе и решил встать под карниз. Но подходящего карниза поблизости видно не было: он шел вдоль низкой садовой ограды. Вокруг шумел дождь, улица была совершенно пуста.

Вдруг к тротуару подъехало такси. «Ну хоть в чем-то мне повезло», – подумал Рефик и вдруг с удивлением услышал знакомый голос: из окна такси выглядывала Перихан и что-то ему кричала. Он подбежал к машине.

– Как же ты вымок! – воскликнула Перихан.

Тут же была и мама, сразу ставшая объяснять: они поехали в Бейоглу за Айше, встретились у Лебона с Лейлойханым, начался дождь, и поэтому они сели в такси, Лейлу-ханым высадили в Шишли, увидели Рефика и очень удивились... Все говорили, перебивая друг друга, шутили, смеялись и то и дело удивлялись, до чего же сильно промок Рефик. Счастливая семья! Рефик почувствовал, что счастье укутывает его, словно мягкое сухое одеяло, и ему стало очень хорошо. Он даже сам начал шутить.

Дома, когда они с женой поднялись к себе, Рефик пришел в совершенно ребячливое настроение. Пока Перихан вытирала ему голову полотенцем, он шутливо ныл, изображая капризного ребенка, стенал и охал. Сняв с себя мокрую одежду, принялся шутить. Увидев, что Перихан весело смеется, разошелся еще пуще: сорвал с кровати покрывало, замотался в него и стал изображать ужас римских сенаторов перед приближающейся армией Ганнибала. Перихан, смеясь, присела на стул рядом с тумбочкой. «Шутим, смеемся... А совсем недавно я бежал по улице под дождем», – весело думал Рефик.

В дверь постучали, и вошла Эмине-ханым с чаем. «Ну вот... Теперь возбуждение уляжется, я выпью чая и снова стану тихим, сдержанным и благоразумным».

Рефик уселся в кресло у окна напротив Перихан, которая сидела, поставив локти на тумбочку и время от времени поглядывая в зеркало. Он чувствовал себя смирным, как домашняя кошка. Радостное возбуждение, владевшее им недавно, прошло. «Я вспомнил, что я – почтенный гражданин. Почтенный гражданин, который работает в компании своего отца, не очень-то любит сидеть в конторе и убегает оттуда домой раньше всех. А теперь этот гражданин сидит вместе со своей женой в спальне, обставленной в стиле ар-нуво». Он посмотрел на шкаф и большую кровать, своими мягкими линиями и округлыми изгибами напоминая очертания корабельной палубы. «Гражданин... Материально обеспеченный и не жалующийся на здоровье. И вообще – на что мне жаловаться? Мне, серьезному, почтенному гражданину?» Где-то

совсем близко ударила молния. Рефик и Перихан посмотрели в окно: в саду за домом ветер раскачивал высокие каштаны.

– Что ты сегодня делал? – спросила Перихан.

«Она задает этот вопрос каждый вечер, – подумал Рефик. – Словно смеется надо мной».

Но всерьез сердиться на Перихан он не мог.

– Да ничего особенно. Все как обычно.

«Как обычно, – думал Рефик в наступившем молчании. – Утром ушел на работу с отцом и братом. Пришел в контору, почитал газеты. До обеда успел просмотреть пару документов. Написал заказ на поставки из Германии. Потом все вместе сходили в ресторан, пообедали. После обеда немного поговорил о делах с братом, потом за кофе обсудили кое-что с Садыком. Ушел из конторы, дошел пешком до моста, сел в трамвай, попал под дождь...»

Он смотрел на Перихан так, словно хотел прочесть в ее лице ответ на вопрос: что он, Рефик, за человек? Перихан решительным жестом убрала упавшую на лоб прядь волос, и он пришел в себя.

– А ты что делала?

– Я? – удивленно посмотрела на него Перихан. Рефик не часто задавал такие вопросы.

– Да, расскажи-ка.

– Утром мы вышли пройтись, подышать свежим воздухом. Погода была замечательная! Дошли до самого кафе в Топагаджи.

Перихан замолчала, глядя на мужа. Рефик заметил, что ей хочется продолжать, а ему самому очень хотелось ее послушать.

– Рассказывай, рассказывай! Да поподробнее.

– После того как ты ушел, мы с твоей мамой и Нермин пошли в сад за домом, продолжили там завтрак. Поговорили.

– О чем?

– Да так, самый обычный разговор. Сначала говорили о саде. Каштаны очень выросли. Твоя мама рассказала, какими они были, когда она только сюда приехала, тридцать лет назад. Интересно, сколько живут каштаны? Потом зашла речь о том, что сад не ухожен, что садовник Азиз мало им занимается. Твоя мама стала ругать Азиза, сказала, что он никогда не приведет сад в порядок, потому что его больше интересует зеленая лавка, которую он недавно открыл. Она сказала, что нужно подыскать кого-нибудь другого на его место, но в конце концов все согласились, что лучше Азиза все равно никого не найти. За чаем Нермин читала газеты, твоя мама вязала, а я ей помогала: считала петли, примеряла и так далее. Потом решили в одиннадцать сходить в Топагаджи. Зашли в дом. Я пошла к нам, прибралась немного, заправила постель. Потом мне стало скучно, и я присела посмотреть в окно. Нермин говорила по телефону с какой-то своей подругой. Я тоже подумала, не позвонить ли мне кому-нибудь, но так и не решила кому. Продолжать?

– Да-да, рассказывай.

– Пока Нермин разговаривала по телефону, я спустилась в перламутровую комнату и немного поиграла на фортепиано Айше. Знаешь, я очень жалею, что бросила заниматься музыкой. Потом подумала, чем еще себя занять, и пошла в сад перед домом. В одиннадцать все собрались у дверей. Когда твоя мама выходит из дому, это целое событие. Пока соберется, пока приведет себя в порядок перед зеркалом... Нермин ей сказала, что она чересчур тепло оделась, но она на это не обратила внимания. Собственно говоря, она всегда так одевается. По дороге твоя мама снова начала рассказывать о старом Нишанташи. Кто раньше жил в этом доме, кому принадлежал тот сад и так далее. Интересно. Нермин рассказала, как она в детстве играла во дворе мечети и в саду, который там по соседству. Напротив полицейского участка свернули вниз. Дошли до кафе, что напротив молочной лавки, сели за свой обычный столик. Они выпили чай, а я захотела лимонада. Еще взяли каленого гороха. В кафе мы не очень-то

разговаривали. Я по большей части молчала, смотрела вниз, на склон холма. На обратном пути твоя мама рассказала про Ибрагим-пашу который сошел с ума. Мы как раз проходили мимо его особняка. Я раньше эту историю не слышала... Забавно. А один из его внуков, представляешь, уехал в Америку и перешел в христианство. Потом мы увидели, что нам навстречу идет дряхлый старик, которого под руку поддерживает слуга. Оказалось, что это Сейфи-паша. Твоя мама поцеловала ему руку, и они немного поговорили. Он сказал, что в Тешвикийе рядом с мечетью началось какое-то строительство. Твоей маме стало интересно, и мы пошли туда посмотреть. На обед ели котлеты и силькме из баклажанов. На ужин тоже будут баклажаны. После обеда позвонила Лейла, поговорила с твоей мамой... Да ты не слушаешь!

– Нет-нет, очень внимательно слушаю!

– Собственно, рассказывать уже почти нечего. После обеда я немного поспала, а в три мы отправились в Бейоглу. Прошли по магазинам, ничего не нашли. Зашли за Айше, посидели с Лейлой у Лебона. Потом начался дождь...

Перихан опустила голову и заглянула в шкатулку, которую открыла, пока говорила. Рефик отвернулся и, откинувшись в кресле, стал смотреть в окно на дождь и дрожащие на ветру деревья. Его охватило какое-то неопределенное беспокойство. Думать ни о чем не хотелось, в особенности о себе самом.

Некоторое время сидели молча, вместе смотрели в окно. Дождь, начавший было стихать, полил с новой силой.

– Давай сходим вечером в кино, – предложил Рефик.

– Давай, – тихо сказала Перихан, и снова наступило молчание.

– Куда пойдем? – наконец спросил Рефик.

Перихан не ответила, только пожала плечами.

«Наверное, она не очень хочет идти», – подумал Рефик.

Потом спросил:

– Газеты внизу? В Ипеке сегодня было какое-то происшествие...

Перихан неопределенно покачала головой.

– Ладно, я пойду поищу газеты, – сказал Рефик, но не двинулся с места.

Он чувствовал себя ленивым и сонным, шевелиться не хотелось. «Пойдем в кино – хорошо, не пойдем – еще лучше...» – равнодушно думал он. Рассказ Пери хан его тоже не очень заинтересовал, но в нем не было ничего пугающего, в отличие от мыслей о себе самом. В этом доме легко можно было найти спасение от мелких неприятностей жизни. Если и станет вдруг грустно, если начнут одолевать печальные мысли о себе, о Перихан, о семейной жизни и о жизни вообще – можно пойти перебраться парой шуток с мамой, затеять игру с племянниками или, в крайнем случае, пойти в гостиную и присоединиться к общей беседе.

Спустившись за газетами, Рефик обнаружил в гостиной Джевдет-бея и Османа, которые о чем-то разговаривали. Рефик стал прислушиваться к их разговору и вскоре понял, что от тоски не осталось и следа.

Глава 10. Письмо с Востока

Открыв дверь и увидев перед собой Назлы, тетя Джемиле испустила невнятный радостный вопль. Она так встречала племянницу из университета каждый вечер, к чему Назлы успела привыкнуть. Потом посыпался град слов и восклицаний, которые уже можно было разобрать:

– Вернулась! Вернулась, девочка моя! Я так боялась, что ты замерзнешь...

– Нет, я не замерзла, – сказала Назлы, снимая пальто. Открыла шкаф, чтобы достать тапочки.

– Утром я решила сходить на Таксим – дай, думаю, куплю капусты. И так замерзла! Уже и снег выпал!

– Да не так уж холодно, тетушка, – сказала Назлы и подумала: «Я прямо как мужчина – утешаю ее, успокаиваю...»

– А ведь ты утром чуть было не надела тот тонкий плащ!

Назлы промолчала. Переодеваясь, она вспоминала сегодняшний день в университете. Филологический факультет находился в Везнеджилере⁵⁹, в бывшем особняке Зейнеп-ха ным, жены одного из садразамов времен империи. Два занятия прошли впустую – на одном просто разговаривали, на другом делали перевод. Выйдя на улицу, она прошлась до бассейна в Бей-азыте вместе с юношами-однокурсниками, которым очень нравилось по-братски ее опекать. Простившись с ними, села в трамвай и поехала домой.

Умывшись и одевшись, Назлы прошла в гостиную. Вслед за ней туда пришла и тетя Джемиле. За чаем она рассказывала, что произошло за день. Кошка забралась в обувной шкаф, никто этого не заметил, и бедное животное несколько часов провело в заточении. В одной газете писали про Мухтар-бея. От Омера пришло новое письмо. Сообщая последнюю новость, тетя особенно оживилась.

Назлы взяла газету.

«Новости культурной жизни Манисы... Окрестности народного дома в Манисе – подлинный очаг культуры. Рядом со зданием кинотеатра, в котором в прошлом году давали представления театральные труппы, а весной устраивались званые вечера и разного рода собрания, теперь открылась библиотека. На открытии присутствовал депутат меджлиса от Манисы Мухтар Лачин».

– Прочитала? – спросила тетя.

– Прочитала.

– Ну вот, видишь! – Тетя покачала головой, словно была чем-то очень удивлена, – должно быть, хотела немного поговорить об этой статье. Возможно, она надеялась, что после этого удастся обсудить и письмо Омера.

– Когда придет «Манисская почта», мы и фотографии папины увидим, – сказала Назлы.

– Эта площадь стала такая красивая! Как жаль, что я столько лет уже не могу выбраться в Манису!

– Если хотите, тетушка, как-нибудь съездим туда вместе, – предложила Назлы и спросила, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно: – А где письмо?

– Я его положила в твою комнату. Подожди, сейчас принесу.

– Я сама схожу, – сказала Назлы, но осталась сидеть. Ей не хотелось, чтобы тетя смотрела на нее, пока она читает письмо. Поэтому она продолжала пить чай и просматривать газеты.

Тетя Джемиле снова начала рассказывать про кошачьи проделки, но как-то невесело. Оживление покинуло гостиную – словно была допущена какая-то бестактность и кому-то

⁵⁹ Везнеджилер – район в европейской части Стамбула к югу от Золотого Рога.

нужно было извиниться, чтобы все стало как раньше. Назлы было件нятно, что тетя тоже думает о письме.

Начиная с апреля, то есть уже семь месяцев, Омер регулярно писал Назлы письма. В конце лета он пообещал, что осенью приедет в Стамбул, но в одном из следующих писем сообщил, что времени на это у него не будет, потому что работы в туннеле, требующие его постоянного присутствия, затянутся на всю зиму. В первых посланиях он в основном рассказывал о своей жизни на новом месте, о том, что успел там увидеть, о работе и о людях – остроумно, насмешливо. В одном из писем, посланных в середине лета в Анкару, он говорил о том, что в жизни нужно быть «завоевателем». Писал он и о работавшем на соседнем участке инженере-немце, к которому иногда ходил в гости. Написал отдельное письмо тете Джемиле, поскольку она помогала ему с продажей лавок и земельных участков, о которых он говорил, уезжая из Стамбула. С помощью тети Джемиле и жившего в Бакыркее дяди Омер превратил всю свою недвижимость в наличные. Тетя не скрывала своего удивления и ужаса по этому поводу.

Допив чай, Назлы ушла в свою комнату. Взяла со стола письмо и присела на краешек кровати. Конверт был легче, чем обычно. Должно быть, в нем лежал совсем маленький листок бумаги. Назлы почему-то стало тревожно, и она вздрогнула.

В последних письмах Омер больше рассказывал о себе – возможно, потому, что вынужден был долгие зимние месяцы работать в туннеле, жить в одной и той же обстановке, в окружении одних и тех же людей. Однако то, как он писал о себе, заставляло Назлы беспокоиться. Омер жаловался на одиночество, говорил, что общения с немцем ему недостаточно. Ему, похоже, хотелось излить душу, но он, словно зная, что тогда наружу выйдет нечто отталкивающее или пугающее, все медлил и собирался с духом. Назлы это пугало, и поэтому в последнее время она старалась писать ему в ответ очень осторожно и взвешенно. Посоветовала не начинать пить – отправляя это письмо, она была очень довольна собой, хотя и чувствовала в то же время некоторое смущение. Она достаточно знала о жизни – пусть главным образом из книг, – чтобы предположить, что попавший из Европы в провинциальную глушь одинокий инженер может попытаться найти утешение на дне бутылки.

Назлы вскрыла конверт пером от ручки и начала читать.

30 октября 1936

Дорогая Назлы!

Я пишу это письмо, не дожидаясь ответа на предыдущее. Наверное, ты удивишься, когда прочтешь его. Я устал снова и снова писать и рвать неотправленные письма, так что это точно отправлю, и будь что будет. К тому же я выпил раки, и мне сейчас хорошо. В комнате горит газовая лампа, печка гудит... Сосед храпит за стенкой. Ладно, вот что я хотел тебе написать. Я поразмыслил и решил, что хочу на тебе жениться. Что скажешь? По-моему, удачная идея! И моим большим планам на будущее она, кажется, не противоречит. Напиши мне ответ. Не торопись, но и не медли. Я не стану тебе пока писать – буду ждать ответа. Только подумай, как это будет мне тягостно! Но вот я снова пытаюсь тебя разжалобить. Плохое, ужасное вышло у меня письмо. Но делать нечего, я его отправлю, потому что тысячу раз давал себе клятву отправить, тысячу раз говорил себе, что это глупо – писать и выбрасывать. Будь что будет! Поступай, как подскажет тебе сердце, но, пожалуйста, не медли с ответом! Не забудь, как всегда, передать привет тете.

Омер

Назлы прочитала письмо еще раз, пытаясь представить себе, как выглядел Омер, когда его писал. Дочитав, спросила сама себя: «Как же мне теперь быть?» Как она и ожидала, ей стало страшно. Чтобы успокоиться, Назлы откинулась на подушку. «Скорее всего, я выйду за него замуж», – подумала она и заволновалась, заметив, что эта мысль ее не испугала. Но почему она так подумала?

«Потому что он мне нравится! Еще в Курбан-байрам, когда он к нам впервые пришел, поняла, что нравится!» Но это были причины очень заурядные, ей они не подходили. «Омер умный, упорный, предприимчивый, красивый...» – перечислив все положительные качества Омера, Назлы решила, что ей нужно гордиться, раз такой выдающийся человек обратил на нее внимание. «А что скажет папа?» Отец никогда не говорил об Омере. Только однажды, когда передавал ей одно из писем, которые Омер писал в Анкару, по его лицу промелькнула какая-то тень. А что сказала бы мама, будь она жива? Улыбнулась бы и посоветовала хорошенько подумать. Мама всегда говорила, что Назлы повезло, потому что ей не придется искать мужа при посредничестве свахи. Папа в таких случаях не упускал возможности похвалить реформаторов и начинал вспоминать те времена, когда он был губернатором Манисы. «И о чем я только думаю? – подумала Назлы, подтянула ноги, обхватила колени руками и прошептала: – Любовь...» Это было стыдное слово. В семейном кругу его никогда не произносили, а если произносил кто-нибудь посторонний, делали вид, будто не слышали. А ведь все в ее семье друг друга любили. Слово это ассоциировалось у Назлы с романами, которые она читала, сидя одна в комнате, с поцелуями на киноэкране (ей всегда хотелось, чтобы эти сцены поскорее кончались) и с некоторыми женщинами, которых всех презирали. Выбросив вдруг все это из головы, она повторила это слово вслух и сама себе удивилась. Потом стала представлять себе будущую свадьбу. «Манисская почта» должна осветить ее во всех подробностях. «Что они напишут об Омере? Молодой инженер, получивший образование в Европе...» – подумала Назлы, и ей стало стыдно за свои мысли. А что будут говорить однокурсники в университете? «Милая девочка, красавец-инженер...» Назлы в очередной раз решила, что все они люди недалекие. «В университет я больше ходить не буду. Не нравятся мне эти бестолковые занятия и атмосфера вечной скуки. Хорошо, а что же мне нравится? Мне нравится, когда всем весело и хорошо, когда все улыбаются. Нравится, когда вокруг умные люди! Вот так. И я уверена, что с Омром у меня будет именно такая жизнь. Напишу-ка я ему скорее, а то еще пристрастится там к выпивке...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.